

Фридрих Шиллер РАЗБОЙНИКИ

Драма в пяти актах

Оригинальное название:

Die Räuber

1781

Перевод с немецкого Н. Ман

Примечания Н. Славягинского

«Разбойники» — первая опубликованная драма [Фридриха Шиллера](#), написанная в 1781 году.

Ebook: <http://originalbook.ru>

Разбойники. Фридрих Шиллер

*Quae medicamenta non sanant,
ferrum sanat; quae ferrum
non sanat, ignis sanat.*

Hippokrates^{1 2}

In tyrannos!³

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Максимилиан, владетельный граф фон Моор.

Карл, Франц – его сыновья.

Амалия фон Эдельрейх.

Шпигельберг, Швейцер, Гримм, Рацман, Шуфтерле, Роллер, Косинский, Шварц – беспутные молодые люди, потом разбойники.

Герман, побочный сын дворянина.

Даниэль, слуга графа фон Моора.

Пастор Мозер.

Патер.

Шайка разбойников.

Второстепенные действующие лица.

Место действия – Германия; время – около двух лет.

¹ Чего не исцеляют лекарства, исцеляет железо; чего не исцеляет железо, исцеляет огонь. Гиппократ (лат.).

² Гиппократ (IV–III вв. до н. э.) – знаменитый врач в Древней Греции, прозванный «отцом медицины». Под именем «гиппократических» до нас дошло от античных времен много медицинских сочинений различных авторов. Эпиграф к «Разбойникам» взят из так называемых «Афоризмов» Гиппократа. Шиллер (напомним – врач) опускает конец этого изречения: «...а то, чего не излечивает огонь, следует считать неизлечимым».

³ На тиранов! (лат.)

АКТ ПЕРВЫЙ**Сцена первая**

Франкония⁴. Зал в замке Мооров.

Франц, старик Моор.

Франц . Здоровы ли вы, отец? Вы так бледны.

Старик Моор . Здоров, мой сын. Ты что-то хотел мне сказать?

Франц . Почта пришла... Письмо из Лейпцига от нашего стряпчего...

Старик Моор (*взволнованно*). Вести о моем сыне Карле?

Франц . Гм, гм! Вы угадали! Но я опасаюсь... Право, не знаю... Ведь ваше здоровье... Точно ли вы себя хорошо чувствуете, отец?

Старик Моор . Как рыба в воде! Он пишет о моем сыне? Но что ты так забеспокоился обо мне? Второй раз спрашиваешь меня о здоровье.

Франц . Если вы больны, если чувствуете хоть легкое недомогание, увольте... Я дождусь более подходящей минуты. (*Вполголоса.*) Эта весть не для хилого старца.

Старик Моор . Боже! Боже! Что я услышу?

Франц . Дозвольте мне сперва отойти в сторонку и пролить слезу сострадания о моем заблудшем брате. Я бы должен был вечно молчать о нем – ведь он ваш сын; должен был бы навеки скрыть его позор – ведь он мой брат, Но повиноваться вам – мой первый, печальный долг, А потому не взыщите...

Старик Моор . О Карл, Карл! Если бы ты знал, как своим поведением ты терзаешь отцовское сердце! Одна-единственная добрая весть о тебе прибавила бы мне десять лет жизни, превратила бы меня в юношу... Но – ах! – каждая новая весть еще на шаг приближает меня к могиле!

Франц . О, коли так, несчастный старик, прощайте! Не то мы еще сегодня будем рвать волосы над вашим гробом.

---

⁴ Франкония – одна из областей Германской империи, распадавшаяся в конце XVIII века на шестьдесят девять отдельных государств, в том числе двадцать пять графств. (Один этот пример показывает степень раздробленности тогдашней Германии.)

Старик Моор (*опускаясь в кресло*). Не уходи! Мне осталось сделать лишь один шаг... А Карл... Вольному воля! Грехи отцов взыскиются в третьем и четвертом колене... Пусть добивает!

Франц (*вынимает письмо из кармана*). Вы знаете нашего стряпчего? О, я бы дал отсечь себе руку за право сказать: он лжец, низкий, черный лжец! Соберитесь же с силами! Простите, что я не даю вам самому прочесть письмо. Всего знать вы еще не должны.

Старик Моор. Всё, всё! Сын, ты избавишь меня от немощной старости.

Франц (*читает*). «Лейпциг, первого мая. Не будь я связан нерушимым словом сообщать тебе, любезный друг, все, что узнаю о похождениях твоего братца, мое скромное перо не стало бы так терзать тебя. Мне известно по множеству твоих писем, что подобные вести пронзают твое братское сердце. Я уже вижу, как ты льешь горючие слезы из-за этого гнусного, беспутного...»

Старик Моор закрывает лицо руками.

Видите, батюшка, а ведь я читаю еще самое невинное... «...льешь горючие слезы...» Ах, они текли, они лились солеными ручьями по моим щекам! «Я уже вижу, как твой старый, почтенный отец, смертельно бледный...» Боже! Вы и впрямь побледнели, хотя не знаете еще и малой доли!..

Старик Моор. Дальше! Дальше!

Франц. «...смертельно бледный, падает в кресло, кляня день, когда он впервые услышал лепет: «Отец». Всего разузнать мне не удалось, а потому сообщаю лишь то немногое, что мне стало известно. Твой брат, как видно, дошел до предела в своих бесчинствах; мне, во всяком случае, не придумать ничего, что уже не было бы совершено им, но, быть может, его ум окажется изобретательнее моего. Вчера ночью, сделав долгую на сорок тысяч дукатов...» Недурные карманные денежки, отец! «...а до того обесчестив дочь богатого банкира и смертельно ранив на дуэли ее взыхателя, достойного молодого дворянина, Карл с семью другими товарищами, которых он вовлек в распутную жизнь, принял знаменательное решение – бежать от рук правосудия». Отец! Ради бога, отец! Что с вами?

Старик Моор. Довольно, перестань, сын мой!

Франц. Я пощажу вас. «Ему вдогонку послана беглая грамота... Оскорбленные вопиют об отомщении. Его голова оценена... Имя Мооров...» Нет! Мой злосчастный язык не станет отцеубийцей. (*Разрывает письмо.*) Не верьте письму, отец! Не верьте ни единому слову!

Старик Моор (*горько плачет*). Мое имя! Мое честное имя!

Франц (*падает ему на грудь*). Презренный, трижды презренный Карл! Разве я не предчувствовал этого еще в детстве, когда мы услаждали душу молитвами, а он, как преступник от темницы, отвращал свой взор от божьего храма, таскался за девками, гонял по лугам и горам с уличными мальчишками и всяkim сбродом, выклянчивал у вас монеты и бросал их в шапку первого встречного нищего? Разве я не предчувствовал этого, видя, что он охотнее читает жизнеописания Юлия Цезаря⁵, Александра Великого⁶ и прочих столь же нечестивых язычников, чем житие кающегося Товия⁷? Сотни раз я предсказывал вам, — ибо любовь к брату всегда уживалась во мне с сыновним долгом, — что этот мальчик ввергнет нас в позор и гибель. О, если бы он не носил имени Мооров! Если б в моем сердце было меньше любви к нему! Безбожная любовь, которую я не в силах вырвать из своего сердца! Она еще будет свидетельствовать против меня перед престолом всеышнего.

Старик Моор. О, мои надежды! Мои золотые грэзы!..

Франц. Вот именно. Про что же я вам и толкую. Этот пылкий дух, что бродит в мальчике, говорили вы тогда, делающий его столь чутким ко всему великому и прекрасному, эта искренность, благодаря которой его душа, как в зеркале, отражается в его глазах, эта чувствительность, заставляющая его проливать горючие слезы при виде любого страдания, эта мужественная отвага, подстрекающая его залезать на вершины столетних дубов и вихрем переноситься через рвы, изгороди и стремительные потоки, это детское честолюбие, это непреклонное упорство и прочие блестательные добродетели, расцветающие в сердце вашего любимца, — о, со временем они сделают из него

⁵ Юлий Цезарь (I в. до н. э.) — римский государственный деятель и полководец, ставший в последние годы своей жизни почти неограниченным диктатором Рима. Был убит заговорщиками-республиканцами, с Брутом и Кассием во главе, желавшими предупредить монархический переворот в тогда еще республиканском Риме. Дело республики было проиграно после поражения Брута и Кассия при Филиппах (в Македонии) в 42 году до н. э.

⁶ Александр Великий (IV в. до н. э.) — сын македонского царя Филиппа, один из величайших полководцев древних времен.

⁷ Товия — имя героя библейской Книги Товита.

верного друга, примерного гражданина, героя, большого, великого человека! Вот и полюбуйтесь теперь, отец! Пылкий дух развился, окреп – и что за прекрасные плоды принес он! Полюбуйтесь-ка на эту искренность – как она быстро обернулась наглостью, а чувствительность – как она пригодилась для воркования с кокетками, как живо отзыается она на прелести какой-нибудь Фрины⁸. Полюбуйтесь на этот пламенный дух: за каких-нибудь шесть годков он начисто выжег в нем все масло жизни, и Карл, еще не расставшись с плотью, призраком бродит по земле, а бесстыдники, глазея на него, приговаривают: «C'est l'amour qui a fait ça!»⁹ Да, полюбуйтесь на этот смелый, предприимчивый ум, как он замышляет и осуществляет планы, перед которыми тускнеют геройские подвиги всех Картушей и Говардов¹⁰. А то ли еще будет, когда великолепные ростки достигнут полной зрелости! Да и можно ли ждать совершенства в столь нежном возрасте? И, быть может, отец, вы еще доживете до радости видеть его во главе войска, что квартирует в священной тиши дремучих лесов и наполовину облегчает усталому путнику тяжесть его ноши! Может быть, вам еще доведется, прежде чем сойти в могилу, совершить паломничество к памятнику, который он воздвигнет себе между небом и землей!¹¹ Может быть... О отец, отец, отец! Ищите себе другое имя, или все мальчишки и торговцы, видевшие на лейпцигском рынке портрет вашего сынка¹², станут указывать на вас пальцами.

Старик Моор . И ты тоже, мой Франц? Ты тоже? О, мои дети! Они разят меня прямо в сердце!

Франц . Видите, и я могу быть остроумным. Но мой юмор – жало скорпиона... И вот этот «сухой, заурядный человек», этот «холодный, деревянный Франц» или – не знаю, на какие там еще милые прозвища вдохновляло вас различие между мною и братом, когда он, сидя на отцовских коленях, теребил вас за щеки, – этот Франц умрет в родном углу, истлеет и будет позабыт, в то время как слава того всемирного гения пронесется от полюса к полюсу! О создатель!

⁸ *Фрина* – древнегреческая танцовщица. Скульптор Пракситель (IV в. до н. э.) взял Фрину образцом для статуи богини красоты Афродиты (у римлян – Венеры).

⁹ Это любовь его доконала! (*франц.*)

¹⁰ *Картуш* – французский вор, бывший своего рода знаменитостью в начале XVIII века. О *Говарде* (судя по фамилии, англичанине) ничего не известно.

¹¹ ...памятнику, который он воздвигнет себе между небом и землей! – Речь идет о виселице.

¹² ...видевшие на лейпцигском рынке портрет вашего сынка... – Портреты преступников, которых не могли поймать, выставлялись на рыночной площади, у позорного столба.

(Молитвенно воздевая руки.) Холодный, сухой, деревянный Франц благодарит тебя за то, что он не таков, как тот!

Старик Моор. Прости меня, сын мой! Не гневайся на отца, обманутого в своих надеждах! Господь, что заставил меня лить слезы из-за Карла, осушит их твоей рукой, мой милый Франц!

Франц. Да, отец, я осушу их. Франц готов пожертвовать своей жизнью, чтобы продлить вашу. Ваша жизнь – для меня оракул, которого я вопрошу перед любым начинанием; зеркало, в котором я все созерцаю. Для меня нет долга, даже самого священного, которого бы я не нарушил, когда дело идет о вашей бесценной жизни. Верите ли вы мне?

Старик Моор. На тебя лягут еще и другие обязанности, сын мой. Господь да благословит тебя за то, чем ты был для меня и чем будешь.

Франц. Скажите, если бы вы того сына не должны были называть сыном, почли бы вы себя счастливым?

Старик Моор. Молчи! О, молчи! Когда повивальная бабка впервые подала мне его, я высоко его поднял и воскликнул: «Разве я не счастливый человек!»

Франц. Так вы сказали, да не так оно вышло. Теперь вы завидуете последнему из ваших крестьян, что он не отец такого сына. Нет, вам не избыть горя, покуда у вас есть этот сын. Оно станет зреть вместе с Карлом. Оно подточит вашу жизнь.

Старик Моор. О, оно уже сделало меня восьмидесятилетним старцем!

Франц. Итак... А что, если вы отречетесь от этого сына?

Старик Моор (вздрагивая). Франц! Франц! Что ты говоришь?

Франц. Но разве не любовь к нему заставляет вас так страдать? Без этой любви он для вас не существует. Без этой преступной, проклятой любви он мертв для вас, никогда не рождался. Не плоть и кровь – сердце делает нас отцами и детьми. Если вы его не любите, этот выродок уже не сын вам, хоть бы он и был плотью от плоти вашей. Доныне он был для вас зеницею ока, но «аще соблазняет тебя око, – гласит Писание, – вырви его вон». Лучше с одним глазом в раю, нежели с двумя в геенне огненной. Лучше бездетным предстать господу, нежели обоим, отцу и сыну, низринуться в ад. Так глаголет бог!

Старик Моор. Ты хочешь, чтобы я проклял моего сына?

Франц . Нет, нет! Вам незачем проклинать сына! Кого вы зовете своим сыном? Того, кому вы дали жизнь и кто делает все, чтобы сократить вашу?

Старик Моор . О, ты прав, ты прав! Это суд божий надо мною! Господь избрал его своим орудием.

Франц . Полюбуйтесь же на сыновние чувства вашего любимца! Он душит вас вашим же отеческим снисхождением, убивает вас вашей же любовью. Он подкупил ваше отчее сердце, чтобы оно отказалось служить вам. Не станет вас – и он хозяин ваших земель, властелин своих страстей! Плотина рухнула, и поток его вожделений мчится, не встречая препон. Поставьте себя на его место! Как часто должен он призывать смерть на своего отца, на своего брата, безжалостно преграждающих дорогу его распутству. И это – любовь за любовь? И это – сыновняя благодарность за отцовскую кротость, когда мгновенному приливу похоти он жертвует десятью годами вашей жизни, когда, обуреваемый сладострастием, он ставит на карту славу своих предков, не запятнанную на протяжении семи столетий? И его вы называете сыном? Отвечайте! Его – своим сыном?

Старик Моор . Бездолестное дитя! Ах, но все же мое дитя!

Франц . Мое дитя! Милое, прелестное дитя, которое только о том и думает, как бы поскорее осиротеть. О, когда же вы это поймете! Когда спадет пелена с ваших глаз! Ведь ваша снисходительность позволит ему закоренеть в разврате, ваше потворство послужит ему оправданием. Правда, так вы отведете проклятие, тяготеющее над его головой, но на вас, на вас, отец, падет оно тогда.

Старик Моор . Да, ты прав! Мой грех, мой грех!

Франц . Сколько тысяч людей, жадно пивших из чаши наслаждений, искусили свои грехи страданием! И разве телесный недуг, спутник всяких излишеств, – не есть перст божий? Вправе ли человек своей жестокой мягкостью отвращать этот перст? Вправе ли отец навеки погубить залог, врученный ему небом? Подумайте, отец: если вы хоть на время отступитесь от Карла, не будет ли он вынужден исправиться и обратиться на путь истины? Если же он и в великой школе несчастья останется негодяем, тогда горе отцу, потворством и мягкосердечием разрушившему предназначения высшей мудрости! Ну как, отец?

Старик Моор . Я напишу, что лишаю его отцовской поддержки.

Франц . Вы поступите правильно и разумно!

Старик Моор. И чтобы он мне и на глаза не показывался.

Франц. Это окажет спасительное действие.

Старик Моор (*нежно*). Покуда не исправится.

Франц. Хорошо, очень хорошо! А ну как он вернется, прикрывшись личиной добродетели, выплачет у вас сострадание, выклянчит прощение, а назавтра уйдет и в объятиях распутниц; станет насмехаться над вашей слабостью?.. Но нет, нет, отец! Он вернется по доброй воле, лишь когда совесть перестанет упрекать его.

Старик Моор. Так я ему и напишу.

Франц. Погодите! Еще одно, отец! Я боюсь, как бы в гневе у вас не сорвалось с пера слишком жестокое слово; оно смертельно ранит его сердце. И вдобавок не сочтет ли он прощением уже то, что вы удостоили его собственноручного письма? А потому не лучше ли вам поручить это мне?

Старик Моор. Хорошо, сын мой! Ах! Это и вправду разбило бы мое сердце. Напиши ему.

Франц (*быстро*). Значит, так тому и быть?

Старик Моор. Напиши ему, что ручи кровавых слез, что тысячи бессонных ночей... Но не доводи моего сына до отчаяния!

Франц. Не хотите ли прилечь, отец? Все это так потрясло вас.

Старик Моор. Напиши ему, что отцовское сердце... Но повторяю тебе: не доводи моего сына до отчаяния! (*Уходит опечаленный.*)

Франц (*со смехом глядя ему вслед*). Утешься, старик! Ты никогда уж не прижмешь его к своей груди! Путь туда ему прегражден, как аду путь к небесам. Он был вырван из твоих объятий, прежде чем ты успел подумать, что сам того пожелаешь. Жалким был бы я игроком, если б мне не удалось отторгнуть сына от отцовского сердца, будь он прикован к нему даже железными цепями. Я очертил тебя магическим кругом проклятий, которого ему не переступить! В добрый час, Франц! Нет больше любимого сынка – поле чисто! Надо, однако, подобрать эти клочки, а то кто-нибудь еще узнает мою руку. (*Собирает клочки разорванного письма.*) Теперь горе живо приберет старика. Да и у нее из сердца я вырву этого Карла, хотя бы вместе с ним пришлось вырвать половину ее

жизни. У меня все права быть недовольным природой – и, клянусь честью, я воспользуюсь ими. Зачем не я первый вышел из материнского чрева?¹³ Зачем не единственный? Зачем природа взвалила на меня это бремя уродства? Именно на меня? Словно она обанкротилась перед моим рождением. Почему именно мне достался этот лапландский нос? Этот рот, как у негра? Эти готтентотские глаза? В самом деле, мне кажется, что она у всех людских пород взяла самое мерзкое, смешала в кучу и испекла меня из такого теста. Ад и смерть! Кто дал ей право одарить его всем, все отняв у меня? Разве может кто-нибудь задобрить ее, еще не родившись, или разобидеть, еще не увидев света? Почему она так предвзято взялась за дело? Нет, нет! Я несправедлив к ней. Высадив нас, нагих и жалких, на берегу этого безграничного океана – жизни, она дала нам изобретательный ум. Плыви, кто может плыть, а неловкий – тони! Меня она ничем не снабдила в дорогу. Все, чем бы я ни стал, будет делом моих рук. У всех одинаковые права на большое и малое. Притязание разбивается о притязание, стремление о стремление, мощь о мощь. Право на стороне победителя, а закон для нас – лишь пределы наших сил.

Существуют, конечно, некие общепринятые понятия, придуманные людьми, чтобы поддерживать пульс миропорядка. Честное имя – право же, ценная монета: можно неплохо поживиться, умело пуская ее в оборот. Совесть – о, это отличное пугало, чтобы отгонять воробьев от вишневых деревьев, или, вернее, ловко составленный вексель, который выпутает из беды и банкрота.

Что говорить, весьма похвальные понятия! Дураков они держат в решпекте, чернь под каблуком, а умникам развязывают руки. Шутки в сторону, – забавные понятия! Напоминают мне плетни, которыми наши крестьяне так хитро обносят свои поля, чтобы, сохрани боже, по ним не пробежал какой-нибудь заяц. Заяц – вот именно! Но барин пришпоривает коня и мягко скачет по блаженной памяти жатве. Бедный заяц! Жалкий удел быть зайцем на этом свете! Но зайцы-то и нужны господину.

Итак, скачи смелей! Кто ничего не боится – не менее силен, чем тот, кого боятся все. Нынче в моде пряжки на панталонах, позволяющие, по желанию, то стягивать, то распускать их. Мы велим сшить себе и совесть по новому фасону, – чтобы пошире растянуть ее, когда раздобреем! Наше дело сторона! Обратитесь к

¹³ Зачем не я первый вышел из материнского чрева? – Франц – младший сын графа Моора, а, по феодальной системе наследования по старшинству («майорат»), недвижимое имущество, главным образом поместья, переходило безраздельно к старшему сыну или к старшему в роде вместе с титулом, если владение давало на него право.

портному! Мне столько врали про так называемую кровную любовь, что у иного честного дурака голова пошла бы кругом. «Это брат твой!» Переведем на язык рассудка: он вынут из той же печи, откуда вынули и тебя, а посему он для тебя... священен. Вдумайтесь в этот мудренейший силлогизм, в этот смехотворный вывод: от соседства тел к гармонии душ, от общего места рождения к общности чувств, от одинаковой пищи к одинаковым склонностям. И дальше: «Это твой отец! Он дал тебе жизнь, ты его плоть и кровь, а посему он для тебя... священен». Опять хитрейший силлогизм! Но спрашивается, почему он произвел меня на свет? Ведь не из любви же ко мне, когда я еще только должен был стать собою. Да разве он меня знал до того, как меня смастерили? Или он хотел сделать меня таким, каким я стал? Или, желая сотворить именно меня, знал, что из меня получится? Надеюсь – нет: иначе мне пришлось бы наказать его за то, что он все-таки произвел меня на свет. Уж не возблагодарить ли мне его за то, что я родился мужчиной? Так же бессмысленно, как жаловаться, если бы я оказался женщиной! Могу ли я признавать любовь, которая не основана на уважении к моему «я»? А какое могло здесь быть уважение к моему «я», когда это «я» само возникло из того, чему бы должно было служить предпосылкой? Где же тут священное? Уж не в самом ли акте, благодаря которому я возник? Но он был не более как скотским удовлетворением скотских инстинктов. Или, быть может, священен результат этого акта? Но от него бы мы охотно избавились, не грози это опасностью нашей плоти и крови. Или я должен прославлять отца за то, что он меня любит? Но ведь это – только тщеславие, первородный грех всех художников, кичащихся своим произведением, даже если оно безобразно. Вот вам и все колдовство, которое вы такочно окутали священным туманом, чтобы во зло употребить нашу трусость. Неужто же и мне, как ребенку, ходить на этих помочах?

Итак, живо! Смелее за дело! Я выкорчу все, что преграждает мне дорогу к власти. Я буду властелином и силой добьюсь того, чего мне не добиться располагающей внешностью. (*Уходит.*)

Сцена вторая

Корчма на границе Саксонии¹⁴.

Карл Моор, углубленный в чтение. Шпигельберг пьет за столом.

---

¹⁴ Саксония – одно из крупнейших немецких княжеств (так называемое курфюршество) того времени с главными городами Лейпцигом и Дрезденом, столицей Саксонии. Позднее – королевство.

Карл Моор (*закрывает книгу*). О, как мне гадок становится этот век бездарных борзописцев, когда я читаю в моем милом Плутархе¹⁵ о великих мужах древности.

Шпигельберг (*продолжая пить, ставит перед ним стакан*). Почтай-ка лучше Иосифа Флавия!¹⁶

Карл Моор. Сверкающая искра Прометея¹⁷ погасла. Ее заменил плаунный порошок – театральный огонь, от которого не раскуришь и трубки. Вот они бегают теперь, как крысы по палице Геркулеса, и ломают себе головы над загадкой: что за сок за такой содергался в семеннике этого богатыря? Французский аббат утверждает, что Александр был жалким трусом; чахоточный профессор, при каждом слове подносящий к носу флакончик с нашатырем, читает лекции о силе; молодчики, которые, единожды сплутовав, готовы тут же упасть в обморок от страха, критикуют тактику Ганнибала; желторотые мальчишки выуживают фразы о битве при Каннах и хнычут, переводя тексты, повествующие о победах Сципиона.¹⁸

Шпигельберг. Это называется скучить по-александрийски.

Карл Моор. Недурная награда за пот, лившийся с вас в битвах: вы живете теперь в гимназиях, и школьники нехотя таскают в ранцах ваше бессмертие! Недурное вознаграждение за щедро пролитую кровь – пойти на обертку грошевых пряников в лавке нюрнбергского торгаша или, в случае особой удачи, попасть в руки французскому драматургу, который поставит вас на ходули и начнет дергать за веревочки! Ха-ха-ха!

Шпигельберг (*пьет*). Почтай-ка Иосифа, прошу тебя.

¹⁵ Плутарх (I–II вв. н. э.) – греческий историк и философ-моралист; автор сравнительных жизнеописаний греческих и римских полководцев и государственных деятелей. Эти жизнеописания с ярким изображением античных гражданских доблестей были любимейшим чтением юного Шиллера.

¹⁶ Почтай-ка лучше Иосифа Флавия! – Иосиф Флавий (I в. н. э.) – римский историк Иудеи.

¹⁷ Прометей – в древнегреческих мифах титан, защищавший человеческий род от недоброжелательства богов и от верховного божества греков Зевса (по римской мифологии – Юпитера); он был олицетворением человеческой мысли, ее неукротимой, героической силы.

¹⁸ Ганнибал. Битва при Каннах. Победы Сципиона. – Ганнибал (247–183 гг. до н. э.) и его отец Гамилькар Барка были величайшими полководцами Карфагена, торгового города-государства в Северной Африке, владевшего многочисленными колониями. Ганнибал одержал ряд побед над римлянами. Самой блестящей из них была победа при Каннах (216 г. до н. э.), в которой он уничтожил римское войско, состоявшее из восьмидесяти тысяч человек. В 202 году до н. э. Ганнибал был разбит римским полководцем Сципионом Старшим. В 146 году до н. э. Сципион Младший овладел Карфагеном и стер его с лица земли.

Карл Моор. Пропади он пропадом, этот хилый век кастратов, способный только пережевывать подвиги былых времен, поносить в комментариях героев древности или корежить их в трагедиях. В его чреслах иссякла сила, и людей плодят теперь с помощью пивных дрожжей!

Шпигельберг. Нет! Чая, братец, чая!

Карл Моор. Они калечат свою здоровую природу пошлыми условностями, боятся осушить стакан вина: а вдруг не за того выпьешь, подхалимничают перед последним лакеем, чтобы тот замолвил за них словечко его светлости, и травят бедняка, потому что он им не страшен; они до небес превозносят друг друга за удачный обед и готовы друг друга отравить из-за подстилки, которую у них перехватили на аукционе. Они проклинают саддукея¹⁹ за то, что неусердно посещает храм, а сами подсчитывают у алтаря свои ростовщические проценты; они преклоняют колена, чтобы попышнее распустить свой плащ, и не сводят глаз с проповедника, высматривая, как завит у него парик; они падают в обморок, увидев, как режут гуся, и рукоплещут, когда их конкурент обанкротится на бирже. Как горячо жал я им руку: «Один только день!» Тщетно: «В тюрьму, собаку!» Мольбы, клятвы, слезы!.. (*Топая ногой.*) О, силы ада!

Шпигельберг. И все из-за каких-то паршивых двух тысяч дукатов.

Карл Моор. Нет! Я не хочу больше об этом думать! Это мне-то сдавить свое тело шнурковой, а волю зашнуровать законами? Закон заставляет ползти улиткой и того, кто мог бы взлететь орлом! Закон не создал ни одного великого человека, лишь свобода порождает гигантов и высокие порывы. Проникши в брюхо тирана, они потворствуют капризам его желудка и задыхаются от его ветров! О, если бы дух Германа восстал из пепла!²⁰ Поставьте меня во главе войска таких молодцов, как я, и Германия станет республикой, пред которой и Рим и Спарта покажутся женскими монастырями. (*Бросает шпагу на стол и встает.*)

Шпигельберг (вскакивая). Браво, брависсимо! Вот ты и дошел до моей мысли! Я сейчас шепну тебе на ухо, Моор, то, что уже давно засело мне в голову. Ты для такого дела самый подходящий человек! Пей, братец, пей! Что, если нам объявить себя иудеями и восстановить Иудейское царство?

---

¹⁹ ... проклинают саддукея... – Саддукеи – религиозно-политическая секта в древней Иудее, отрицавшая все религиозные обряды, кроме закона Моисея, и веру в загробное воздаяние.

²⁰ ...О, если бы дух Германа восстал из пепла! – Герман – вождь германского племени херусков Арминий, разбивший римские легионы Вара в 9 году н. э.

Карл Моор (*хохочет во все горло*). А! Я вижу, ты собрался вывести из моды крайнюю плоть, потому что твоя уже сделалась добычей цирюльника?

Шпигельберг. Чтоб тебя, окаянный! Со мной и вправду случилась такая оказия. Но признайся, что это хитрый и отважный план. Мы издадим манифест, разошлем его на все четыре стороны света и призовем в Палестину всех, кто не жрет свиного мяса. Там я документально доказываю, что Ирод-тетрарх²¹ – мой предок, и так далее и так далее. То-то начнется ликование, братец, когда они опять почувствуют почву под ногами и примутся за отстройку Иерусалима. И тут, пока железо горячо, гони турок из Азии, руби ливанские кедры,²² строй корабли, сбывай кому попало старье и обноски! Тем временем...

Карл Моор (*улыбаясь, берет его за руку*). Полно, друг, пора бросить дурачества.

Шпигельберг (*озадаченно*). Тыфу, пропасть! Уж не хочешь ли ты разыграть из себя блудного сына? Ты, удалец, написавший шпагой на физиономиях больше, чем три писца в високосный год успеют написать в приказной книге?.. Уж не напомнить ли тебе о пышном собачьем погребении? Ладно же! Я воскрешу в твоей памяти твой собственный образ. Быть может, это вольет огонь в твои жилы, раз уж ничто другое тебя не вдохновляет. Помнишь еще, как господа из магистрата приказали отстрелить лапу твоей меделянской суке, а ты в отместку предписал пост всему городу? Все гоготали над твоим рескриптом; но ты, не будь дурак, велишь скупить все мясо в городе, так что через восемь часов во всей округе не сыскать даже обглоданной кости и рыба начинает подниматься в цене. Магистрат, бюргеры алчут мести! Тысяча семьсот наших ребят выстроились мигом, ты во главе, а позади мясники, разносчики, трактирщики, цирюльники и портные – словом, все цеха, готовые в щепы разнести город, если кого-нибудь из наших хоть пальцем тронут. Ну, тем, конечно, и пришлось повернуть оглобли. Ты немедленно созываешь докторов – целый консилиум – и сулишь три дуката тому, кто пропишет собаке рецепт. Мы страшились, что у господ врачей хватит гордости заупрямиться и отказаться, и уж готовы были применить силу. Как бы не так! Почтенные медики передрались из-за трех

²¹ *Ирод-тетрарх* – или Ирод Антипа, или Антипатр, сын Ирода Великого, получивший от отца, по завещанию, четвертую часть его владений (отсюда и прозвище «тетрарх» – «четвертовластец»), правитель Галилеи и Переи, находившихся под римским владычеством.

²² ...руби ливанские кедры... – Ливан – горный хребет в Сирии и в Ливане протяженностью около 450 километров, некогда знаменитый великолепием кедровых лесов.

дукатов и живо сбили цену до трех баценов; в минуту появилась добрая дюжина рецептов, так что сука тут же и околела.

Карл Моор. Подлецы!

Шпигельберг. Погребение совершается с отменным великолепием; надгробных речей, восхваляющих пса, не обобраться. И вот среди ночи мы, чуть ли не тысяча человек, выстраиваемся, каждый с фонарем в одной и рапирой в другой руке, да так, под колокольный звон, бряцая оружием, и проходим через весь город до места последнего упокоения собаки. Затем до самого рассвета идет жратва. Наконец ты встаешь, благодаришь за участие и велишь пустить в продажу остатки мяса за полцены! *Mort de ma vie!*²³ Мы глядели на тебя с не меньшим почтением, чем гарнизон завоеванной крепости глядит на победителя.

Карл Моор. И тебе не стыдно этим похваляться? У тебя хватает совести не стыдиться таких проделок?

Шпигельберг. Молчи, молчи! Ты больше не Моор. Не ты ли за бутылкою вина тысячи раз насмехался над старым скрягой, приговаривая: «Пусть себе копит да скряжничает, а я буду пить так, что небу станет жарко!» Ты это помнишь? Хе-хе! Помнишь? Эх ты, бессовестный, жалкий хвастунишка! Это было сказано по-молодецки, по-дворянски, а нынче...

Карл Моор. Будь проклят ты за то, что напоминаешь мне об этом! Будь проклят я, что говорил так! Но это я говорил в винном чаду: сердце не слышало, что болтал язык.

Шпигельберг (качая головой). Нет! Нет! Нет! Не может быть! Не верю, что ты говоришь серьезно. Скажи, братец, уж не нужда ли настроила тебя на подобный лад? Дай-ка я расскажу тебе один случай из моего детства. Возле нашего дома находился ров шириной ни много ни мало футов в восемь, и мы, ребята, бывало, взапуски стараемся через него перескочить. Да все напрасно. Хлоп! – и ты лежишь на дне, а вокруг крик, хохот, всего тебя закидают снежками. У соседнего дома сидела на цепи собака, такая злющая тварь, что девкам просто прохода не было: чуть зазеваются, она и хвать за юбку! Лучшей моей утехой было чем ни попадя дразнить собаку. Я прямо подыхал со смеху, когда эта bestия уставится на меня, кажется, так и ринулась бы, кабы не цепь. И что же случилось? Раз как-то я опять взялся за свои проделки и угодил ей камнем в ребро; она в

---

²³ Клянусь честью! (франц.)

бешенстве сорвалась с цепи и прямо на меня. Черт подери! Я помчался сломя голову, но вот беда — проклятый ров как раз передо мной. Что делать? Собака гонится по пятам. Размышлять тут некогда. Я разбежался — скок — и перемахнул через ров. Этому прыжку я обязан жизнью. Пес разорвал бы меня в куски.

Карл Моор. К чему ты клонишь?

Шпигельберг. К тому, что силы растут с нуждой... Вот почему я никогда не трушу, когда доходит до крайности. Мужество растет с опасностью: чем туже приходится, тем больше сил. Судьба, верно, хочет сделать из меня великого человека, раз так упорно ставит мне преграды.

Карл Моор (*досадливо*). Право, не знаю, на что нам еще мужества и когда нам его не хватало?

Шпигельберг. Ах, так? Значит, ты хочешь, чтобы твои способности пошли прахом? Хочешь зарыть свой талант в землю? Может, ты воображаешь, что твои лейпцигские шалости — предел человеческого остроумия? Нет, голубчик, пустимся-ка в свет: в Париж и в Лондон, где можно живо заработать оплеуху, назвав кого-нибудь честным человеком. Душа радуется, как там поставлено дело! Ты, брат, рот разинешь, глаза вытарашишь! А как там подделывают подписи, передергивают карты, взламывают замки и вытряхивают требуху из сундуков! Этому, брат, поучись у Шпигельберга! На виселицу того каналью, который согласен голодать, имея ловкие руки!

Карл Моор (*рассеянно*). Как! Ты уже и на это пошел?

Шпигельберг. Чего доброго, ты мне не веришь? Постой, дай мне только развернуться! Ты увидишь чудеса! У тебя голова пойдет кругом, когда мой изобретательный ум с воем разрешится от бремени! (*Встает, с жаром*.) Как все во мне проясняется! Великие мысли занимаются в душе моей! Гигантские планы бродят в моем творческом мозгу! (*Ударяет себя по лбу*.) Будь проклята сонная одурь, которая до сей поры сковывала мои силы, преграждала мне путь, мешала моим начинаниям! Но вот я просыпаюсь, я сознаю, кто я такой и кем должен стать.

Карл Моор. Ты дурак! Это вино в тебе колобродит.

Шпигельберг (*все более разгорячаюсь*). Шпигельберг, будут говорить, ты чародей, Шпигельберг! Жаль, что ты не сделался генералом,²⁴ Шпигельберг,

²⁴ Жаль, что ты не сделался генералом... — Первое действие «Разбойников» относится к маю 1756 года,

скажет король. Ты бы сквозь игольное ушко прогнал всю австрийскую армию! Ах, сетуют доктора, ужасно, непростительно, что этот человек не занялся медициной! Он изобрел бы новый порошок против зоба! Ах, как жаль, что он не захотел быть министром финансов, вздыхают новые Сюлли²⁵ в своих кабинетах, он бы камни превратил в луидоры! «Шпигельберг! Шпигельберг!» – будут говорить на востоке и западе. Пресмыкайтесь же в грязи, вы, бабье, гадины! А Шпигельберг, расправив крылья, полетит в храм бессмертия.

Карл Моор. Счастливого пути! Карабкайся по позорному столбу на вершину славы. В тени дедовских рощ, в объятиях моей Амалии меня ждут иные радости. Еще на прошлой неделе в письме к отцу я умолял его о прощении; я не скрыл ни одного своего проступка. А где чистосердечие, там сострадание и помощь. Простимся, Мориц! Мы видимся сегодня в последний раз. Почта пришла. Отцовское прощение уже здесь, в стенах города.

Входят Швейцер, Гrimm, Роллер, Шуфтерле, Рацман.

Роллер. Знаете ли вы, что нас выслеживают?

Гrimm. Что нас могут схватить каждую минуту?

Карл Моор. Меня это не удивляет. Будь что будет! Не встречался ли вам Шварц? Не говорил ли, что у него есть письмо для меня?

Роллер. Что-то такое говорил. Он давно тебя ищет.

Карл Моор. Где он? Где, где? (*Порывается бежать.*)

Роллер. Постой! Мы велели ему прийти сюда. Ты дрожишь?

Карл Моор. Нет! Отчего бы мне дрожать? Друзья, это письмо… Радуйтесь вместе со мной! Счастливее меня нет человека под солнцем! Отчего мне дрожать?

Входит Шварц.

кануну так называемой Семилетней войны, которая началась в конце августа того же года. Прусский король Фридрих II вел эту войну с тем, чтобы закрепить за собой отнятую им у австрийцев Силезию и добиться господства среди германских государств. Россия, которой угрожало усиление Пруссии, приняла участие в этой войне; русские войска разгромили пруссаков при Гроссегердорфе (1757 г.), нанесли поражение самому Фридриху II при Кунерсдорфе (1759 г.) и заняли Берлин (1760 г.).

²⁵ Сюлли – герцог Максимилиан де Сюлли (1559–1641), министр финансов и друг французского короля Генриха IV (1589–1610 гг.). После сорока летней религиозно-гражданской войны во Франции он упорядочил денежное хозяйство страны. Шиллер издал впоследствии на немецком языке его мемуары.

(Бежит ему навстречу.) Брат! Брат! Письмо, письмо!

Шварц (*подает ему письмо. Моор поспешино его распечатывает*). Что с тобою? Ты белее мела.

Карл Моор. Рука моего брата!

Шварц. Да что со Шпигельбергом?

Гrimm. Малый рехнулся! Дергается, как в пляске святого Витта.

Шуфтерле. У него ум за разум зашел! Похоже, что он сочиняет стихи.

Рацман. Шпигельберг! Эй, Шпигельберг! Не слышит, скотина!

Гrimm (*трясет его*). Эй, парень, ты бредишь, что ли?

Шпигельберг, в продолжение всего разговора сидевший в углу и жестикулировавший, как человек, занятый разработкой сложного плана действий, стремительно вскакивает, кричит: «La bourse ou la vie!»²⁶ – и хватает за горло Швейцера, который преспокойно отбрасывает его к стене. Moor роняет письмо и выбегает как безумный. Все вскакивают.

Роллер (вслед ему). Моор! Куда ты, Моор? Что с тобой?

Гrimm. Что с ним? Что с ним? Он бледен как смерть.

Швейцер. Хорошие, должно быть, вести. Посмотрим!

Роллер (*поднимает с пола письмо и читает*). «Несчастный брат!» Веселое начало! «Я должен вкратце уведомить тебя, что твои надежды не оправдались. Ступай, велит тебе сказать отец, туда, куда тебя ведут твои постыдные деяния. Далее он велит передать, чтобы ты не надеялся на коленях вымолить у него прощение, если не хочешь лакомиться хлебом и водой в подвалах его башен до тех пор, пока волосы не вырастут у тебя с орлиные перья и ногти не уподобятся птичьим когтям. Это его собственные слова. Он приказывает мне кончить письмо. Прощай навеки. Мне жаль тебя! Франц фон Моор».

Швейцер. Милейший братишко! Что и говорить! Францем зовут этого пройдоху?

---

²⁶ Кошелек или жизнь! (*франц.*).

Шпигельберг (*тихонько подходит к ним*). Вы говорите о хлебе и воде? Хорошая жизнь! Я для вас припас кое-что получше. Разве я всегда не говорил вам, что мне еще в конце концов за всех вас придется думать.

Швейцер. Что там брешет эта баранья голова? Осел хочет думать за нас всех?

Шпигельберг. Зайцы вы, калеки, хромоногие собаки, если у вас не хватает духу отважиться на что-нибудь великое!

Роллер. Ну, ладно! Пусть так! Но твоя-то выдумка поможет нам выбраться из этого проклятого положения? А?

Шпигельберг (*с надменным хохотом*). Несчастные! Выбраться из этого проклятого положения? Ха-ха-ха!.. Из проклятого положения? На что-нибудь более тонкое твой жалкий умишко не способен? С прежним грузом по старым лузам? Сукин сын был бы Шпигельберг, если бы он на это только и был еще способен! Героями, говорю я тебе, баронами, князьями, богами сделает вас моя затея.

Рацман. Не много ли с одного-то маxу? Но на такой работе, верно, можно и шею сломать?

Шпигельберг. Ничуть! Здесь требуется только смелость, так как по части ума и изобретательности я все беру на себя. Смелее, говорю я, Швейцер! Смелее, Роллер, Гримм, Рацман, Шуфтерле! Смелее!

Швейцер. Смелее? Если дело только за этим, у меня хватит смелости босиком пройти через ад.

Шуфтерле. А у меня – под самой виселицей подраться с чертом за душу бедного грешника.

Шпигельберг. Вот это по мне! Если в вас точно есть мужество, пускай кто-нибудь выйдет и скажет: есть у него еще что терять или он может только выиграть?

Шварц. У меня нашлось бы немало что потерять, если б можно было терять то, что еще предстоит приобрести.

Рацман. Да, черт возьми, и немало приобрести, если бы хотелось приобретать то, чего уже нельзя потерять.

Шуфтерле . Случись мне потерять что на мне надето, да и то с чужого плеча, – завтра мне и впрямь нечего будет терять.

Шпигельберг (*становится посреди них и говорит голосом заклинателя*). Итак, если в вас есть еще хоть капля крови германских героев – за мной! Мы поселимся в богемских лесах, соберем шайку разбойников и… Что вы на меня уставились? Смелость, видно, уже испарилась?

Роллер . Ты не первый мошенник, который смотрит поверх виселицы. А впрочем, твоя правда – выбора у нас нет.

Шпигельберг . Выбора? У вас нет выбора? А не хотите ли сидеть в долговой яме и забавлять друг дружку веселыми анекдотами, покуда не протрутят к Страшному суду? А не то можете потеть с мотыгой и заступом в руках из-за куска черствого хлеба! Или с жалостной песней вымаливать под чужими окнами тощую милостыню! Можно также облечься в серое сукно; но тут возникает вопрос: доверяется ли вашим рожам? А там, повинувшись самодуру капралу, пройти все муки чистилища²⁷ или в такт барабану прогуляться под свист шпицрутенов! Или в галерном раю²⁸ таскать на себе весь железный склад Вулкана!²⁹ А вы говорите, выбора нет. Да выбирайте любое!

Роллер . Шпигельберг не так уж не прав. Я тоже состряпал кое-какие планы, но все они в конце концов свелись к одному: что, думал я, если нам засесть да скропать альманах – карманную книжонку или что-нибудь в этом роде, – да начать пописывать грошевые рецензии, как это нынче в моде?

Шуфтерле . Черт возьми! Ну, да это недалеко ушло от моих проектов. Я тоже втихомолку подумывал: сделаюсь-ка я пietистом,³⁰ да и начну еженедельно проводить назидательные беседы.

²⁷ *Муки чистилища*. – По учению католической церкви, чистилище – место, в котором души умерших, не отягченных смертными грехами, очищаются от грехов, прежде чем попасть в рай.

²⁸ ...в галерном раю – на каторге. Галеры – стариинное боевое судно, ходившее под парусами и на веслах. Приговоренные к ссылке на галеры становились гребцами на государственных судах. Впоследствии выражение «сослать на галеры» стало обозначать ссылку на каторжные работы вообще (галера – по-новогречески «каторгон»; в XVIII в. в России многовесельные суда назывались «каторги»).

²⁹ ...таскать на себе весь железный склад Вулкана – то есть кандалы. Вулкан (*рим. миф.*) – бог огня (у греков – Гефест), сын Юпитера и Юноны. Он устроил на острове Сицилия в Средиземном море, под огнедышащей горой Этной (вулканом – слово, произведенное от имени бога огня – Вулкана), кузницу, где и работал с циклопами – одноглазыми великанами, ковавшими по его приказу молнии.

³⁰ ...сделаюсь-ка я пietистом... – Пиетисты – последователи пиетизма (*«pietas» лат.* – «благочестие»), религиозного течения среди протестантов Западной Европы (вторая половина XVIII в.); пиетисты отличались порой ханжеским, притворным, показным благочестием.

Гrimm . Отлично! А не получится – безбожником: можно всыпать хорошенъко четырем евангелистам, так, чтобы нашу книгу предали потом сожжению, – вот и сделали бы дельце!

Рацман . А не ополчиться ли нам на французскую болезнь – я знаю одного доктора, который построил себе дом из чистой ртути, как о том свидетельствует дощечка на его двери.

Швейцер (встает и протягивает Шпигельбергу руку)» Мориц, либо ты великий человек, либо желудь найден слепою свиньей.

Шварц . Прекрасные планы! Честные занятия! Как, однако, тяготеют друг к другу великие души. Нам недостает только превратиться в девок и своден или торговать своей невинностью.

Шпигельберг . Чепуха! Чепуха! А что вам мешает соединить все это в одно? Мой план вас живо выведет в люди, а бессмертие и слава приложатся. Эх вы, голоштанники! Надо ведь и об этом подумать – о посмертной славе, о сладостном сознании своей незабвенностии!

Роллер . И о первом месте в списке честных людей. Ты славный оратор, Шпигельберг, когда дело идет о том, чтобы сделать из честного человека мошенника. Но куда же это запропастился Моор?

Шпигельберг . Из честного? Неужели ты думаешь, что тогда ты будешь менее честен, чем теперь? И что ты называешь «честностью»? Помогать богатым скрягам сбыть с шеи хотя бы треть забот, лишающих их золотого сна; пускать в оборот залежавшиеся капиталы; восстановливать имущественное равновесие – одним словом, воскресить золотой век на земле,³¹ освободить господа бога от кое-каких обременительных нахлебников, сократить потребность в войнах, в моровой язве, в голодухе и докторах – вот что, по-моему, значит быть честным, быть достойным орудием в руках провидения! Ведь тогда при каждом куске жаркого, отправляемого в рот, ты можешь тешить себя лестным сознанием, что этим куском ты обязан своей хитрости, своему львиному мужеству, своим бессонным ночам. Быть в почете у всех от мала до велика…

Роллер . И, наконец, заживо вознеслись поближе к небу и, несмотря на бурю и ветер, несмотря на прожорливый желудок прадедушки-времени, качаться под

---

³¹ ...воскресить золотой век на земле... – В древнегреческой и римской мифологии – время блаженного существования первых людей.

солнцем, луной и мерцающими звездами – там, где неразумные птицы небесные, привлеченные благородной жадностью, поют сладостные песни, а хвостатые ангелы собираются на свой синедрион! Не так ли? И пускай, в то время как монархов и владетельных князей пожирают черви, на твою долю выпадает честь принимать визиты Юпитерова орла! Мориц! Мориц! Берегись, берегись трехногого зверя!³²

Шпигельберг. И тебя это пугает, заячья душа? Разве мало великих гениев, способных преобразить мир, сгнило на живодерне? И разве память о них не сохраняется века, тысячелетия, тогда как множество королей и курфюрстов были бы позабыты, если б историки не страшились пробелов в преемственности или не стремились удлинить на несколько страниц свои книги, за которые им платят наличными издатель? А если прохожий увидит, как ты раскачиваешься на ветру, он проворчит себе под нос: «Похоже, малый был не промах!» – и посетует на худые времена.

Швейцер (*треплет его по плечу*). Славно, Шпигельберг, славно! Что же, черт возьми, вы стоите там и медлите?

Шварц. Пусть это называется проституцией – не велика беда! И потом, разве нельзя на всякий случай носить с собой порошок, который тихонько спровадит тебя за Ахерон, где уж ни один черт не узнает, кто ты таков? Да, брат Мориц! Твой план не плох. Таков и мой катехизис!

Шуфтерле. Гром и молния! И мой также! Шпигельберг, ты меня завербовал!

Рацман. Ты, как новый Орфей³³, усыпал своею музыкой рыкающего зверя – мою совесть. Бери меня со всеми потрохами!

Гrimm. Si omnes consentiunt ego non dissentio³⁴ К Заметьте, без запятой. В моей голове целый аукцион: и пиетисты, и шарлатаны, и рецензенты, и мошенники! Кто больше даст, за тем и пойду. Вот моя рука, Мориц!

Роллер. Ты тоже, Швейцер? (*Подает Шпигельбергу правую руку*.) Ну что ж, и я закладываю душу дьяволу.

³² ...берегись трехногого зверя! – то есть виселицы.

³³ Орфей – мифический певец в Древней Греции, своим пением приводивший в движение деревья и скалы и укрощавший диких зверей (символ могущества музыки, силы ее воздействия).

³⁴ Если все согласны, то и я перечу (*лат.*).

Шпигельберг. А свое имя – звездам. Не все ли равно, куда отправятся наши души? Когда сонмы курьеров возвестят о нашем сожествии, а черти вырядятся по-праздничному, сотрут с ресниц тысячелетнюю сажу и высунут мириады рогатых голов из дымящихся жерл серных печей, чтобы посмотреть на наш въезд! (*Вскакивает.*) Други! Живее, други! Что сравнится с этим пьянящим восторгом? Вперед!

Роллер. Потише, потише! Куда? И зверю нужна голова, ребятки.

Шпигельберг (*язвительно*). Что он там проповедует, этот кунктор? Разве голова не варила, когда тело еще бездействовало? За мной, друзья!

Роллер. Спокойно, говорю я! Свобода тоже должна иметь господина. Без головы погибли Рим и Спарта.

Шпигельберг (*льстиво*). Да, погодите, Роллер прав. И это должна быть светлая голова! Понимаете? Тонкий политический ум. Подумать только, чем были вы час назад и чем стали теперь? От одной удачной мысли! Да, конечно, у вас должен быть начальник. Ну, а тот, кому пришла в голову такая мысль, – скажите, разве это не тонкий политический ум?

Роллер. О, если б можно было надеяться, мечтать... Но нет, боюсь, он никогда не согласится.

Шпигельберг. Почему? Говори напрямик, друг! Как ни трудно вести корабль против ветра, как ни тяжко бремя короны... Говори смелее, Роллер! Может быть, он и согласится...

Роллер. Все пойдет ко дну, если он откажется. Без Моора мы тело без души.

Шпигельберг (*недовольный, отходит от него*). Остолоп!

Моор (*входит в сильном волнении и мечется по комнате, разговаривая сам с собою*). Люди! Люди! Лживые, коварные ехидны! Их слезы – вода! Их сердца – железо! Поцелуй на устах – и кинжал в сердце! Львы и леопарды кормят своих детенышней, вороны носят падаль своим птенцам, а он, он... Черную злобу научился я сносить. Я могу улыбаться, глядя, как мой заклятый враг поднимает бокал, наполненный кровью моего сердца... Но если кровная любовь предает меня, если любовь отца превращается в мегеру, – о, тогда возгорись пламенем, долготерпение мужа, обернись тигром, кроткий ягненок, каждая жилка наливайся злобой и гибеллю!

Роллер . Послушай, Моор! Как ты думаешь, ведь разбойничать лучше, чем сидеть на хлебе и воде в подземелье?

Моор . Зачем такая душа не поселилась в теле тигра, яростно терзающего человеческую плоть? И это – отцовские чувства? И это – любовь за любовь? Я хотел бы превратиться в медведя, чтобы заставить всех полярных медведей двинуться на подлый род человеческий! Раскаянье – и нет прощенья! О, я хотел бы отравить океан, чтобы из всех источников люди впивали смерть! Такая доверчивость, такая непреклонная уверенность – и нет милосердия!

Роллер . Да послушай же, Моор, что я тебе скажу!

Моор . Нет, этому нельзя поверить! Это сон! Бред! Такая смиренная мольба, такое живое изображение горя и слезного раскаяния... Сердце дикого зверя растаяло бы от состраданья, камни бы расплакались... И что же? О, если рассказать, это покажется злобным пасквилем на род человеческий. И что же, что? О, если б я мог протрубить на весь мир в рог восстания и воздух, моря и землю поднять против этой стаи гиен!

Гrimm . Да послушай же, Моор! Ты от бешенства ничего не слышишь.

Моор . Прочь! Прочь от меня! Разве имя твое не человек? Разве не женщина родила тебя? Прочь с глаз моих, ты, что имеешь обличье человека! Я так нескованно любил его! Ни один сын не любил так своего отца! Тысячу жизней положил бы я за него! (*В бешенстве топает ногой.*) О, кто даст мне в руки меч, чтобы нанести жгучую рану людскому племени, этому порождению ехидны! Кто скажет мне, как поразить самое сердце его жизни, раздавить, растерзать его, тот станет мне другом, ангелом, богом! Я буду молиться на него!

Роллер . Такими друзьями мы и хотим стать. Выслушай же нас!

Шварц . Пойдем с нами в богемские леса! Мы наберем шайку разбойников, а ты...

Моор дико смотрит на него.

Швейцер . Ты будешь нашим атаманом! Ты должен быть нашим атаманом!

Шпигельберг (*в ярости бросается в кресло.*) . Холопы! Трусы!

Моор . Кто нашептал тебе эти слова? Послушай, дружище! (*Хватает Шварца за руку.*) Ты извлек их не со дна твоей души – души человека. Кто нашептал тебе

эту мысль? Да, клянусь тысячерукой смертью, мы это сделаем! Мы должны это сделать! Мысль, достойная преклоненья! Разбойники и убийцы! Клянусь спасением души моей – я ваш атаман!

Все (*с шумом и криками*). Да здравствует атаман!

Шпигельберг (*вскакивая, про себя*). Атаман, покуда я его не спроважу!

Моор. Точно бельмо спало с глаз моих. Каким глупцом я был, стремясь назад, в клетку! Дух мой жаждет подвигов, дыханье – свободы! Убийцы, разбойники! Этими словами я попираю закон. Люди заслонили от меня человечество, когда я взвывал к человечеству... Прочь от меня, сострадание и человеческое милосердие! У меня нет больше отца, нет больше любви!.. Так пусть же кровь и смерть научат меня позабыть все, что было мне дорого когда-то! Идем! Идем! О, я найду для себя ужасное забвение! Решено – я ваш атаман! И благо тому из нас, кто будет всех неукротимее жечь, всех ужаснее убивать; ибо, истинно говорю вам, он будет награжден по-царски! Становитесь все вокруг меня, и каждый да поклянется мне в верности и послушании до гроба! Пожмем друг другу руки!

Все (*протягивая ему руки*). Клянемся тебе в верности и послушании до гроба.

Моор. А моя десница будет порукой, что я преданно и неизменно, до самой смерти, останусь вашим атаманом! Да умртвит эта рука без промедления того, кто когда-нибудь струсит, или усомнится, или отречется! И пусть так же поступит со мной любой из вас, если я когда-либо нарушу свою клятву. Довольны вы?

Шпигельберг в бешенстве бегает взад и вперед.

Все (*бросая вверх шляпы*). Довольны! Довольны!

Моор. Итак, в путь! Не страшитесь ни смерти, ни опасностей! Ведь нами правит неумолимый рок: каждого настигнет конец – будь то на мягкой постели, в чаду кровавой битвы, на виселице или на колесе. Другого удела нет.

Уходят.

Шпигельберг (*глядя им вслед, после некоторого молчания*). В твоем перечне остался пробел. Ты не назвал яда. (*Уходит.*)

Сцена третья

В замке Мoора. Комната Амалии.

Франц, Амалия.

Франц . Ты отворачиваешься, Амалия? Разве я не стою того, чего стоит проклятый отцом?

Амалия . Прочь! О, этот чадолюбивый, милосердный отец, отдавший сына на съедение волкам и чудовищам! Сидя дома, он услаждает себя дорогими винами и покоит свое дряхлое тело на пуховых подушках, в то время как его великий, прекрасный сын – в тисках нужды! Стыдитесь, вы, чудовища! Стыдитесь, драконовы сердца!³⁵ Вы – позор человечества! Своего единственного сына...

Франц . Я считал, что у него их двое.

Амалия . Да, он заслуживает таких сыновей, как ты. На смертном одре он будет тщетно протягивать иссохшие руки к своему Карлу и с ужасом отдернет их, коснувшись ледяной руки Франца. О, как сладостно, как бесконечно сладостно быть проклятым твоим отцом! Скажи, Франц, любящая братская душа, что нужно сделать, чтобы заслужить его проклятье?

Франц . Ты в бреду, моя милая. Мне жаль тебя.

Амалия . Оставь! Жалеешь ты своего брата? Нет, чудовище! Ты ненавидишь его! Ты и меня ненавидишь!

Франц . Я люблю тебя, как самого себя, Амалия!

Амалия . Если ты меня любишь, то, верно, не откажешь мне в просьбе?

Франц ... Никогда, никогда, если ты не потребуешь большего, чем моя жизнь.

Амалия . О, если так, то эту просьбу ты очень легко, очень охотно исполнишь... (*Гордо.*) Ненавидь меня! Я сейчас сгорела от стыда, когда, думая о Карле, представила себе, что ты не питаешь ко мне ненависти. Ты обещаешь мне это? Теперь ступай! Оставь меня! Я люблю быть одна.

Франц . Прелестная мечтательница! Как восхищаюсь я твоим нежным, любящим сердцем! Здесь (*касаясь ее груди*), здесь царил Карл, как божество в

---

³⁵ Стыдитесь, драконовы сердца! – Дракон – сказочное чудовище, крылатый змей. Шиллер написал впоследствии балладу «Бой с драконом»; есть упоминание о драконе и в «Вильгельме Телле» (сцена на Рютли).

своем храме! Карл стоял перед тобой наяву, Карл являлся тебе в сновидениях. Вся вселенная сливалась для тебя в Карле, все отражало его, все твердило о нем.

Амалия (*взволнованная*). Да, правда! Признаюсь! Назло вам, извергам, признаюсь перед целым светом: я люблю его!

Франц. Бесчеловечно! Жестоко! Так заплатить за эту любовь! Позабыть ту...

Амалия (*вспылив*). Что? Позабыть меня?

Франц. Разве ты не надела ему на прощанье брильянтового кольца в залог твоей верности?.. Но, впрочем, как устоять юноше перед прелестями какой-нибудь блудницы! Кто осудит его, если ему нечего было отдать ей? И к тому же – разве она не заплатила ему с лихвой ласками и объятиями?

Амалия (*возмущенная*). Мое кольцо – блуднице?

Франц. Фу, как это подло! Но если б это было все!.. Перстень, как бы он ни был дорог, можно достать у любого жида. Может быть, Карлу не понравилась работа и он выменял его на лучший?

Амалия (*гневно*). Но мой перстень, говорю я, мой перстень!

Франц. Да, твой, Амалия! Такое бы сокровище – и на моем пальце! И от кого? От Амалии! Сама смерть не вырвала бы его у меня, Амалия! Ведь не чистота брильянта, не искусственная работа, – любовь придает ему цену! Милое дитя, ты плачешь? Горе тому, кто исторг драгоценные капли из твоих божественных глаз! Ах, если бы ты знала все, если бы ты видела его самого... и в таком обличье!

Амалия. Чудовище! Как? В каком обличье?

Франц. Нет, нет, ангел души моей, не расспрашивай меня! (*Как будто про себя, но достаточно громко.*) О, если бы существовала завеса, чтобы скрыть от глаз света этот гнусный порок! Но нет! Он глядит из пожелтевших глаз, обведенных свинцовыми кругами, он выдает себя мертвенно-бледным, осунувшимся лицом, уродливо заостренными скулами. Вот он бормочет глухим, охрипшим голосом, вот он вопит о себе, дрожащий, качающийся скелет, он проникает до мозга костей и сокрушает мужественную силу юности, вот, вот брызжет он со лба, со щек, изо рта, со всего тела гнойной, разъедающей пеной, мерзостно гнездится в постыдных скотских язвах. Тьфу, тьфу! Мне тошно! Нос, глаза, уши – все ходят ходуном... Ты помнишь, Амалия, несчастного, который умер, задохнувшись от кашля в нашей больнице? Казалось, стыд отворачивает от него свои взоры! Ты

вскрикнула в ужасе, увидав его. Воскреси этот образ в своей душе – и перед тобой возникнет Карл. Его поцелуй – чума, его губы дышат отравой.

Амалия (*дает ему пощечину*). Бесстыжий клеветник!

Франц. Тебя ужасает такой Карл? Даже этот бледный образ вызывает в тебе отвращение? Поди полюбуйся на него сама, на своего прекрасного, ангелоподобного, божественного Карла. Поди упейся бальзамом его дыхания, дай умертвить себя запаху амброзии³⁶, вырывающемуся из его пасти. Один его вздох вдохнет в тебя ту губительную, смертоносную дурноту, какую вызывает вонь разлагающейся падали, усеянное трупами поле битвы.

Амалия отворачивается.

Какой вихрь любви! Какое сладострастие в объятиях! Но справедливо ли осуждать человека за его неприглядную внешность? Ведь и в жалком теле калеки Эзопа³⁷, как рубин в грязи, блистала великая, достойная душа! (*Злобно улыбаясь.*) Даже из уст, покрытых язвами, любовь может... Конечно, если порок не расшатает силы характера, если вместе с целомудрием не улетучится и добродетель, как запах изувядшей розы, если вместе с телом калекой не станет дух...

Амалия (*радостно вскакивает*). О Карл! Я снова узнаю тебя! Ты все тот же, тот же! Все это ложь! Ужели ты не знаешь, злодей, что Карл не может стать иным?

Франц некоторое время стоит в глубоком раздумье, затем внезапно поворачивается, собираясь уйти.

Куда так спешно? Бежишь от собственной совести?

Франц (*закрывает лицо руками*). Отпусти меня! Отпусти! Дать волю слезам! Тиран отец! Лучшего из своих сыновей предать во власть нужды, публичного позора! Пусти меня, Амалия! Я паду к его ногам, я на коленях буду молить его переложить на меня тяжесть отцовского проклятия – лишить меня наследства, меня... Моя кровь... моя жизнь... все...

Амалия (*бросается ему на шею*). Брат моего Карла! Добрый, милый Франц!

³⁶ ...запаху амброзии. – Амброзия (греч. миф.) – это пища богов, как нектар – их напиток.

³⁷ ...в жалком теле калеки Эзопа... – Эзоп (VI в. до н. э.) – греческий баснописец, был, по преданию, уродлив.

Франц . О Амалия! Как я люблю тебя за эту непоколебимую верность моему брату! Прости, что я посмел так жестоко искушать твою любовь!.. Как прекрасно ты оправдала мои надежды! Эти слезы, вздохи, этот гнев... как дороги, как близки они мне!.. Наши братские сердца бились так согласно!

Амалия . О нет, этого не было никогда!

Франц . Ах, они пребывали в такой гармонии! Мне всегда казалось, будто мы родились близнецами! Если б не это досадное внешнее несходство, не будь которого Карл, к сожалению, утратил бы свои преимущества, нас бы путали десять раз на дню. Ты, часто говорю я себе, ты вылитый Карл, его эхо, его подобие.

Амалия (*качая головой*). Нет, нет! Клянусь непорочным небом – ни одной его черточки, ни искорки его чувства!

Франц . Мы так схожи и в склонностях! Роза была его любимым цветком. Какой цветок мне милее розы? Он нескованно любил музыку! Звезды небесные, вас призываю в свидетели, в мертвой тишине ночи, когда все вокруг погружалось во мрак и дремоту, вы подслушивали мою игру на клавесине! Как можешь ты еще сомневаться, Амалия? Ведь наша любовь сходилась в одной точке совершенства; а если любовь одна, как могут быть несхожими те, в чьих сердцах она гнездится?

Амалия удивленно смотрит на него.

Был тихий, ясный вечер, последний перед его отъездом в Лейпциг, когда он привел меня в беседку, где вы так часто предавались любовным грезам. Мы долго сидели молча. Потом он схватил мою руку и тихо, со слезами в голосе, сказал: «Я покидаю Амалию... Не знаю почему, но мне чудится, что это навеки. Не оставляй ее, брат! Будь ее другом – ее Карлом, если Карлу не суждено возвратиться!» (*Бросается перед ней на колени и с жаром целует ей руки.*) Никогда, никогда, никогда не возвратится он, а я дал ему священную клятву!

Амалия (*отпрянув от него*). Предатель! Вот когда я уличила тебя! В этой самой беседке он заклинал меня не любить никого, если ему суждено умереть. Слышишь ты, безбожный, мерзкий человек! Прочь с глаз моих!

Франц . Ты не знаешь меня, Амалия, совсем не знаешь!

Амалия . Нет! Я знаю тебя! Теперь-то я знаю тебя... И ты хотел быть похожим на него? И это перед тобой он плакал обо мне? Скорее он написал бы мое имя на позорном столбе! Вон, сейчас же вон!

Франц . Ты оскорбляешь меня!

Амалия . Вон, говорю я! Ты украл у меня драгоценный час. Пусть вычтется он из твоей жизни!

Франц . Ты ненавидишь меня!

Амалия . Я тебя презираю. Уходи!

Франц (*топая ногами*). Постой же! Ты затрепещешь передо мной! Мне предпочтеть нищего?! (*Уходит.*)

Амалия . Иди, негодяй! Теперь я снова с Карлом. «Нищего», сказал он? Все перевернулось в этом мире! Нищие стали королями, а короли нищими. Лохмотья, надетые на нем, я не променяю на пурпур помазанников божьих! Взгляд его, когда он просит подаяния, – о, это гордый, царственный взгляд, обращающий в пепел пышность, великолепие, торжество богатых и сильных! Валяйся в пыли, блестящее ожерелье! (*Срывает с шеи жемчуг.*) Носите его, богатые, знатные! Носите это проклятое золото и серебро, эти проклятые алмазы! Пресыщайтесь роскошными яствами, нежьте свои тела на мягком ложе сладостраствия! Карл! Карл! Вот теперь я достойна тебя! (*Уходит.*)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Франц фон Моор сидит, задумавшись, в своей комнате.

Франц . Нет, это тянется слишком долго... Врач говорит, что дело идет на поправку. Старики живучи! А ведь передо мною открылась бы ровная, свободная дорога, если бы не этот постылый, жилистый кусок мяса, который, как та подземная собака из волшебной сказки, препрятывает мне доступ к моим сокровищам.

Неужто моим замыслам склониться под железное ярмо естества? Неужто мне приковать свой парящий дух к медленному, черепашьему шагу материи? Задуть

огонь, который и без того чуть тлеет на выгорающем масле – не более! И все же я не хотел бы это сделать сам... Из-за людской молвы. Я хотел бы не убить его, но сжечь со свету. Я хотел бы поступать, как мудрый врач, только наоборот: не ставить преград на пути природы, а торопить ее шаг. Ведь удается же нам удлинять жизнь; так почему бы не попытаться укоротить ее?

Философы и медики утверждают, что состояние духа и работа всего человеческого организма находятся в тесной взаимосвязи. Подагрические ощущения всякий раз сопровождаются расстройством механических отправлений; страсти подрывают жизненную силу; не в меру отягощенный дух клонит к земле свою оболочку – тело. Так как же быть? Кто сумеет смерти расчистить дорогу в замок жизни; поразив дух, разрушить тело? Ах! Неглупая мысль! Но кто ее осуществит? А мысль-то бесподобная! Пораскинь мозгами, Моор! Вот это был бы эксперимент! Право же, лестно впервые произвести его! Ведь довели же смешение ядов до степени чуть ли не подлинной науки и путем опытов вынудили природу указать, где ее границы. Так что теперь на несколько лет вперед высчитывают биение сердца и говорят пульсу: доселе и не дальше. Отчего же и нам не испробовать силу своих крыльев?

Но с чего начать? Как нарушить это сладостное, мирное единение души и тела? Какую категорию чувств избрать мне? Какая из них злее поразит цвет жизни? Гнев – этот изголодавшийся волк слишком скоро насыщается. Забота – для меня этот червь точит слишком медленно; тоска – эта ехидна ползет так лениво; страх – надежда не дает ему воли. Как? И это все палачи человека? Ужели так быстро истощился арсенал смерти? (*Задумывается.*) Как? Ну же! Нет! А! (*Вскакивает.*) Испуг! Какие пути заказаны испугу? Что разум, религия против ледяных объятий этого исполина? И все же... Если старик устоит и против этой бури? Если он... О, тогда придите ко мне на помощь ты, жальство, и ты, раскаяние – адская Эвменида, подколодная змея, вечно жующая свою жвачку и пожирающая собственные нечистоты, вечная разрушительница, без устали обновляющая свой яд! Явись и ты, вопиющее самообвинение, – ты, что опустошаешь собственное жилище и терзаешь родную мать! Придите и вы ко мне на помощь, благодетельные грации³⁸: прошлое, с кроткой улыбкой на устах, и ты, цветущая будущность, со своим неисчерпаемым рогом изобилия! Легко крыльями стопами

³⁸ ...благодетельные грации... – Грации – римское, теперь общеупотребительное, наименование древнегреческих богинь харит, с которыми греки связывали представление о прекрасном, радостном как в природе, так и в человеческой жизни. «Три грации считалось в древнем мире...» (Лермонтов): Аглая (блеск), Талия (цветущее счастье) и Эвфросина (веселье, радостное настроение). В искусстве они так и изображались втроем.

ускользая из его жадных объятий, покажите ему в своем зеркале все наслаждения рая. Так, удар за ударом, ураган за ураганом, обрушусь я на непрочную жизнь, покуда все это полчище фурий³⁹ не замкнет собою отчаяние. Славно! Славно! План готов, небывало трудный, искусный, надежный, верный, ибо (*насмешливо*) нож анатома здесь не найдет ни следов ранений, ни разъедающего яда. (*Решительно.*) Итак, за дело!

Входит Герман.

А! Deus ex machina!⁴⁰ Герман!

Герман. К вашим услугам, сударь.

Франц (*подает ему руку*). И ты будешь щедро вознагражден за них, Герман!

Герман. Вы уже не раз награждали меня.

Франц. Вскоре я стану еще щедрее, куда щедрее, Герман! Мне надо поговорить с тобой.

Герман. Я весь обратился в слух.

Франц. Я знаю тебя, ты решительный малый, солдатское сердце. Спуска не даешь. А мой отец ведь очень обидел тебя, Герман.

Герман. Будь я проклят, если я это забуду!

Франц. Вот это голос мужа! Месть подобает мужественному сердцу. Ты мне нравишься, Герман! Возьми этот кошелек. Он весил бы больше, будь я здесь господином.

Герман. Это мое всегдашнее желание, ваша милость! Благодарю вас!

Франц. В самом деле, Герман? Ты хочешь, чтобы я был здесь господином? Но у моего отца львиные силы, и к тому же я младший сын.

Герман. Я хотел бы, чтоб вы были старшим сыном, а у вашего отца было не больше сил, чем у чахоточной девушки.

---

³⁹ ...полчище фурий. – Фурии – римское название Эриний, греческих богинь возмездия, кары, мести (Тизифона, Алекто, Мегера). См. балладу Шиллера «Ивиковы журавли».

⁴⁰ Буквально: бог с машины (*лат.*).

Франц . О! Как бы награждал тебя этот старший сын! Он бы сделал все, чтобы поднять тебя из грязи к блеску, достойному твоего ума и высокого происхождения. Онсыпал бы тебя золотом с ног до головы! Ты проносился бы по улицам в карете, запряженной четверней! Да, правда, так бы оно и было! Но что я хотел сказать тебе? Ты еще не забыл фрейлейн фон Эдельрейх, Герман?

Герман . Гром и молния! Зачем вы напомнили мне о ней?

Франц . Мой брат отбил ее у тебя.

Герман . Он за это поплатится.

Франц . Она тебе отказалась, а он чуть ли не спустил тебя с лестницы.

Герман . За это он полетит у меня в ад!

Франц . Он говорил, будто все шепчутся, что ты зачат под забором и что твой отец не может глядеть на тебя без того, чтобы не бить себя в грудь и не стонать: «Господи, прости меня, грешного!»

Герман (*в ярости*). Тысяча чертей! Да замолчите ли вы?

Франц . Он советовал тебе продать дворянскую грамоту с аукциона, а на вырученные деньги заштопать себе чулки!

Герман . Проклятие! Я выцарапаю ему глаза собственными руками!

Франц . Что? Ты сердишься? Как можешь ты сердиться на него? Где тебе с ним справиться? Что может крыса против льва? Твой гнев лишь подсластит его торжество. Тебе только и остается, что скрежетать зубами да вымешивать свою злобу на черством хлебе.

Герман (*топая ногами*). Я его в порошок сотру!

Франц (*треплет его по плечу*). Фу, Герман, ведь ты же дворянин, ты не можешь стерпеть такой обиды. Ты не можешь позволить, чтобы у тебя из-под носа выхватили возлюбленную. Ни за что на свете, Герман! Черт побери! Я пошел бы на все, будь я на твоем месте.

Герман . Я не успокоюсь, покуда и тот и другой не будут лежать в могиле.

Франц . Не горячись, Герман! Подойди ближе... Амалия будет твоей.

Герман . Будет! Назло всем чертям – будет!

Франц . Ты получишь ее, клянусь тебе! И получишь из моих рук. Подойди ближе, говорят тебе. Ты, верно, не знаешь, что Карл, можно сказать, уже лишен наследства?

Герман (*приближаясь к нему*). Неужели? В первый раз слышу!

Франц . Успокойся и слушай дальше, – подробнее я расскажу в другой раз. Да, говорю тебе, скоро год, как отец, можно сказать, выгнал его из дома. Но старик уже раскаивается в столь поспешном шаге, на который он (*со смехом*), можешь быть уверен, решился не по своей воле. К тому же и Амалия с утра до ночи донимает его жалобами и упреками. Рано или поздно он начнет искать Карла по всему свету, а отыщет – так пиши пропало! Тебе останется только подсадить его в карету, когда он поедет с ней к венцу.

Герман . Я удавлю его у алтаря!

Франц . Отец передаст ему графскую власть, а сам будет жить на покое в своих замках. И вот вожжи в руках у надменного вертопраха, вот он смеется над своими врагами и завистниками, а я, кто хотел сделать тебя богатым, знатным, – я сам, Герман, буду, низко склонившись, стоять у его порога...

Герман (*с жаром*). Нет, как правда то, что меня зовут Германом, – этого не будет! Если хоть искра разума еще тлеет в моем мозгу – с вами этого не случится!

Франц . Уж не ты ли тому воспрепятствуешь? Он и тебя, мой милый Герман, заставит отведать кнута; он будет плевать тебе в лицо при встрече на улице, – и горе тебе, если ты посмеешь хотя бы вздрогнуть или скривить рот. Вот как обстоит дело с твоим сватовством к Амалии, с твоими планами, с твоей будущностью.

Герман . Скажите, что мне делать?

Франц . Слушай же, Герман! И ты увиديшь, какой я тебе преданный друг и как близко принимаю к сердцу твою судьбу! Ступай переоденься, чтобы никто не мог узнать тебя. Вели доложить о себе старику, скажи, что ты прямо из Богемии, что ты вместе с моим братом участвовал в сражении под Прагой и видел, как он пал на поле битвы.

Герман . Но поверят ли мне?

Франц . Хо-хо! Об этом уж я позабочусь! Вот тебе пакет: тут подробная инструкция и, кроме того, бумаги, которые убедят и олицетворенное сомнение. А теперь постараися незаметно выйти отсюда. Беги через черный ход на двор, там перелезай через садовую стену. Развязку же этой трагикомедии предоставь мне!

Герман . Она не замедлит свершиться! Виват новому владетельному графу Францискусу фон Моору!

Франц (*треплет его по щеке*). Хитрец! Этим способом мы живо достигнем всех наших целей: Амалия утратит надежду на него; старик обвинит себя в смерти сына и тяжко захворает, — а ветхому зданию не нужно землетрясения, чтобы обвалиться. Он не переживет этой вести. И тогда я — единственный сын. Амалия, лишившись опоры, станет игрушкой в моих руках. Остальное легко можешь себе представить. Короче говоря, все примет желательный оборот. Но и ты не должен отступаться от своего слова.

Герман . Что вы? (*Радостно.*) Скорее пуля полетит назад и разворотит внутренности стрелка! Положитесь на меня! Предоставьте мне действовать! Прощайте!

Франц (*кричит ему вслед*) . Жатва твоя, любезный Герман! (*Один .*) Когда вол свез в амбар весь хлеб, ему приходится довольствоваться сеном. Скотнищу тебе, а не Амалию! (*Уходит.*)

Сцена вторая

Спальня старика Моора.

Старик Моор спит в кресле. **Амалия**.

Амалия (*тихонько подходит к нему*). Тише, тише! Он задремал! (*Останавливается перед ним.*) Как он прекрасен, как благостен! Такими пишут святых. Нет, я не могу на тебя сердиться! Седовласый старец, я не могу на тебя сердиться! Спи спокойно, пробудись радостно. Я одна приму на себя страдания.

Старик Моор (*во сне*). Сын мой! Сын мой! Сын мой!

Амалия (*берет его за руку*). Тсс! Тсс! Ему снится сын.

Старик Моор . Ты ли это? Ты здесь? Ах, какой у тебя жалкий вид. Не смотри на меня таким горестным взором! Мне тяжко и без того.

Амалия (*будит его*). Проснитесь! Это только сон! Придите в себя!

Старик Моор (*спросонок*). Разве он не был здесь? Разве я не сжимал его руку? Жестокий Франц! Ты и во сне хочешь отнять у меня сына?

Амалия. Так вот оно что!

Старик Моор (*проснувшись*). Где он? Где? Где я? Это ты, Амалия?

Амалия. Лучше ли вам? Вы так сладко спали.

Старик Моор. Мне снился сын. Зачем я проснулся? Быть может, я услышал бы из его уст слова прощения.

Амалия. Ангелы не помнят зла! Он вас прощает. (*С чувством берет его за руку.*) Отец моего Карла, я прощаю вас!

Старик Моор. Нет, дочь моя! Мертвенная бледность твоего лица меня обвиняет. Бедная девочка! Я лишил тебя всех наслаждений юности! О, не проклинай меня!

Амалия (*с нежностью целует его руку*). Вас?

Старик Моор. Знаком ли тебе этот портрет, дочь моя?

Амалия. Карл!

Старик Моор. Таков он был, когда ему пошел шестнадцатый год. Теперь он другой. О, мое сердце истерзано. Эта кротость сменилась озлоблением, эта улыбка – гримасой отчаяния. Не правда ли, Амалия? Это было в жасминной беседке, в день его рождения, когда ты писала с него портрет? О дочь моя! Ваша любовь делала счастливым и меня.

Амалия (*не сводя глаз с портreta*). Нет! Нет! Это не он! Клянусь богом, это не Карл! Здесь, здесь (*указывая на свое сердце и голову*) он совсем другой... Блеклые краски не могут повторить высокий дух, блиставший в его огненных глазах! Ничуть не похож. На портрете он только человек. Какая же я жалкая художница!

Старик Моор. Этот приветный, ласковый взор... О, если бы он стоял у моей постели, я жил бы и мертвый... Никогда, никогда бы я не умер!

Амалия . Никогда бы вы не умерли! Смерть была бы как переход от одной мысли к другой – к лучшей. Его взор светил бы вам и за гробом, его взор вознес бы вас превыше звезд.

Старик Моор . Как тяжко, как печально! Я умираю, а моего сына Карла нет при мне, меня снесут на кладбище, а он не будет плакать на моей могиле. Как сладостно засыпать вечным сном, когда тебя баюкает молитва сына: это – колыбельная песнь.

Амалия (*мечтательно*). Да, сладостно, нескованно сладостно засыпать вечным сном, когда тебя баюкает песня любимого. Кто знает, может быть, этот сон продолжишь видеть и в могиле! Долгий, вечный, нескончаемый сон о Карле, пока не прозвучит колокол воскресения. (*Восторженно.*) И тогда – в его объятия навеки!

Пауза. Она идет к клавесину и играет.

Милый Гектор! Не спеши в сраженье,⁴¹
Где Ахиллов меч без сожаленья
Тень Патрокла жертвами дарит!
Кто ж малютку твоего наставит
Чтить богов, копье и лук направит,
Если дикий Ксанф⁴² тебя умчит?

Старик Моор . Что за чудная песнь, дочь моя? Ты споешь мне ее перед смертью.

Амалия . Это прощание Гектора с Андромахой. Мы с Карлом часто певали эту песнь под звуки лютни.

Милый друг, копье и щит скорее!
Там, в кровавой сече, веселее...
Эта длань отечество спасет.
Власть богов да будет над тобою!
Я погибну, но избавлю Трою.
Но с тобой Элизиум⁴³ цветет.

⁴¹ Песня Амалии (перевод М. Достоевского) посвящена одному из эпизодов времен греко-тroyянской войны, описанной в древнегреческой поэме «Илиада», – прощанию троянского героя Гектора со своей супругой Андромахой и маленьким сыном Астианаксом.

⁴² Ксанф , или Скамандр (теперь Мендере-Су) – река, с трех сторон окружавшая утес Пергама (тroyянского кремля) и, следовательно, защищавшая подступы к Трое.

⁴³ Элизиум – у Гомера красивая местность на западной окраине земли, где люди живут в блаженстве; у позднейших греков представления о ней связывались с подземным царством и загробной жизнью (нечто вроде античного рая).

Входит Даниэль.

Даниэль. Вас спрашивает какой-то человек. Он просит принять его; говорит, что пришел с важными вестями.

Старик Моор. Мне в целом свете важно только одно... Ты знаешь что, Амалия. Если это несчастный, нуждающийся в помощи, он не уйдет отсюда без утешения.

Амалия. Если это нищий, впусти его поскорей,

Даниэль уходит.

Старик Моор. Амалия! Амалия! Пожалей меня!

Амалия

(поет)

Смолкнет звук брони твоей, о боги!
Меч твой праздно пролежит в чертоге,
И Приамов вымрет славный род.
Ты сойдешь в места, где день не блещет,
Где Коцит⁴⁴ волною сонной плещет;
В Лете злой любовь твоя умрет!

Все мечты, желанья, помышленья
Потоплю я в ней без сожаленья,
Только не свою любовь.
Чу! Дикарь опять уж под стенами!
Дай мне меч, простимся со слезами;
В Лете не умрет моя любовь!

Франц, переодетый Герман, Даниэль.

Франц. Вот этот человек. Он говорит, что привез вам страшные вести. В состоянии ли вы его выслушать?

Старик Моор. Для меня существует только одна весть. Подойди ближе, любезный, и не щади меня. Дайте ему вина.

⁴⁴ *Коцит* – в греческой мифологии подземная «река плача».

Герман (*измененным голосом*). Сударь, не лишайте бедняка ваших милостей, если он против воли пронзит вам сердце. Я чужой в этих краях, но вас знаю хорошо. Вы отец Карла фон Мора.

Старик Мор. Откуда ты это знаешь?

Герман. Я знал вашего сына.

Амалия (*вскакивая*). Он жив? Жив? Ты знаешь его? Где он? Где? Где?
(*Срываеться с места*.)

Старик Мор. Ты знаешь что-нибудь о моем сыне?

Герман. Он учился в Лейпциге и оттуда исчез неизвестно куда. По его словам, он босиком и с непокрытой головой исходил вдоль и поперек всю Германию, вымаливая подаяние под окнами. Пять месяцев спустя снова вспыхнула эта злополучная война между Пруссией и Австрией, и так как ему не на что было надеяться в этом мире, то он дал барабанному грому победоносного Фридриха увлечь себя в Богемию. «Дозвольте мне, — сказал он великому Шверину⁴⁵, — пасть смертью храбрых: у меня нет более отца!»

Старик Мор. Не смотри на меня, Амалия!

Герман. Ему вручили знамя. И он помчался вперед по пути прусской славы. Как-то раз мы спали с ним в одной палатке. Он много говорил о своем престарелом отце, о счастливых днях, канувших в прошлое, о несбывшихся надеждах. Слезы текли из наших глаз!

Старик Мор (*прячет лицо в подушки*). Молчи! О, молчи!

Герман. Восемь дней спустя произошла жаркая битва под Прагой⁴⁶. Смею вас уверить, ваш сын вел себя, как подобает храброму воину. Он совершал чудеса на глазах у всей армии. Пять полков полегло вокруг него — он все стоял. Раскаленные ядра сыпались частым градом — ваш сын стоял. Пуля раздробила ему правую руку — он взял знамя в левую и продолжал стоять!

Амалия (*с восторгом*). Гектор! Гектор! Слышите? Он не дрогнул.

⁴⁵ Шверин Курт Кристофф — прусский генерал-фельдмаршал, убитый в битве под Прагой 6 мая 1757 года.

⁴⁶ ...жаркая битва под Прагой. — 6 мая 1757 года прусский король Фридрих II одержал победу над австрийцами, в результате которой он смог осадить Прагу и запереть в ней армию принца Карла Лотарингского. 18 июня 1757 года в битве под Колином (Чехия) войска Фридриха II были разбиты наголову, вследствие чего пруссакам пришлось снять осаду Праги и очистить всю Богемию (Чехию).

Герман . Тем же вечером я снова натолкнулся на него. Вокруг свистели пули, он лежал на земле, левой рукой стараясь унять льющуюся кровь, правой впиваясь в землю. «Брат, – крикнул он мне, – по рядам прошел слух, что наш генерал уже час как убит». – «Да, он пал, – ответил я. – Ты ранен?» – «Как храбрый солдат, – вскричал он, отнимая левую руку от раны, – я иду за своим генералом». И его великая душа отлетела вослед герою.

Франц (*яростно наступая на Германа*). Да прилипнет твой проклятый язык к горлани! Или ты явился сюда, чтобы нанести смертельный удар нашему отцу? Отец! Амалия! Отец!

Герман . Вот последняя воля моего покойного товарища: «Возьми этот меч, – прохрипел он, – и отдай моему старому отцу; кровь его сына запеклась на нем. Отец может радоваться: он отомщен. Скажи ему, что его проклятье погнало меня в битву, навстречу смерти. Скажи, что я умер в отчаянии!» Последний вздох его был: «Амалия!»

Амалия (*словно пробудившись от мертвого сна*). Его последний вздох был: «Амалия!»

Старик Моор (*с воплем рвет на себе волосы*). Мое проклятие убило его! Он умер в отчаянии!

Франц (*бегает взад и вперед по комнате*). О! Что вы сделали, отец! Карл! Брат мой!

Герман . Вот меч и портрет, который он снял со своей груди. Точь-в-точь эта барышня. «Это моему брату Францу!» – прошептал Моор. Что он хотел этим сказать, я не знаю.

Франц (*с удивлением*). Мне – портрет Амалии? Мне… Карл… Амалию? Мне?

Амалия (*в гневе подбегает к Герману*). Низкий, подкупленный обманщик! (*Пристально смотрит на него.*)

Герман . Вы ошибаетесь, сударыня! Взгляните, разве это не ваш портрет? Вы, верно, сами его дали ему?

Франц . Клянусь богом, Амалия, это твой портрет! Право же, твой!

Амалия (*отдавая портрет*). Мой, мой! О, боже!

Старик Моор (*с воплем раздирает себе лицо*). Горе, горе мне! Мое проклятье убило его, он умер в отчаянии!

Франц. И он вспомнил обо мне в последний трудный час кончины! Обо мне – ангельская душа! Когда черное знамя смерти уже реяло над ним – обо мне!

Старик Моор (*тихо бормочет*). Мое проклятие убило его! Он умер в отчаянии!

Герман. Я не в силах больше смотреть на эти страдания! Прощайте, сударь! (*Тихо, Францу.*) К чему вы все это затеяли? (*Хочет уйти*)

Амалия (*бежит за ним*). Стой! Стой! Что было его последним словом?

Герман. Его последний вздох был: «Амалия!» (*Уходит.*)

Амалия. Его последний вздох был: «Амалия!» Нет, ты не обманщик! Так это правда! Правда! Он умер! Умер! (*Шатается и падает.*) Умер! Карл умер!

Франц. Что я вижу? Что это кровью написано на мече? Амалия!

Амалия. Его рукой?

Франц. Наяву это или во сне? Посмотри, кровью выведено: «Франц, не оставляй моей Амалии!» Смотри же, смотри! А на другой стороне: «Амалия, твою клятву разрешила всемогущая смерть!» Видишь! Видишь! Он писал это костенеющей рукой, писал горячей кровью своего сердца на торжественном рубеже вечности. Его душа, готовая отлететь, помедлила, чтобы соединить Франца и Амалию.

Амалия. Боже милосердный! Это его рука! Он никогда не любил меня! (*Поспешно уходит.*)

Франц (*топая ногой*). Проклятье! Все мое искусство бессильно перед этой строптивицей!

Старик Моор. Горе, горе мне! Не оставляй меня, дочь моя! Франц, Франц, верни мне моего сына!

Франц. А кто проклял его? Кто погнал своего сына на поле смерти? Кто вверг его в отчаяние? О, это был ангел, жемчужина в венце всевышнего! Да будут прокляты его палачи! Будьте и вы прокляты!

Старик Моор (*ударяя себя кулаком в грудь*). Он был ангелом! Он был жемчужиной в венце всевышнего! Проклятие, проклятие, гибель и проклятие на мою голову! Я отец, убивший своего доблестного сына! Он любил меня до последней минуты и мне в угоду ринулся в бой, навстречу смерти! О, я чудовище, чудовище! (*Неистовствует.*)

Франц. Его уже нет, к чему запоздалые стенанья? (*Злобно улыбаясь.*) Убить легче, чем воскресить. Вам не вернуть его из могилы.

Старик Моор. Никогда, никогда, никогда не вернуть из могилы! Нет его! Потерян навеки! Ты своими наговорами вырвал проклятье из моего сердца!.. Ты... ты!.. Верни мне сына!

Франц. Не доводите меня до бешенства! Я оставляю вас наедине со смертью.

Старик Моор. Чудовище! Чудовище! Отдай мне моего сына! (*Вскакивает с кресла и хочет схватить Франца за горло, но тот с силой отбрасывает его.*)

Франц. Немощный скелет... Вы еще смеете?.. Умирайте! Казнитесь!.. (*Уходит.*)

Старик Моор. Тысячи проклятий да грянут над тобою! Ты украл у меня сына! (*Мечется в кресле.*) Горе, горе мне! Так отчаиваться и – жить!.. Они бегут, оставляют меня наедине со смертью... Ангел-хранитель покинул меня! Святые отступились от седовласого убийцы! Горе, горе мне! Никто не хочет поддержать мою голову, освободить мою томящуюся душу! Ни сыновей, ни дочери, ни друга! Только чужие! Никто не хочет... Один, всеми покинут! Горе, горе мне! Так отчаиваться и – жить!..

Амалия *входит с заплаканными глазами.*

Амалия, посланница небес! Ты пришла освободить мою душу?

Амалия (*ласково*). Вы потеряли доблестного сына.

Старик Моор. Убил, хочешь ты сказать. Виновный в убийстве сына, я предстану перед престолом всевышнего...

Амалия. Нет, нет, многострадальный старец! Небесный отец призвал его к себе. Иначе мы были бы слишком счастливы здесь, на земле... Там, там, превыше светил небесных, мы свидимся вновь.

Старик Моор . Свидимся, свидимся! Нет! Меч пронзит мою душу, если я, блаженный, в сонме блаженных увижу его. И на небесах ужаснут меня ужасы ада, и перед лицом вечности меня будет душить сознание: я убил своего сына.

Амалия . О, он с улыбкой прогонит из вашего сердца страшные воспоминания! Ободритесь же, милый отец: ведь я бодра. Разве он не пропел небесным силам на арфе серафимов имя Амалии и разве небесные силы не вторили ему? Ведь его последний вздох был: «Амалия!» Так разве же не будет и его первый крик восторга: «Амалия!»?

Старик Моор . Сладостное утешение источают уста твои! Он улыбнется мне, говоришь ты? Простит? Останься же при мне, возлюбленная моего Карла, и в час моей кончины.

Амалия . Умереть – значит ринуться в его объятия! Благо вам! Я вам завидую. Почему мое тело не дряхло, мои волосы не седы? Горе молодости! Благо тебе, немощная старость: ты ближе к небу, ближе к моему Карлу!

Входит Франц.

Старик Моор . Подойди ко мне, сын мой! Прости, если я был слишком суров к тебе! Я прощаю тебя. И хочу с миром испустить дух свой.

Франц . Ну что? Досыта наплакались о вашем сыне? Можно подумать, что он у вас один.

Старик Моор . У Иакова было двенадцать сыновей, но о своем Иосифе он проливал кровавые слезы.⁴⁷

Франц . Гм!

Старик Моор . Возьми Библию, дочь моя, и прочти историю об Иакове и Иосифе: она и прежде всегда меня трогала, а я не был еще Иаковом.

Амалия . Какое же место прочесть вам? (*Перелистывает Библию.*)

---

⁴⁷ У Иакова было двенадцать сыновей, но о своем Иосифе он проливал кровавые слезы. – В Библии рассказана история Иакова и его двенадцати сыновей. Братья продали Иосифа, любимца Иакова, в Египет, где он достиг высокого положения и впоследствии разоблачил их вероломство.

Старик Моор . Читай мне о горести осиротевшего отца, когда он меж своих детей не нашел Иосифа и тщетно ждал его в кругу одиннадцати; и о его стенаниях, когда он узнал, что Иосиф отнят у него навеки.

Амалия (*читает*). «И взяли одежду Иосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью, и послали разноцветную одежду, и доставили отцу своему, и сказали: «Мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда или нет?»

Франц внезапно уходит.

Он узнал ее и сказал: «Это одежда сына моего, хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф».

Старик Моор (*откинувшись на подушку*). «Хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф».

Амалия (*читает дальше*). «И разорвал Иаков одежды свои, и возложил вретище на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни. И собрались все сыновья и все дочери его, чтобы утешить его; он не хотел утешиться и сказал: «С печалью сойду к сыну моему во гроб...»

Старик Моор . Перестань, перестань! Мне худо!

Амалия (*роняет книгу и побегает к нему*). Боже мой! Что с вами?

Старик Моор . Это смерть!.. Чернота... плывет... перед моими глазами... Прошу тебя... позови священника... Пусть принесет... святые дары... Где мой сын Франц?

Амалия . Он бежал! Боже, смилийся над нами!

Старик Моор . Бежал... бежал... от смертного одра! И это все... все... от двух сыновей, с которыми связывалось столь-ко упований... Ты их дал... ты их отнял... Да святится имя твое!..

Амалия (*вдруг вскрикивает*). Умер! Не бьется сердце! (*Убегает в отчаянии.*)

Франц (*входит радостный*). «Умер!» – кричат они. Умер! Теперь я господин. По всему замку вопят: «Умер!» А что, если он только спит? Да, конечно, конечно, это сон. Но уснувший таким сном уже никогда не услышит «с добрым утром». Сон и смерть – близнецы. Только переменим названия. Добрый, желанный сон! Іы назовем тебя смертью. (*Закрывает отцу глаза.*) Кто же теперь осмелится прийти и потянуть меня к ответу или сказать мне в глаза: «Ты

подлец!»? Теперь долой тягостную личину кротости и добродетели! Смотрите на подлинного Франца и ужасайтесь! Мой отец не в меру подслащал свою власть. Подданных он превратил в домочадцев; ласково улыбаясь, он сидел у ворот и приветствовал их, как братьев и детей. Мои брови нависнут над вами, подобно грозовым тучам; имя господина, как зловещая комета, вознесется над этими холмами; мое чено станет яптым барометром. Он гладил и ласкал строптивую выю. Гладить и ласкать – не в моих обычаях. Я вонжу в ваше тело зубчатые шпоры и заставлю отведать кнута. Скоро в моих владениях картофель и жидкое пиво станут праздничным угощением. И горе тому, кто попадется мне на глаза с пухлыми, румяными щеками! Бледность нищеты и рабского страха – вот цвет моей ливреи. Я одену вас в эту ливрею! (Уходит.)

Сцена третья

Богемские леса.

Шпигельберг, Рацман. Разбойники.

Рацман . Ты здесь? Тебя ли вижу? Дай задушить тебя в объятиях, дружище Мориц! Привет тебе в богемских лесах! Эк ты раздобрел и окреп! Черт подери, да ты, никак, и рекрутов привел с собой целую ватагу? Ай да вербовщик!

Шпигельберг . А ведь правда, здорово, братец, здорово? Молодчики-то как на подбор! Ты не поверишь! Надо мной прямо-таки божья благодать! Был я голодным беднягой, ничего не имел, кроме этого посоха, когда перешел Иордан, а теперь нас семьдесят восемь молодцов, все больше разорившиеся купцы, выгнанные чиновники да писаря из швабских провинций. Это, братец, доложу я тебе, отряд таких молодцов, таких славных ребят, что каждый у другого на ходу подметки режет и чувствует себя спокойно рядом с соседом, лишь держа в руках заряженное ружье. Ни в чем им нет отказа, а слава о них такая на сорок миль в округе, что диву даешься. Нынче, брат не сыщешь ни одной газеты, в которой не было бы статейки о ловкаче Шпигельберге. Только потому я их и читаю. С ног до головы так меня описали, что как живой стою. Пуговиц на моем кафтане и тех не позабыли. А мы только и знаем, что водить за нос этих дуралеев. Как-то недавно захожу в типографию, заявляю, что видел пресловутого Шпигельберга, и диктую тамошнему щелкоперу живой портрет одного докторишки из их округи. Все пошло как по-писаному, притянули голубчика к ответу, допросили с пристрастием, а этот дурак со страха возьми да и признайся – провалиться мне на этом месте, – что он-де и есть Шпигельберг! Гром и молния! Меня так и подымало пойти с повинной в магистрат, чтобы этот каналья не бесчестил

моего имени. Что же ты думаешь? Три месяца спустя повесили-таки моего доктора. Мне пришлось заложить в нос изрядную понюшку табаку, когда я потом, прогуливаясь около виселицы, смотрел, как этот лже-Шпигельберг качается на ней во всей своей красе. И вот, в то время как лже-Шпигельберг болтается в петле, истинный Шпигельберг осторожненько из петли выпутывается и натягивает премудрой юстиции такой длинный нос, что даже жаль становится ее, бедняжку.

Рацман (*со смехом*). А ты, дружище, нимало не переменился!

Шпигельберг. Да, как видишь, я все тот же душой и телом! Послушай-ка, дуралей, какую я штуку выкинул намедни в обители святой Цецилии. Попадается мне, значит, на пути этот монастырек. Уж вечерело, а я в тот день еще не издержал ни одного патрона. Ты же знаешь, я до смерти не люблю *diem perdidī*⁴⁸, но коли день пропал, надо хоть ночью заварить такую кашу, чтоб чертям тошно стало. Ну так вот. Мы ведем себя смирно до наступления темноты. Воцаряется тишина. Огни гаснут. Эге, думаем мы, видно, монашенки-то улеглись. Я беру с собой приятеля Гrimma, а другим велю дожидаться у ворот, покуда не свистну, сговариваюсь с привратником и, получив от него ключи, прокрадываюсь в помещение, где спят послушницы. Я живо стибрил ихние платья, связал в узел и вынес за ворота. Потом мы прошлись по кельям и забрали одежду у всех сестер, а под конец и у самой настоятельницы. Тут я свистнул, и мои молодцы, что остались за воротами, подняли такой шум и гам, точно настал день Страшного суда, и затем с криком и гиканьем рассыпались по всей обители. Ха-ха-ха! Посмотрел бы ты, какая там началась кутерьма. Как бедняжки искали впотьмах свою одежонку, метались, охали, словно в когтях у черта, а мы – ну их лапать! С перепугу одни стали заворачиваться в простыни, залезать под печку, как кошки, а другие так напрудили в кельях, хоть плавать пускайся! Визгу! Крику!.. Вылезла и старая карга настоятельница в костюме Евы до грехопадения. Ты ведь знаешь, братец, что для меня нет на свете создания мерзее паука и старой бабы, а тут эта почернелая, морщинистая, косматая старуха так и вьется вокруг, заклиная меня своим девическим целомудрием. Тыфу! Я уже поднял было кулак, чтобы вышибить ей последние зубы, да воздержался и предложил на выбор: либо подавай нам монастырское серебро, драгоценную утварь и всю звонкую монету, либо... Мои ребята живо поняли меня! Словом, я унес оттуда не меньше чем на тысячу талеров всякого добра да еще воспоминанье о веселой

---

⁴⁸ Потерять день (*лат.*).

ночке. А ребята оставили монашенкам памятки, от которых им раньше, как через девять месяцев, не избавиться.

Рацман (*топнув ногой*). Черт побери, почему меня там не было!

Шпигельберг. Вот видишь! Попробуй-ка сказать после этого, что плоха беспутная жизнь! Вдобавок ты остаешься свеж, бодр да еще в тело входишь не хуже римского прелата. Видно, есть во мне что-то такое магнитическое, коли сброд со всего белого света липнет ко мне, как сталь и железо.

Рацман. Ты и впрямь магнит! Хотел бы я, черт побери, понять, каким колдовством ты этого добиваешься...

Шпигельберг. Колдовством? Колдовство тут ни при чем. Тут, брат, нужна голова да немного практической сметки, которую, конечно, из пальца не высосешь. Видишь ли, я всегда говорю: честного человека можно сделать из любого пня. Но мошенника – это дело посложнее! Тут необходим подлинный национальный гений и известный, как бы это сказать, мошеннический климат. Поэтому я советую тебе, съезди-ка в Граубюнден. Это Афины нынешних плутов.⁴⁹

Рацман. А мне, брат, особенно расхваливали Италию.

Шпигельберг. Да, да! Надо быть справедливым. В Италии тоже имеются доблестные мужи. Но если Германия будет продолжать в том же духе и окончательно порвет с Библией, на что можно уже твердо надеяться, то со временем и из нее выйдет что-нибудь путное. Вообще, должен тебе сказать, особого значения климат не имеет; гений принимается на любой почве, а все остальное, братец... Сам знаешь – из дикого яблока и в райском саду не получится ананаса. Но что я хотел сказать? На чем бишь я остановился?

Рацман. На мошеннической сноровке.

Шпигельберг. Да, верно, на мошеннической сноровке. Итак, приехав в какой-нибудь город, ты первым делом разузнаешь у надзирателей за нищими, у приставов и дозорных, кого чаще всего к ним приводят, и затем отыскиваешь этих голубчиков. Далее ты становишься завсегдатаем кофеен, публичных домов,

---

⁴⁹ ...*съезди-ка в Граубюнден. Это Афины нынешних плутов.* – Это место в «Разбойниках» едва не послужило поводом к «дипломатическому конфликту» между Вюртембергом и швейцарским кантоном Граубюнденом и навлекло на Шиллера гнев Карла Вюртембергского. Граубюнден находится на юго-востоке Швейцарии (границит с Тиролем и Северной Италией); населен преимущественно итальянцами.

трактиров и там вынюхиваешь, кто больше всех ругает дешевизну, низкую процентную ставку, губительную чуму полицейских постановлений, кто всех злобнее поносит правительство или разъяряется на физиогномику⁵⁰ и тому подобное... Вот ты, братец, и у цели! Честность шатается, как гнилой зуб, остается только подцепить его козьей ножкой... Или, и того лучше, ты бросаешь полный кошелек прямо на мостовую, а сам где-нибудь прячешься и смотришь, кто его поднимет. Немного погодя ты уже бежишь вслед за ним, охаешь и, догнав, спрашиваешь: «Не поднимали ли вы, сударь, кошелька с деньгами?» Скажет: «Да», – черт с ним, ступай своей дорогой; начнет отпираться: «Нет, извините, сударь... не припомню... очень сожалею...» – тогда победа, братец, победа! Гаси фонарь, хитроумный Диоген!⁵¹ Ты нашел твоего человека.

Рацман . Да ты малый не промах!

Шпигельберг . Бог мой! Как будто я когда-нибудь в этом сомневался! Когда же молодец попался в твой сачок, действуй расторопно, чтобы не упустить его. Я, братец, проделывал это следующим образом: стоило мне только напасть на след, я прицеплялся к намеченной жертве, как репейник, пил с ним на брудершафт. *Nota bene!*⁵² Угощай его на свой счет. Конечно, накладно, но ничего не поделаешь! Далее, ты вводишь его в игорные дома, знакомишь со всякой швалью, вовлекаешь в драки, запутываешь в мошеннические проделки, покуда он не промотает свои силы, деньги, совесть и добре имя. Потому что, *incidenter*⁵³, ничего не выйдет, должен тебе сказать, если с самого начала ты не погубишь его души и тела. Верь мне, братец! Я раз пятьдесят убеждался на собственном опыте. Если сгонишь честного человека с насиженного места – быть ему у черта под началом. Переход этот так легок, так легок, как скачок от шлюхи к святоше. Но чу! Что за грохот?

Рацман . Гром гремит! Ну, продолжай!

⁵⁰ ...разъяряется на физиогномику. – В юношеские годы Шиллера большой популярностью в Западной Европе пользовались физиогномические теории швейцарца Лафатера, который по чертам лица и строению черепа делал заключения о характере человека, его внутренних склонностях и т. д.

⁵¹ Гаси фонарь, хитроумный Диоген! Ты нашел твоего человека. – Диоген (V–IV вв. до н. э.) – древнегреческий философ. О нем рассказывали, будто он ходил днем с зажженным фонарем, а когда его спрашивали, почему он это делает, он отвечал: «Я ищу человека».

⁵² Заметь себе! (лат.).

⁵³ Кстати (лат.).

Шпигельберг. Есть путь еще лучше и короче: обери молодчика, да так, чтоб у него ни кола, ни двора не осталось. Будет без рубахи, так и сам прибежит к тебе. Впрочем, ученого учить – только портить! Спроси-ка лучше вон того меднорожего... Черт возьми, его я здорово поддел: помахал у него перед носом сорока дукатами, посулил ему эти денежки за восковой слепок с хозяйствского ключа... Что ж ты думаешь, эта бестия все исполнил: принес, черт его побери, ключ и требует денег. «Мосье, – говорю я ему, – а знаешь ли ты, что я с этим ключом прямехонько отправлюсь в полицию и найду тебе квартирку на виселице?» Тысяча дьяволов! Посмотрел бы ты, как малый выпучил глаза и задрожал, словно мокрый пудель. «Ради бога, смируйтесь, сударь! Я хочу... я хочу...» – «Чего ты хочешь? Хочешь собрать свои манатки и вместе со мной пойти к черту?» – «О, от всего сердца, с превеликим удовольствием!» Ха-ха-ха! Любезный! Мышей на сало ловят. Да смейся же над ним, Рацман! Ха-ха-ха!

Рацман. Ха-ха-ха! Ну разодолжил! Золотыми буквами напишу я у себя на лбу твою лекцию. Видно, сатана неплохо знает людей, если сделал тебя своим маклером.

Шпигельберг. Право, дружище! Я думал, что, если навербую ему еще с десяток таких молодчиков, он отпустит меня на все четыре стороны. Ведь дает же издатель комиссионеру каждый десятый экземпляр бесплатно. Так неужто же черт станет скряжничать? Рацман! Что-то порохом потянуло.

Рацман. Черт возьми! Я сам уже давно слышу. Берегись, здесь неподалеку что-нибудь да не так. Ей-ей! Говорю тебе, Мориц, что ты со своими рекрутами прямо находка для атамана. Он тоже залучил бравых молодцов.

Шпигельберг. Но мои, мои...

Рацман. Что правда, то правда! Может, и у твоих золотые руки, но, говорю тебе, слава нашего атамана ввела в соблазн многих даже честных людей.

Шпигельберг. Ты уж чего не наскажешь.

Рацман. Кроме шуток! И они не стыдятся служить под его началом. Он убивает не для грабежа, как мы. О деньгах он, видно, и думать перестал с тех пор, как может иметь их вволю; даже ту третью добычи, которая причитается ему по праву, он раздает сиротам или жертвует на учение талантливым, но бедным юношам. Но если представляется случай пустить кровь помешнику, дерущему шкуру со своих крестьян, или проучить бездельника в золотых галунах, который криво

толкует законы и серебром отводит глаза правосудию, или другого какого господчика того же разбора, тут, братец ты мой, он в своей стихии. Тут словно черт вселяется в него, каждая жилка в нем становится фурией.

Шпигельберг . Гм, гм!

Рацман . Недавно в корчме мы узнали, что по большой дороге будет проезжать богатый граф Регенсбург, выигравший миллионную тяжбу благодаря плутням своего адвоката. Он сидел за столом и играл в шахматы. «Сколько нас?» – спросил он меня, поспешно вставая. Я видел, как он закусил нижнюю губу, – верный признак того, что он в ярости. «Всего пятеро!» – отвечал я. «Справимся!» – сказал он, бросил хозяйке деньги на стол, оставил вино нетронутым, и мы пустились в путь. Во всю дорогу он не вымолвил ни слова, ехал в сторонке один и только по временам спрашивал, не видать ли чего, да приказывал нам прикладывать ухо к земле. Наконец видим: едет граф. Карета нагружена до отказа. Рядом с ним сидит адвокат, впереди скачет форейтор, по бокам двое слуг верхами. Вот тут бы ты посмотрел на него, как он с двумя пистолетами в руках подскакал к карете! А голос, которым он крикнул: «Стой!» Кучер, не пожелавший остановиться, полетел с козел вверх тормашками. Граф выстрелил в воздух. Всадники – наутек. «Деньги, каналья! – заорал он громовым голосом. Граф свалился, как бык под обухом. – А! Это ты, прохвост, правосудие делаешь продажной девкой?» У адвоката зубы застучали от страха. И вот кинжал уже торчит у него в брюхе, как жердь в винограднике. «Я свое совершил! – воскликнул атаман и гордо отворотился от нас. – Грабеж – ваше дело!» С этими словами он умчался в лес.

Шпигельберг . Гм, гм! Послушай-ка, дружище! То, что я тебе сейчас рассказывал, пусть останется между нами; ему незачем это знать. Понимаешь?

Рацман . Понимаю, понимаю.

Шпигельберг . Ты ведь знаешь его. У него есть свои странности. Понимаешь?

Рацман . Понимаю, понимаю.

Шварц *вбегает запыхавшись.*

Кто там? Что там такое? Проезжие в лесу?

Шварц . Живо! Живо! Где остальные? Тысяча чертей! Вы стоите здесь и языки чешете! Не знаете, что ли?.. Так вы ничего не знаете? Ведь Роллер...

Рацман. Что с ним, что с ним?

Шварц. Роллер повешен, и с ним еще четверо.

Рацман. Роллер? Проклятье! Как? Когда? Откуда ты знаешь?

Шварц. Уже три недели, как он в тюрьме, а мы ничего не знаем; три раза его водили к допросу, а мы ничего не слышали! Его под пыткой допрашивали, где атаман. Молодчага ничего не выдал! Вчера вынесли приговор, а сегодня он на курьерских отправился к дьяволу.

Рацман. Проклятье! Атаман знает?

Шварц. Только вчера узнал. Он беснуется, как дикий зверь. Ты ведь знаешь, он всегда отличал Роллера... И еще эта пытка... Веревки и лестница были уже принесены к башне. Ничего не помогло. Он сам, переодевшись капуцином,⁵⁴ проник к Роллеру и хотел поменяться с ним платьем. Роллер наотрез отказался. И вот он дал клятву, — да так, что у нас кровь застыла в жилах, — зажечь ему погребальный факел, какого не зажигали еще ни одному королю; такой, чтобы у них от жара шкура скорежилась. Мне страшно за город. Он уже давно зол на него за позорное ханжество; а ты знаешь, если он скажет: «Я сделаю», — то это все равно, что мы, грешные, уже сделали.

Рацман. Это правда, я знаю атамана. Если он дьяволу даст слово отправиться в ад, то уж молиться не станет, даже если бы одно «Отче наш» могло спасти его. Ах, бедняга Роллер! Бедняга!

Шпигельберг. Memento mori!⁵⁵ Впрочем, меня это не волнует. (*Поет.*)

Я мыслю, если ненароком
Наткнусь на виселицу я:
Ты, брат, висишь здесь одиноко,—
Кто ж в дураках, ты или я?

Выстрелы и шум.

Рацман (вскакивая). Слышишь? Выстрел!

Шпигельберг. Еще один!

---

⁵⁴ ...переодевшись капуцином... — Капуцин — католический монах ордена св. Франциска, носящий рясу с капюшоном.

⁵⁵ Помни о смерти! (лат.).

Рацман . Третий! Атаман!

За сценой слышна песня:

«Нюренбергцам нас повесить
Не придется никогда!» (*Да саро*)⁵⁶.

Швейцер и Роллер (*за сценой*). Эй, вы! Го-го!

Рацман . Роллер! Роллер! Черт меня подери!

Швейцер и Роллер (*за сценой*). Рацман! Шварц! Шпигельберг! Рацман!

Рацман . Роллер! Швейцер! Гром и молния! Град и непогода! (*Бежит им навстречу.*)

Разбойник Моор верхом, за ним Швейцер, Роллер, Гrimm, Шуфтерле и толпа разбойников, покрытых грязью и пылью.

Моор (*спешиваясь*). Свобода! Свобода! Ты в безопасности, Роллер! Отведи моего коня, Швейцер, да вымой его вином. (*Бросается на землю.*) Ох, жарко пришлось!

Рацман (*Роллеру*). Клянусь горнилом Плутона⁵⁷, уж не восстал ли ты с колеса?

Шварц . Ты его дух? Я круглый дурак... или ты в самом деле?..

Роллер (*запыхавшись*). Это я. Собственной персоной. Цел и невредим. Откуда, ты думаешь, я явился?

Шварц . Что за чертовщина! Ведь судья уже переломил палочку.

Роллер . Еще бы, даже больше! Я явился прямехонько с виселицы. Ох, дай дух перевести. Пусть Швейцер расскажет. Налейте мне стакан водки. И ты опять здесь, Мориц? Я думал было увидеться с тобой совсем в другом месте. Да налейте же мне водки! У меня все кости ломит. О мой атаман! Где мой атаман?

---

⁵⁶ Сначала (*итал.*).

⁵⁷ Плутон – бог подземного мира (*рим. миф.*).

Шварц. Сейчас! Сейчас! Да говори же, рассказывай, как ты улизнул оттуда? Каким чудом ты опять с нами? У меня голова идет кругом. Прямо с виселицы, говоришь ты?

Роллер (*залпом выпивает бутылку водки*). Ох, славно! Вот жжет-то! Прямо с виселицы, говорю. Я был в каких-нибудь трех шагах от лестницы, по которой всходят в лоно Авраамово⁵⁸... До того близко, до того близко... Моя шкура была уже запродана в анатомический театр, — ты мог бы сторговать мою жизнь за понюшку табаку. Атаману я обязан воздухом, свободой и жизнью!

Швейцер. Это была такая штука, братцы, о которой стоит порассказать! За день до того мы пронюхали через наших лазутчиков, что Роллеру каюк и что завтра, то есть сегодня, если только небо не обвалится, он разделит судьбу всего смертного. «Ребята, — сказал атаман, — чего не сделаешь для друга? Спасем ли мы его или нет, во всяком случае, зажжем ему такой погребальный факел, какой еще не возжигали ни одному королю и от которого у них вся шкура скрежится». Вся шайка поднята на ноги. Мы шлем к нему нарочного, и тот подбрасывает ему в похлебку записочку.

Роллер. Я отчаялся в успехе.

Швейцер. Мы ждали, пока опустеют улицы. Весь город валом валил на интересное зрелище; всадники, пешеходы, экипажи смешались в кучу, на всю округу слышались шум и пение погребальных псалмов. «Теперь, — сказал атаман, — зажигай! Зажигай!» Наши ребята помчались стрелой, зажгли город разом с тридцати трех концов, разбросали зажженные фитили у пороховых погребов, церквей и амбаров... Morbleu!⁵⁹ Не прошло и четверти часа, как северо-восточный ветер, у которого, видимо, тоже был зуб на этот город, подоспел нам на помощь и взметнул пламя до самых крыш. Между тем мы, как фурии, носимся по улицам и вопим на весь город: «Пожар, пожар!» Вой, крик, треск! Гудит набат! Пороховой погреб взлетает на воздух! Точно земля раскололась надвое, небо лопнуло и ад ушел еще на десять тысяч сажен глубже!

---

⁵⁸ ...всходят в лоно Авраамово — то есть отправляются к праотцам, умирают. Авраам, по библейским сказаниям, — один из древнееврейских родоначальников, так называемых «патриархов».

⁵⁹ Черт возьми! (*франц.*).

Роллер . Мой конвой оглянулся. Город – что твои Содом и Гоморра⁶⁰! Весь горизонт в огне, в дыму и сере. Кажется, все окрестные горы взревели, вторя этой сатанинской шутке. Панический страх пригибает всех к земле. Тут я пользуюсь минутой – р-раз, и с быстрой ветра освобождаюсь от уз под самым носом стражников, окаменевших, как Лотова жена⁶¹. Рывок! Я рассекаю толпу и давай бог ноги! Отбежав эдак шагов пятьдесят, сбрасываю с себя платье, кидаюсь в реку и плыву под водой до тех пор, пока мне не кажется, что я в безопасности. Мой атаман уже тут как тут с лошадьми и платьем. Так я удрал. Моор! Моор! Попал бы ты поскорей в такую же переделку, чтобы я мог отплатить тебе тем же!

Рацман . Гнусное пожеланье, за которое тебя следовало бы вздернуть. Но шутка такая, что лопнуть можно.

Роллер . Да, то была истинная помощь в нужде! Чтобы понять это, надо, как я, с веревкой на шее заживо прогуляться к могиле. А эти страшные приготовления, эти живодерские церемонии! Ты ступаешь дрожащими ногами, и с каждым шагом все ближе – до ужаса близко! – встает перед тобой в лучах страшного утреннего солнца проклятая машина с петлей, уготованной для твоей шеи! А поджидающие тебя живодеры! А мерзостная музыка, – она еще и теперь гремит у меня в ушах! А карканье голодного воронья, которое обсело моего полусгнившего предшественника!.. Это все... все... И сверх того еще предвкушение блаженства, тебя ожидающего. Братья! Братья! И вдруг – призыв к свободе! То-то был треск, словно обруч лопнул на небесной бочке. Верьте мне, канальи! Прыгнув из раскаленной печи в ледяную воду, не ощутишь такого контраста, какой почувствовал я, оказавшись на том берегу.

Шпигельберг (*хихочет*). Бедняга! Ну, да все это уже ветром сдуло! (*Пьет*.) Со счастливым воскресением из мертвых!

Роллер (*бросает наземь свой стакан*). Нет, клянусь всеми сокровищами Мамона,⁶² не хотел бы я еще раз пережить такое! Смерть, пожалуй, посерезнее, чем прыжок арлекина; но страх смерти еще страшней, чем она сама.

⁶⁰ Содом и Гоморра – города, которые, по библейскому преданию, были сожжены небесным огнем за нечестивую жизнь их обитателей.

⁶¹ Лотова жена. – По библейскому сказанию, жена Лота во время бегства из Содома оглянулась, вопреки запрету, на пылавший город и превратилась в соляной столб.

⁶² ...клянусь всеми сокровищами Мамона... – Мамон – бог богатства, денег у некоторых древних народов.

Шпигельберг . А вспорхнувшая на воздух пороховая башня! Смекаешь теперь, Рацман? Оттого-то и воняло серой на всю округу, словно Молох⁶³ проветривал на свежем воздухе свой гардероб. Это была великолепная шутка, атаман! Завидую тебе!

Швейцер . Если весь город потешается над тем, что нашего товарища прирезывают, как затравленного кабана, то нам ли, черт побери, корить себя за то, что мы разорили город из любви к другу. Вдобавок наши ребята сумели там неплохо поживиться. Ну, показывайте свою добычу!

Один из шайки. Во время суматохи я пробрался в церковь святого Стефана и спорол баxром с алтарного покрова. «Господь бог богат, – подумал я, – и может сделать золото из простой веревки».

Швейцер . И правильно поступил! Кому этот хлам нужен в церкви? Они жертвуют его господу богу, которому, право же, ни к чему такое барахло, а между тем божьи создания голодают. Ну, а ты, Шпангелер? Куда ты закинул сети?

Второй . Мы с Бюгелем обобрали лавку и притащили разных материй – человек на пятьдесят хватит.

Третий . Я стянул двое золотых часов да дюжину серебряных ложек.

Швейцер . Хорошо, хорошо! А мы им спроворили такой пожар, что его и за две недели не потушить. Чтобы унять огонь, придется затопить водою весь город. Не знаешь, Шуфтерле, сколько там погибло народу?

Шуфтерле . Говорят, восемьдесят три человека. Одна башня разнесла на куски человек шестьдесят.

Моор (*очень серьезно*). Ты дорого обошелся, Роллер!

Шуфтерле . Подумаешь, важность! Добро бы это еще были мужчины, а то все грудные младенцы, которые только и знают, что золотить свои пеленки, да сгорбленные старухи, которые от них мух отгоняли, да еще иссохшие старики, что повскакали с лежанок и с перепугу дверей не нашли. Эти пациенты жалобным визгом призывали доктора, торжественно следовавшего за

---

⁶³ ...словно Молох... – Молох – здесь: дьявол; ниже: Молох – бог солнца, огня и войны у амонитян, моавитян и финикиян, которому приносились человеческие жертвы (дети и пленники); см. с. 76: «словно огнерукому Молоху, приносят человеческие жертвы».

процессией. Ведь все, кто легок на подъем, выскочили поглазеть на комедию. Стеречь дома остались подонки населенья.

Моор . О, бедные создания! Больные, говоришь ты? Старики и дети?

Шуфтерле . Да, черт возьми! Вдобавок еще роженицы да женщины на сносях, страшившиеся выкинуть под самой виселицей, или брюхатые бабенки, убоявшиеся, как бы эти три перекладины не отпечатались на горбах их ребят, да еще нищие поэты, которым не во что было обуться, так как единственную пару сапог они отдали в починку, и прочая шушера, о которой и говорить не стоит. Так вот, иду я мимо одной лачуги и слышу какой-то писк, заглядываю – и что же вижу? Младенец, пухлый такой и здоровый, лежит под столом, а стол уже вот-вот вспыхнет! «Эх ты, горемыка, – сказал я, – да ты тут замерзнешь!» – и швырнул его в огонь.

Моор . Ты правду говоришь, Шуфтерле? Так пусть же это пламя пылает в твоей груди, покуда не поседеет сама вечность. Прочь, негодяй! Чтоб я больше не видел тебя в моей шайке! Вы, кажется, ропщете, сомневаетесь? Кто смеет сомневаться, когда я приказываю? Гоните его! Слыхали?! Среди вас уже многие созрели для кары! Я знаю тебя, Шпигельберг! И не далек день, когда я произведу вам жестокий смотр.

Все уходят в трепет.

(Один, ходит взад и вперед.) Не слушай их, мститель небесный! Чем виноват я, да и ты, если ниспосланные тобою мор, голод, потопы равно губят и праведника и злодея? Кто запретит пламени, которому назначено жечь осиные гнезда, перекинуться на благословенные нивы? Но детоубийство? Убийство женщин? Убийство больных? О, как тяжко гнетут меня эти злодеяния! Ими отравлено лучшее из того, что я сделал. И вот перед всевидящим оком творца стоит мальчик, осмеянный, красный от стыда. Он дерзнул играть палицей Юпитера и поборол пигмея, тогда как хотел низвергнуть титанов. Уймись! Уймись! Не тебе править мстительным мечом верховного судии. Ты изнемог от первой же схватки. Я отрекаюсь от дерзостных притязаний. Уйду, забьюсь в какую-нибудь берлогу, где дневной свет не озарит моего позора. (Хочет идти.)

Несколько разбойников (*поспешино вбегают*). Берегись, атаман! Тут что-то нечисто! Отряды богемских всадников рыщут по лесу! Видно, сам дьявол навел их на след!

Другие разбойники . Атаман, атаман! Нас выследили. Несколько тысяч солдат оцепили лесную чащу.

Еще несколько разбойников . Беда, беда! Мы пойманы! Мы погибнем на колесе, на виселице! Тысячи гусаров, драгун и егерей носятся по холмам и отрезают все пути к отступлению.

Моор уходит.

Швейцер, Гrimm, Роллер, Шварц, Шуфтерле, Шпигельберг, Рацман. Толпа разбойников.

Швейцер . Так мы вытряхнули их наконец из мягких постелей? Радуйся же, Роллер! Давно меня разбирала охота схватиться с этими дармоедами. Где атаман? Вся ли шайка в сборе? Пороху довольно?

Рацман . Пороху хоть отбавляй, да нас-то всего восемьдесят душ. Стало быть – один против двадцати.

Швейцер . Тем лучше! Пускай хоть пятьдесят против одного моего большого пальца! Ведь дождались же, черти, что мы подожгли у них тюфяки под задницей. Братцы, братцы! Не велика беда! Они продают свою жизнь за десять крейцеров, а мы деремся разве не за свою голову, не за свою свободу? Мы обрушимся на них, как всемирный потоп! Молнией грянем на их головы! Но где же, черт возьми, атаман?

Шпигельберг . Он бросил нас в беде, так не дать ли и нам тягу?

Швейцер . Дать тягу?

Шпигельберг . Ох, зачем я не остался в Иерусалиме?

Швейцер . Чтоб тебе задохнуться в сточной яме, грязная душонка! Против голых монахинь ты храбрец, а увидел кулак, так и труса празднушь? А ну, покажи свою удачу, не то мы зашьем тебя в свиную шкуру и затравим собаками.

Рацман . Атаман, атаман!

Моор (*медленно входит*). Я довел до того, что их окружили со всех сторон! Теперь они должны драться как безумные! (*Громко.*) Ребята! Шутки плохи! Мы должны или погибнуть, или биться не хуже разъяренных вепрей.

Швейцер. Я клыками распорю им брюхо, так что у них кишки повылезут! Веди нас, атаман! Мы пойдем за тобой хоть в пасть самой смерти.

Моор. Зарядить все ружья! Пороху достаточно?

Швейцер (*вскакивая*). Пороху хватит! Захотим, так земля до луны взлетит.

Рацман. У нас по пяти заряженных пистолетов на брата да по три ружья в придачу.

Моор. Хорошо, хорошо! Теперь пусть один отряд залезет на деревья или спрячется в чащу, чтобы открыть по ним огонь из засады.

Швейцер. Это по твоей части, Шпигельберг.

Моор. А мы между тем, точно фурии, накинемся на их фланги!

Швейцер. А вот это уж по моей!

Моор. А затем рыскайте по лесу и дудите в свои рожки! Мы напугаем их нашей мнимой численностью. Спустите всех собак! Они рассеют этих молодцов и пригонят под наши выстрелы. Мы трое – Роллер, Швейцер и я – будем драться в самой гуще.

Швейцер. Славно, отлично! Мы так на них набросимся, что они и понять не успеют, откуда сыплются оплеухи. Мне случалось выбивать вишню, уже поднесенную ко рту. Пусть только приходят!

Шуфтерле дергает Швейцера за рукав, тот отводит атамана и тихо говорит с ним.

Моор. Молчи!

Швейцер. Прошу тебя...

Моор. Прочь! Его позор сохранит ему жизнь: он не должен умереть там, где я, и мой Швейцер, и мой Роллер умираем! Вели ему снять платье, я скажу, что это путник, ограбленный мною, – ее грусти, Швейцер, он не уйдет от виселицы.

Входит патер.

Патер (*про себя, озираясь*). Так вот оно – драконово логовище! С вашего позволения, судари мои, я служитель церкви, а там вон стоит тысяча семьсот человек, оберегающих каждый волос на моей голове.

Швейцер . Браво, браво! Вот это внушительно сказано. Береженого и бог бережет.

Моор . Молчи, дружище! Скажите коротко, господин патер, что вам здесь надобно?

Патер . Я говорю от лица правительства, властного над жизнью и смертью. Эй вы, воры, грабители, шельмы, ядовитые ехидны, пресмыкающиеся во тьме и жалящие исподтишка, проказа рода человеческого, адово отродье, снедь для воронов и гадов, пожива для виселицы и колеса...

Швейцер . Собака! Перестань ругаться! Или... (*Приставляет, ему к носу приклад.*)

Моор . Стыдись, Швейцер! Ты собьешь его с толку. Он так славно вызубрил свою проповедь. Продолжайте, господин патер! Итак, «для виселицы и колеса»...

Патер . А ты, славный атаман, князь карманников, король жуликов, Великий Могол всех мошенников⁶⁴ под солнцем, сходный с тем первым возмутителем, который распалил пламенем бунта тысячи легионов невинных ангелов и увлек их за собой в бездонный омут проклятия! Вопли осиротевших матерей несутся за тобой по пятам! Кровь ты лакаешь, точно воду. Люди для твоего смертоносного кинжала – все равно что мыльные пузыри!

Моор . Правда, сущая правда! Что же дальше?

Патер . Как? Правда, сущая правда? Разве это ответ?

Моор . Видно, вы к нему не приготовились, господин патер? Продолжайте же, продолжайте! Что еще вам угодно сказать?

Патер (*разгорячившись*). Ужасный человек, отыди от меня! Не запеклась ли кровь убитого имперского графа на твоих проклятых пальцах? Не ты ли воровскими руками взломал святилище господне и похитил священные сосуды? Что? Не ты ли разбросал горящие головы в нашем богоизбранном граде и обрушил пороховую башню на головы добрых христиан? (*Всплеснув руками.*) Гнусные, гнусные злодеяния! Смрад их возносится к небесам, торопя Страшный

---

⁶⁴ *Великий Могол всех мошенников.* – Великий Могол, «хан всех ханов, царь царей» – титул, данный некоторыми западными учеными государям мусульманской династии Бабуридов (в действительности тюркской, а не монгольской) в Индии XVI–XVII веков.

суд, который грозно разразится над вами. Ваши злодейства вопиют об отмщении. Скоро, скоро зазвучит труба, возвещающая день последний!

Моор. До сих пор речь построена великолепно. Но к делу! Что же возвещает мне через вас достопочтенный магистрат?

Патер. То, чего ты вовсе не достоин. Осмотрись, убийца и поджигатель! Куда ни обратится твой взор, всюду ты окружен нашими всадниками! Бежать некуда. Как на этих дубах не вырасти вишням, а на елях не созреть персикам, так не выбраться и вам целыми и невредимыми из этого леса.

Моор. Ты слышишь, Швейцер? Ну, что же дальше?

Патер. Слушай же, злодей, как милосердно, как великодушно обходится с тобою суд! Если ты тотчас же смиришься и станешь молить о милосердии и пощаде, строгость в отношении тебя обернется состраданием, правосудие станет тебе любящей матерью. Оно закроет глаза на половину твоих преступлений и ограничится, – подумай только! – ограничится одним колесованием!

Швейцер. Ты слышишь, атаман? Не сдавить ли мне горло этому облезлому псу, чтобы красный сок брызнул у него изо всех пор?

Роллер. Атаман! Ад, гром и молния! Атаман! Ишь как он закусил губу! Не вздернуть ли мне этого молодчика вверх тормашками?

Швейцер. Мне! Мне! На коленях прошу тебя: мне подари счастье растереть его в порошок!

Патер кричит.

Моор. Прочь от него! Не смейте его и пальцем тронуть! (*Вынимая саблю, обращается к патеру.*) Видите ли, господин патер, здесь семьдесят девять человек. Я их атаман. И ни один из них не умеет обращаться в бегство по команде или плясать под пушечную музыку. А там стоят тысяча семьсот человек, поседевших под ружьем. Но слушайте! Так говорит Моор, атаман убийц и поджигателей: да, я убил имперского графа, я поджег и разграбил доминиканскую церковь⁶⁵, я забросал пылающими головнями ваш ханжеский

---

⁶⁵ ...я поджег и разграбил доминиканскую церковь – церковь монашеского ордена св. Доминика; в ведении доминиканцев с 1203 года находилась так называемая инквизиция (религиозный суд), которой папы предоставили «право пытки и костра».

Рассказ Карла Моора о жертвах его мести – это ряд намеков на действительных лиц (вюртембергских сановников и придворных).

город, я обрушил пороховую башню на головы добрых христиан... И это еще не все. Я сделал больше. (*Вытягивает правую руку.*) Видите эти четыре драгоценных перстня у меня на руке? Ступайте же и пункт за пунктом изложите высокочтимому судилищу, властному над жизнью и смертью, все, что вы увидите и услышите! Этот рубин снят с пальца одного министра, которого я на охоте мертвым бросил к ногам его государя. Выходец из черни, он лестью добился положения первого любимца; падение предшественника послужило ему ступенью к высоким почестям, он всплыл на слезах обобранных сирот. Этот алмаз я снял с одного финансового советника, который продавал почетные чины и должности тому, кто больше даст, и прогонял от своих дверей скорбящего о родине патриота. Этот агат я ношу в память гнусного попа, которого я придушил собственными руками за то, что он в своей проповеди плакался на упадок инквизиции. Я мог бы рассказать еще множество историй о перстнях на моей руке, если б не сожалел и о тех немногих словах, которые на вас потратил.

Патер . Ирод! Ирод?

Моор . Слышали? Заметили, как он вздохнул? Взгляните, он стоит так, словно призывает весь огонь небесный на шайку нечестивых; он судит нас пожатием плеч, проклинает христианнейшим «ах». Неужели человек может быть так слеп? Он, сотнею Аргусовых глаз⁶⁶ высматривающий малейшее пятно на своем ближнем, так слеп к самому себе? Из поднебесной выси грозным голосом проповедуют они смиление и кротость и богу любви, словно огнерукому Молоху, приносят человеческие жертвы. Они поучают любви к ближнему – и с проклятиями отгоняют восьмидесятилетнего слепца от своего порога; они поносят скопость, – и они же в погоне за золотыми слитками опустошили страну Перу⁶⁷ и, словно тягловый скот, впряжен язычников в свои повозки. Они ломают себе голову, как могла природа произвести на свет Иуду Искариота⁶⁸, но – и это еще не худшие из них! – с радостью продали бы триединого бога за десять сребреников! О вы, фарисеи, лжетолкователи правды, обезьяны божества! Вы не страшитесь преклонять колена перед крестом и алтарями, вы бичуете и изнуряете постом свою плоть, надеясь этим жалким фиглярством затуманить

⁶⁶ ...сотнею Аргусовых глаз... – Аргус (греч. миф.) – великан, все тело которого было усеяно глазами, почему его и называли всевидящим. Из его сотни глаз половина бодрствовала, а половина отдыхала, спала.

⁶⁷ ...опустошили страну Перу... – Испанские завоеватели подвергли после открытия Америки беспощадному ограблению и закабалению древнеиндийское государство инков, создавших высокоразвитую культуру (разрушенную колонизаторами). Теперь это южноамериканская республика Перу.

⁶⁸ Иуда Искариот – по евангельскому рассказу, один из учеников Христа (апостолов), предавший своего учителя за «тридцать сребреников».

глаза того, кого сами же – о, глупцы! – называете всеведущим и вездесущим. Так всех злее насмехаются над великими мира сего те, что льстиво уверяют, будто им ненавистны льстецы. Вы кичитесь примерной жизнью и честностью, но господь, насквозь видящий ваши сердца, обрушил бы свой гнев на тех, кто вас создал такими, если бы сам не сотворил нильского чудовища⁶⁹! Уберите его с глаз моих!

Патер. Злодей, а сколько гордыни!

Моор. Нет! Гордо я еще только сейчас заговорю с тобой! Ступай и скажи досточтимому судилищу, властному над жизнью и смертью: я не вор, что, стакнувшись с полуночным мраком и сном, геройствует на веревочной лестнице. Без сомнения, я прочту когда-нибудь в долговой книге божьего промысла о содеянном мною, но с жалкими его наместниками я слов терять не намерен. Скажи им, что мое ремесло – возмездие, мой промысел – месть. (*Отворачивается от него.*)

Патер. Так ты отказываешься от милосердия и пощады? Ладно! С тобой я покончил. (Обращается к шайке.) Слушайте же, что моими устами возвещает вам правосудие. Если вы сейчас же свяжете и высадите этого и без того обреченного злодея, вам навеки простятся все ваши злодеяния! Святая церковь с обновленной любовью примет заблудших овец в свое материнское лоно, и каждому из вас будет открыта дорога к любой почетной должности. (*С торжествующей улыбкой.*) Ну что? Как это пришлось по вкусу вашему величеству? Живо! Вяжите его – и вы свободны!

Моор. Вы слышали? Поняли? Чего же вы медлите? О чем задумались? Церковь предлагает вам свободу, а ведь вы ее пленники! Она дарует вам жизнь, – и это не пустое бахвальство, ибо вы осуждены на смерть. Она обещает вам чины и почести, а вашим уделом, – если вам даже удастся вырваться из кольца, – все равно будет позор, преследования и проклятия. Она возвещает вам примиренье с небом, а вы ведь давно прокляты. Ни на одном из вас нет и волоска, не обреченного аду. И вы еще медлите, еще колеблетесь? Разве так труден выбор между небом и адом? Да помогите же им, господин патер!

Патер (*в сторону*). Не спятил ли этот малый? (*Громко.*) Уж не боитесь ли вы, что это ловушка, для того чтобы поймать вас живьем? Читайте сами: вот подписанная амнистия. (*Дает Шефферу бумагу.*) Ну что? Все еще сомневаетесь?

---

⁶⁹ Нильское чудовище – крокодил.

Моор . Вот видите! Чего ж вам еще нужно? Собственноручная подпись – это ли не безгранична милость! Или вы, памятуя о том, что слово, данное изменникам, не держат, боитесь, что обещание будет нарушено? Откиньте страх! Политика принудит их держать слово, будь оно дано хоть сатане. Иначе кто поверит им впредь? Как воспользуются они им вторично? Я голову дам на отсечение, что они искрени. Они знают, что я один вас возмутил и озлобил. Вас они считают невинными, ваши преступления они готовы истолковать как ошибки, как опрометчивость юности. Одного меня им нужно. Один я понесу наказание. Так, господин патер?

Патер . Какой дьявол говорит его устами? Так, конечно, так! Нет, этот малый сведет меня с ума!

Моор . Как? Все нет ответа? Уж не думаете ли вы оружием проложить себе дорогу? Оглядитесь же вокруг! Оглядитесь! Нет, вы не можете думать так! Это было бы ребячеством! Или, увидев, как я радуюсь схватке, вы и себя тешите мыслью – геройски погибнуть? О, выбросьте это из головы! Вы не Мооры! Вы безбожные негодяи, жалкие орудия моих великих планов, презренные, как веревка в руках палача! Воры не могут пасть смертью героев. Жизнь – выигрыш для вора. Вслед за ней наступает ужас: воры вправе трепетать перед смертью. Слышите, как трубят их рог? Видите, как грозно блещут их сабли? Как? Вы еще не решаетесь? Вы сошли с ума или одурели? Это непростительно! Я не скажу вам спасибо за жизнь! Я стыжусь вашей жертвы!

Патер (*в чрезвычайном удивлении*). Я с ума сойду! Лучше убежать отсюда! Слыханное ли это дело?

Моор . Или вы боитесь, что я лишу себя жизни и самоубийством уничтожу договор, предусматривающий лишь поимку живого? Нет, ребята, ваш страх напрасен! Вот, смотрите, я бросаю кинжал, и пистолеты, и этот пузырек с ядом, который мог бы мне еще пригодиться. Я теперь так бессилен, что не имею власти даже над собственной жизнью. Как? Все еще не решаетесь? Уж не думаете ли вы, что я начну защищаться, когда вы приметесь вязать меня? Смотрите, я привязываю свою правую руку к этому дубу – теперь я вовсе беззащитен, ребенок может сладить со мной. Ну! Кто из вас первый покинет в беде своего атамана?

Роллер (*в исступлении*). Никто! Хотя бы весь ад девятикратно обступил нас! (*Размахивая саблею.*) Кто не собака, спасай атамана!

Швейцер (разрывает амнистию и бросает клочки ее в лицо патеру). Амнистия – в наших пулях! Убирайся, каналья! Скажи сенату, что послал тебя: в шайке Моора не нашлось ни одного изменника. Спасайте, спасайте атамана!

Все (*шумно*). Спасайте, спасайте атамана!

Моор (*вырываясь, радостно*). Теперь мы свободны, друзья! Теперь я чувствую у себя в кулаке целую армию! Смерть или свобода! Живыми не дадимся!

Трубят наступление, шум и грохот. Все уходят с обнаженными саблями.

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Амалия в саду играет на лютне.

Амалия

Добр, как ангел, молод и прекрасен,
Он всех юношей прекрасней и милей;
Взгляд его так кроток был и ясен,
Как сиянье солнца средь зыбей.

От его объятий кровь кипела,
Сильно, жарко билась грудь о грудь,
Губы губ искали... все темнело,
И душе хотелось к небу льнуть.

В поцелуях – счастье и мука!
Будто пламя с пламенем шло в бой,
Как два с арфы сорванные звука
В звук один сливаются порой –

Так текли, текли они и рвались;
Губы, щеки рдели, как заря...
Небеса с землею расплавлялись,
Мимо нас неслися, как моря.

Нет его! Напрасно, ах, напрасно
Звать его слезами и тоской!
Нет его! – и все, что здесь прекрасно,

Вторит мне и вздохом и слезой.

Входит Франц.

Франц. Опять ты здесь, строптивая мечтательница? Ты украдкой покинула веселый пир и омрачила радость гостей.

Амалия. Сожалею об утрате этих невинных радостей! В твоих ушах еще должен был бы звучать погребальный напев, раздававшийся над могилой отца.

Франц. Неужели ты вечно будешь сетовать? Предоставь мертвых мирному сну и осчастливь живущих! Я пришел...

Амалия. А скоро ты уйдешь?

Франц. О, боже! Не напускай на себя столько холода и мрака. Ты огорчаешь меня, Амалия! Я пришел сказать тебе...

Амалия. Верно, мне придется услышать, что Франц фон Моор стал владетельным графом?

Франц. Да, ты права. Об этом я и пришел сообщить тебе. Максимилиан покоится в склепе своих предков. Я – господин. Но я хотел бы стать им в полной мере, Амалия. Ты знаешь, кем ты была в нашем доме? Ты воспитывалась как дочь Моора, его любовь к тебе пережила даже смерть. Ты ведь никогда не позабудешь об этом?

Амалия. Никогда, никогда! Да и кто мог бы позабыть об этом среди веселых пиршеств?

Франц. За любовь отца ты должна воздать сыновьям. Но Карл мертв... Ты поражена? Смузена? Да, конечно, в этой мысли столько лестного, что она должна ошеломить даже женскую гордость. Франц попирает надежды знатнейших девиц. Франц приходит и предлагает бедной, беспомощной сироте свое сердце, свою руку и вместе с нею все свое золото, все свои дворцы и лесные угодья. Франц – кому все завидуют, кого все боятся – добровольно объявляет себя рабом Амалии.

Амалия. Как молния не расщепит нечестивый язык, посмевший выговорить злодейские слова! Ты убил моего возлюбленного, и тебя Амалия назовет супругом? Ты...

Франц . Не гневайтесь так, всемилостивейшая принцесса! Да, Франц не изгибается перед тобой, как воркующий селадон⁷⁰. Франц не умеет, подобно томному аркадскому пастушку⁷¹, заставлять эхо гротов и скал вторить его любовным сетованиям. Франц говорит, а если ему не отвечают, то будет... повелевать!

Амалия . Ты, червь, повелевать? Повелевать мне? А если ответом на твои повеления будет только презрительный смех?

Франц . На это ты не осмелишься. Я знаю средство, которое живо сломит гордость строптивой упрямицы, – монастырские стены!

Амалия . Браво! Чудесно! Монастырские стены навеки укроют меня от этого взгляда василиска⁷². Там будет у меня довольно досуга думать, мечтать о Карле. Привет тебе, монастырь! Скорее, скорее прими меня!

Франц . Так вот как! Ха-ха! Ну, берегись! Ты научила меня искусству мучить. Нет, моя близость, подобно огневолосой фурии, изгонит из твоей головы вечную скорбь о Карле. Страшный образ Франца притаится за образом возлюбленного, будет караулить его, как пес из волшебной сказки, стерегущий подземные сокровища. За волосы поволоку я тебя к венцу! С мечом в руке исторгну у тебя брачный обет! Приступом возьму твое девственное ложе! Твою горделивую стыдливость сломлю своею, большей гордостью.

Амалия (*дает ему пощечину*). Сперва получи вот это в приданое!

Франц (*яростно*). О, теперь я воздам тебе сторицей. Не супругой, – нет, много чести! – моей наложницей будешь ты! Честные крестьянки станут показывать на тебя пальцами, когда ты отважишься выйти на улицу. Что ж! Скрежещи зубами! Испепеляй меня огнем и злобой твоих глаз! Меня веселит гнев женщины. Он делает тебя еще прекраснее, еще желаннее! Идем – твоя строптивость украсит

---

⁷⁰ ...как воркующий селадон. – Селадон – чувствительный ухаживатель, волокита (по имени героя романа французского писателя XVII в. Онорэ д’Юрф «Астрея»).

⁷¹ Аркадский пастушок, аркадская пастушка – литературные образы счастливых, беспечных людей, живущих на лоне природы. Аркадия – средняя область древнего Пелопоннеса (на Балканском полуострове, в Греции).

⁷² Василиск – мифическое животное. Нет в природе существа, рассказывает древнеримский писатель Плиний Старший в своей «Естественной истории», злее и страшнее василиска. Одним взглядом своим он убивает людей и животных; от его дыхания сохнет трава и растрескиваются скалы (хотя это и совсем небольшой змей). Но чтобы в природе, продолжает Плиний, ничто не оставалось без противовеса, есть средства и против василиска. Стоит только показать ему зеркало, как он погибает от отражения собственного взгляда. К образу василиска Шиллер прибегает в «Смерти Валленштейна» (Валленштейн: «Я василиска на груди пригрел» – об измене Октавию).

мое торжество, придаст остроту насильственным объятиям. Идем ко мне в спальню – я горю желанием! Теперь, сейчас же ты пойдешь со мной. (*Хочет силой увести ее.*)

Амалия (*бросается ему на шею*). Прости меня, Франц! (*Он пытается обнять ее, она выхватывает у него из ножен шпагу и быстро отходит.*) Смотри, негодяй, теперь я расправлюсь с тобой. Да, я женщина, но разъяренная женщина! Осмелься только нечестивым прикосновением осквернить мое тело – эта сталь пронзит твое похотливое сердце! Дух дяди направит мою руку. Спасайся скорее! (*Прогоняет его.*) Ах, как мне хорошо! Наконец я могу вздохнуть свободно, – я почувствовала себя сильной, как огнедышащий конь, злобной, как тигрица, преследующая того, кто похитил ее детеныш. «В монастырь», сказал он? Спасибо за счастливую мысль! Обманутая любовь нашла себе пристанище! Монастырь, святое распятье – вот оплот обманутой любви. (*Хочет уйти.*)

Герман входит нерешиительными шагами.

Герман. Фрейлейн Амалия! Фрейлейн Амалия!

Амалия. Несчастный! Зачем ты меня беспокоишь?

Герман. Эту тяжесть я должен снять с сердца, прежде чем она увлечет меня в ад. (*Бросается перед ней на колени.*) Простите! Простите! Я жестоко обидел вас, фрейлейн Амалия!

Амалия. Встань! Уходи! Я ничего не хочу слушать. (*Хочет уйти.*)

Герман (*удерживая ее*). Нет! Останьтесь! Ради бога! Ради предвечного бога! Вы должны все узнать!

Амалия. Ни слова больше. Я прощаю тебя. Иди с миром!

Герман. Выслушайте хоть одно слово! Оно вернет вам покой.

Амалия (*возвращается и удивленно смотрит на него*). Как, друг мой? Кто на земле или на небе может вернуть мне покой?

Герман. Одно-единственное слово из уст моих. Выслушайте меня!

Амалия (*сострадательно берет его руку*). Добрый человек, как может слово из твоих уст сорвать засовы вечности?

Герман (*поднимается*). Карл жив!

Амалия (*кричит*). Несчастный!

Герман. Да, это так. И еще одно... Ваш дядя...

Амалия (*бросаясь к нему*). Ты лжешь!

Герман. Ваш дядя...

Амалия. Карл жив еще?

Герман. И ваш дядя тоже. Не выдавайте меня! (*Поспешно уходит.*)

Амалия (*долго стоит в оцепенении, потом бросается вслед за ним*). Карл жив!

Сцена вторая

Местность близ Дуная.

Разбойники расположились на пригорке под деревьями. Лошади пасутся внизу.

Моор. Здесь я прилягу. (*Бросается на землю.*) Я весь разбит. Во рту пересохло.

Швейцер незаметно исчезает.

Я хотел попросить принести мне пригоршню воды из этой реки, но и вы все до смерти устали.

Шварц. И вино в наших бурдюках все вышло.

Моор. Смотрите, какие прекрасные хлеба! Деревья гнутся под тяжестью плодов. Полны надежд виноградные лозы.

Гrimm. Год выдастся урожайный.

Моор. Ты думаешь? Итак, хоть одна капля пота вознаградится на этом свете. Одна... Но ведь ночью может выпасть град и побить урожай.

Шварц. Вполне возможно. И все погибнет перед самой жатвой.

Моор. Вот и я говорю – все погибнет. Да и почему должно удаваться человеку то, что роднит его с муравьями, когда то, в чем он равен богу, ему не удается? Или такова уж людская доля?

Шварц. Вот чего не знаю.

Моор . Хорошо сказано и еще лучше сделано, если ты и вправду не стремился проникнуть в суть вещей. Брат! Я видел людей, их пчелиные заботы и гигантские замыслы, их божественные устремления и мышью суетню, их диковинно-странные погони за счастьем! Один доверяет себя бегу коня, другой нюху осла, третий собственным ногам. Такова пестрая лотерея жизни! В погоне за выигрышем многие проставляют чистоту и спасение души своей, а вытаскивают одни лишь пустышки: выигрышных билетов, как оказалось, и не было вовсе. От этого зрелища, брат мой, глотку щекочет смех, а на глаза навERTываются слезы!

Шварц . Как величественно заходит солнце!

Моор (*погруженный в созерцание*). Так умирает герой! Хочется склонить перед ним колена.

Гrimm . Ты, кажется, очень растроган?

Моор . Еще в детстве моей любимой мечтой было так жить и так умереть. (*Содержающей горечью.*) Ребяческая мысль!

Гrimm . Что и говорить!

Моор (*надвигает шляпу на глаза*). В то время... Оставьте меня одного, друзья!

Шварц . Моор! Моор! Что за дьявольщина! Как он изменился в лице.

Гrimm . Тысяча чертей! Что с ним? Ему дурно?

Моор . В то время я не мог уснуть, если с вечера забывал помолиться.

Гrimm . Да ты рехнулся? Что за ребячество?

Моор (*кладет голову на грудь Гrimма*). Брат! Брат!

Гrimm . Что ты? Не будь ребенком, прошу тебя!

Моор . О, если бы мне стать им снова!

Гrimm . Тьфу, тьфу!

Шварц . Ободрись! Взгляни, какой живописный вид, какой тихий вечер.

Моор . Да, друзья мои, мир прекрасен!

Шварц . Вот это правильно замечено!

Моор. Земля так обильна!

Гrimm. Верно, верно! Вот за это люблю!

Моор (*поникнув*). А я так гадок среди этого дивного мира, а я чудовище на этой прекрасной земле!

Гrimm. Вот напасть-то!

Моор. Моя невинность! О, моя невинность! Смотрите! Все вокруг греется в мирных лучах весеннего солнца! Почему лишь мне одному впивать ад из всех радостей, даруемых небом? Все счастливо кругом, все сроднил этот мирный дух! Вселенная – одна семья, и один отец там, наверху! Отец, но не мне отец! Я один отвержен, один изгнан из среды праведных! Сладостное имя «дитя» – мне его не услышать! Никогда, никогда не почувствовать томного взгляда любимой, объятий верного друга! Никогда! Никогда! (*С ужасом отшатывается.*) Среди убийц, среди шипенья гадов, железными цепями прикованный к греху, по шаткой жерди порока бреду я к гибели – Абадонна⁷³, рыдающий среди цветения счастливого мира!

Шварц (*к другим разбойникам*). Непостижимо! Никогда его таким не видывал!

Моор (*горестно*). О, если бы я мог возвратиться в чрево матери! Если бы мог родиться нищим! Нет, ничего не хотел бы я больше, о небо, как сделаться таким вот поденщиком! О, я хотел бы трудиться так, чтобы со лба у меня лился кровавый пот! Этой ценой купить себе усадку послеобеденного сна... блаженство единой слезы!

Гrimm. Ну вот! Припадок пошел на убыль.

Моор. Было время, когда слезы лились так легко! О, безмятежные дни! Отчий замок и вы, зеленые задумчивые долы! Блаженные дни моего детства! Раздели со мною скорбь, природа! Никогда, никогда они не возвратятся! Никогда ласковым дуновением не освежат мою пылающую грудь! Все ушло, ушло невозвратно!

Появляется Швейцер со шляпой, наполненной водой.

Швейцер. Пей, атаман! Воды тут вволю, холодной, как лед.

---

⁷³ *Абадонна* (Аваддон) – имя падшего ангела, повелителя духов ада, часто встречающееся в религиозной поэзии средних веков и нового времени.

Шварц . Ты в крови? Что ты сделал?

Швейцер . Дурак я! Такое, что чуть было не стоило мне обеих ног и головы. Спускаюсь с песчаного холма к реке... вдруг вся эта дрянь поползла подо мной, и я полетел вниз на добрый десяток рейнских футов. Лежу это я и, чуть придя в чувство, вижу: в гравии течет самая что ни на есть прозрачная вода. Ладно, подумал я, хоть я и накувыркался, да атаману вода придется по вкусу.

Моор (*возвращает шляпу и отирает лицо*) . А то не видно шрамов, которыми переметили твой лоб богемские уланы. Вода превосходная! Эти шрамы тебе к лицу.

Швейцер . Ба, места хватит еще для добрых тридцати.

Моор . Да, ребята, денек выдался жаркий! А потеряли мы только одного человека. Мой Роллер погиб геройской смертью. Над его прахом воздвигли бы мраморный монумент, если б он умер не за меня. Довольствуйтесь хоть этим! (*Вытирает глаза.*) А сколько человек полегло с неприятельской стороны?

Швейцер . Сто шестьдесят гусаров, девяносто три драгуна и сорок егерей – всего триста человек.

Моор . Триста за одного! Каждый из вас имеет право на эту голову. (*Снимает шляпу.*) Вот я подымаю кинжал. Клянусь спасением моей души, я никогда не оставлю вас.

Швейцер . Не клянись! Может быть, тебе еще суждено счастье и ты будешь раскаиваться.

Моор . Клянусь прахом моего Роллера! Я никогда не оставлю вас!

Входит Косинский.

Косинский (*в сторону*). Мне сказали, что где-нибудь здесь поблизости я найду их. Эге! Это что за люди? Уж не они ли? Что, если они? Да, да, так оно и есть. Попробую с ними заговорить.

Шварц . Стой! Кто идет?

Косинский . Господа, прошу прощения! Боюсь, не ошибся ли я?

Моор . Ну, а кто же мы такие, если вы не ошиблись?

Косинский . Мужи!

Швейцер. Разве мы не доказали этого, атаман?

Косинский. Мужей ищу я, которые прямо смотрят в лицо смерти, опасность превращают в прирученную змею, а свободу ценят выше чести и жизни. Мужей, одно имя которых, бесценное для бедных и угнетенных, храбрейших заставляет содрогаться и тиранов бледнеть.

Швейцер (*обращаясь к атаману*). Этот малый мне нравится. Послушай, дружище! Ты нашел тех, кого искал.

Косинский. Похоже на то! И вскоре надеюсь сказать, что нашел братьев. Но тогда укажите мне того великого мужа, которого я ищу, вашего атамана, славного графа фон Моора.

Швейцер (*жмет ему руку, горячо*). Милый юноша, мы – друзья!

Моор (*приближаясь*). А знаком ли вам атаман?

Косинский. Это ты! Какое лицо! Увидя тебя, кто станет искать другого? (*Долго всматривается в него.*) Я всегда мечтал увидеть того человека с презирательным взглядом, который сидел на развалинах Карфагена⁷⁴. Теперь не буду мечтать об этом.

Швейцер. Вот это хват!

Моор. А что привело вас ко мне?

Косинский. О атаман, моя горькая судьбина. Я потерпел кораблекрушение в бурных волнах житейского моря; я видел, как пошли ко дну упования всей моей жизни, – и мне не осталось ничего, кроме мучительных воспоминаний об их гибели, воспоминаний, которые свели бы меня с ума, если б я не старался заглушить их беспрерывной деятельностью.

Моор. Еще один жалобщик на господа бога! Продолжай!

Косинский. Я сделался солдатом. Несчастье и тут преследовало меня. Я стал участником экспедиции в Ост-Индию, мой корабль разбился о скалы – опять только несбывшиеся планы! Наконец, слышу, везде и всюду толкуют о твоих делах – «злодействах», как их называли, – и вот я отправился сюда, за тридцать

⁷⁴ ...человека с презирательным взглядом, который сидел на развалинах Карфагена. – Плутарх рассказывает о Кae Марии, спасшем Рим от нашествия германских племен, но изгнанном из Рима. Он очутился на развалинах Карфагена, от былого величия которого ничего не осталось, как и от величия самого Мария, опального, но гордого сознанием своих гражданских заслуг римского полководца.

миль, с твердым решением служить под твоим началом, если ты захочешь принять меня. Уважь мою просьбу, достойный атаман!

Швейцер (вскакивая). Здорово! Здорово! Значит, Роллер тысячекратно возмешен нам! Вот это так собрат для нашей шайки!

Моор. Как твое имя?

Косинский. Косинский.

Моор. Косинский? А знаешь ли ты, что ты ветреный мальчик и шутишь, как неразумная девчонка, таким важным поступком? Здесь тебе не придется играть в мяч или в кегли, как ты воображаешь.

Косинский. Я знаю, что ты хочешь сказать. Мне двадцать четыре года, но я видел, как сверкают шпаги, и слышал, как жужжат пули над головой.

Моор. Вот как, молодой человек? Значит, ты затем научился фехтованию, чтобы ради одного какого-нибудь талера убивать бедных путников или вонзать нож в спину женщинам? Ступай, ступай отсюда! Ты сбежал от няньки, которая припугнула тебя розгой!

Швейцер. Какого черта, атаман? О чем ты думаешь? Уж не хочешь ли ты отослать назад этого Геркулеса? Да он выглядит так, будто может половником оттеснить за Ганг самого маршала Саксонского⁷⁵.

Моор. Тебе не удалось твои ребячые затеи, и вот ты приходишь сюда, чтобы стать мошенником, убийцей? Убийство! Мальчик, да понимаешь ли ты это слово? Когда сбиваешь маковые головки, можно заснуть спокойно. Но, имея на совести убийство...

Косинский. Я готов держать ответ за любое убийство, на которое ты пошлешь меня.

Моор. Что? Ты так умен? У тебя хватает дерзости ловить меня на удочку лести? Откуда ты знаешь, что я не вижу по ночам страшных снов, что я не покроюсь бледностью на смертном одре? Много ли тебе приходилось делать такого, за что бы ты нес ответственность?

---

⁷⁵ Маршал Саксонский – полководец XVIII века, особенно отличившийся в войне за австрийское наследство (1741–1748 гг.).

Косинский . Правда, пока еще мало! Но все же... Хотя бы мой приход к вам, благородный граф.

Моор . Не подсунул ли тебе твой гувернер историю Робина Гуда⁷⁶, – таких неосмотрительных мерзавцев следовало бы ссылать на галеры! – и не она ли распалила твоё детское воображение, заразила тебя безумным стремлением к величию? Ты, верно, льстишься на громкие титулы и почести? Хочешь купить бессмертие поджогами и разбоем? Знай, честолюбивый юноша: не для убийц и поджигателей зеленеют лавры! Не слава встречает разбойничьи победы, но проклятия, опасности, смерть, позор! Видишь виселицу там, на холме?

Шпигельберг (*сердито шагает назад и вперед*). Ох, как глупо! Как противно! Непростительно глупое обхожденье! Нет, я поступал по-другому.

Косинский . Чего бояться тому, кто не боится смерти?

Моор . Браво! Бесподобно! Ты, видно, здорово учился в школе и назубок знаешь своего Сенеку⁷⁷! Но, милый друг, такими сентенциями ты не обманешь страдающую природу, не притупишь стрелы горя. Подумай хорошенько, сын мой! (*Берет его за руку*.) Подумай, я советую тебе, как отец: измерь глубину, прежде чем броситься в пропасть, если ты еще можешь испытать хоть единый миг радости... Настанет минута, когда ты очнешься, и тогда... будет слишком поздно. Здесь ты выходишь из круга людского и должен стать либо существом высшего порядка, либо дьяволом. Еще раз, сын мой: если где-нибудь теплится для тебя искра надежды, оставь это страшное братство. В него вступают только с отчаяния, если не видят в нем высшей премудрости! Можно обмануться, верь мне, можно принять за твердость духа то, что в конце концов только отчаяние. Верь мне и поспеши отсюда!

Косинский . Нет! Теперь уж я не побегу. Если мои просьбы не трогают тебя, то выслушай историю моих злоключений. Ты тогда сам вложишь кинжал в мои руки. Садитесь все в круг и слушайте внимательно.

Моор . Я тебя слушаю.

⁷⁶ Робин Гуд – герой английских народных баллад, отразивших протест средневекового крестьянства против феодального гнета; тип благородного разбойника, защитника угнетенных и мстителя за них.

⁷⁷ Сенека Люций Энней (I в. н. э.), или Сенека Младший – философ-стоик, воспитатель известного своей жестокостью римского императора Нерона. По приказу своего бывшего воспитанника он вскрыл себе вены. Сенека написал ряд философских трудов и трагедий. Как представитель стоической философии, он проповедовал строгость морали, твердость и суровую верность долгу.

Косинский . Итак, знайте, я богемский дворянин. Ранняя смерть отца сделала меня владельцем немалой дворянской вотчины. Места это были райские, ибо там обитал ангел – девушка, украшенная всеми прелестями цветущей юности и целомудренная, как свет небесный. Но кому я это говорю? Для вас это пустой звук! Вы никогда не любили, никогда не были любимы.

Швейцер . Полегче, полегче! Наш атаман вспыхнул, как огонь.

Моор . Перестань! Я выслушаю тебя в другой раз – завтра, на днях или насмотревшись крови!

Косинский . Кровь! Кровь! Слушай же дальше! И сердце твое обольется кровью. Она была немка из мещанок, но один вид ее рассеивал все дворянские предрассудки. Робко и скромно приняла она из моих рук обручальное кольцо, – послезавтра я должен был вести мою Амалию к алтарю.

Моор стремительно поднимается.

В чаду ожидающего меня блаженства, среди приготовлений к свадьбе нарочный привозит мне вызов ко двору. Являюсь. Мне показывают письма, дышащие изменой и будто бы написанные мною. Кровь бросилась мне в лицо от такого коварства! У меня отняли шпагу, меня заточили в тюрьму, все мои чувства отмерли.

Швейцер . А тем временем... Ну, продолжай, я ужечу, чем тут пахнет.

Косинский . Я пробыл там целый месяц, не понимая, как все это произошло. Я трепетал за Амалию, которая из-за меня переживала смертельный ужас. Но вот является первый министр двора и в притворно сладких выражениях поздравляет меня с установлением моей невиновности, читает мне указ об освобождении и возвращает шпагу. Теперь остается, торжествуя, лететь в свой замок, в объятия Амалии... Но что же? Она исчезла. Ее увезли темной ночью, никто не знал куда. С тех пор она словно в воду канула. Меня молнией осенила мысль! Я спешу в город, пытаюсь что-нибудь узнать у придворных. Все таращат на меня глаза, никто ничего не разъясняет... Наконец во дворце, за потаенной решеткой, я ее обнаруживаю. Она бросила мне записку.

Швейцер . Ну что, разве я не говорил?

Косинский . Ад, смерть и ад! Вот что я прочел! Ее поставили перед выбором: допустить мою смерть или стать любовницей князя. В борьбе между честью и любовью она избрала последнюю... и (*хочет*) я был спасен.

Швейцер . И что же ты сделал?

Косинский . Я стоял словно ошеломленный тысячью громов. «Кровь!» – была моя первая мысль; «кровь!» – последняя. С пеной у рта мчусь я домой, хватаю трехгранную шпагу и вне себя врываюсь в дом министра, – ибо он, только он мог быть адским сводником. Меня, видимо, заметили еще на улице. Когда я поднялся наверх, все двери были заперты. Я мечусь, расспрашиваю. Ответ один: он уехал к государю. Я устремляюсь туда, но там его и в глаза не видели. Возвращаюсь к нему, взламываю двери, нахожу его... Но человек пять служителей высекают из засады и обезоруживают меня.

Швейцер (*топая ногой*). И он остался цел, а ты ушел ни с чем?

Косинский . Меня схватили, предали суду, опозорили и... заметьте – в виде особой милости, – выслали за границу. Мои поместья достались министру; моя Амалия в когтях тигра, она гаснет, стеня и рыдая, а моя месть бессильно сгибается под ярмом деспотизма.

Швейцер (*вскакивая и размахивая шпагой*). Это льет воду на нашу мельницу, атаман! Тут найдется, что поджечь.

Моор (*доселе ходивший взад и вперед в сильном волнении, резко останавливается. К разбойникам*). Я должен видеть ее. Живо! Стройтесь! Ты остаешься с нами, Косинский! Торопитесь!

Разбойники . Куда? Что?

Моор . Куда? Кто спросил – куда? (*Гневно, Швейцеру.*) Предатель, ты хочешь задержать меня? Но, клянусь небом...

Швейцер . Предатель? Я? Отправляйся хоть в ад, я пойду с тобою!

Моор (*бросается ему на шею*). Брат! Ты идешь со мной! Она плачет, угасает! Поднимайтесь! Живо! Все! Во Франконию! Мы должны быть там через неделю...

Все уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена первая

Сельская местность вблизи замка Мооров.

Разбойник Моор. В отдалении **Косинский.**

Моор. Ступай и доложи обо мне. Помнишь, что тебе надо сказать?

Косинский. Вы – граф фон Бранд, едете из Мекленбурга; я ваш стремянный. Не беспокойтесь, я хорошо сыграю свою роль. Прощайте. (*Уходит.*)

Моор. Привет тебе, родная земля! (*Целует землю.*) Родное небо, родное солнце! Холмы и долы! Леса и потоки! Всем сердцем приветствую вас! Каким целительным воздухом веет с гор моей родины! Какое блаженство струится в грудь несчастного изгнанника! Элизиум! Поэтический мир! Остановись, Моор! Ты вступаешь во храм! (*Подходит ближе.*) А вот и ласточкины гнезда во дворе замка! И садовая калитка! И тот уголок у забора, где ты так часто подстерегал и дразнил ловчего филина. Вот лужайка, где ты, отважный Александр, вел своих македонян в атаку при Арбеллах⁷⁸, и поросший травою холм, откуда ты прогнал персидского сатрапа⁷⁹; на этой вершине победно реяло твое знамя! (*Улыбается.*) Золотые майские годы детства вновь ожидают в душе несчастного. Здесь был ты так счастлив, так бесконечно, безоблачно весел!.. А ныне в обломках лежат твои замыслы! По этой земле ты должен был ступить славным, достойным, всеми почитаемым мужем; здесь в цветущих детях Амалии тебе предстояло вторично пережить свои детские годы; здесь, здесь быть кумиром своих подданных! Но враг человеческий злобно насмеялся надо мною! (*Вздрагивает.*) Зачем я пришел сюда? Чтобы почувствовать себя узником, которого звон цепей пробуждает от снов о свободе? Нет, я вернусь к своей юдоли... Узник позабыл свет солнца, но мечта о свободе, как молния, прорезала ночь вокруг него, чтобы сделать ее еще темнее. Прощайте, родные долины! Когда-то вы видели мальчика Карла, и этот мальчик был счастлив; теперь вы увидели мужчину, и он полон отчаяния. (*Быстро оборачивается и идет в дальний угол сцены, внезапно останавливается и с тоской смотрит на замок.*) Не увидеть ее, не бросить на нее ни единого взгляда, когда только стена разделяет меня и Амалию? Нет! Я увижу ее. Я увижу его, чего бы то ни стоило! (*Поворачивает обратно.*) Отец,

⁷⁸ Арбеллы – город в Малой Азии, где была ставка персидского царя Дария перед битвой при Гавгамелах (331 г. до н. э.), в которой победил Александр Македонский (см. о нем прим. 6).

⁷⁹ Персидский сатрап – правитель области в древнеперсидском государстве, наместник персидского царя.

отец, твой сын идет к тебе! С дороги, черная дымящаяся кровь! С дороги, пустой, недвижный, леденящий взгляд смерти! Дай мне свободу только на этот час! Амалия! Отец! Ваш Карл идет к вам. (*Быстрыми шагами направляется к замку.*) Пытай меня, когда забрезжит день, неотступно преследуй меня в ночном мраке, мучь ужасными снами! Не отрави мне лишь этот единственный миг наслаждения! (*Останавливается у ворот.*) Что со мной? Что это значит, Моор? Мужайся! Смертный ужас!.. Страшное предчувствие!.. (*Входит в замок.*)

Сцена вторая

Галерея в замке.

Разбойник Моор. Амалия *входит.*

Амалия . И вы думаете узнать его портрет среди всех других?

Моор . О, безусловно. Его образ всегда стоял перед моими глазами. (*Осматривает картины.*) Это не он.

Амалия . Вы угадали! Это родоначальник графов. Барбаросса⁸⁰ возвел его в дворянство за справу над морскими разбойниками.

Моор (*продолжая взглядыватьсь в картины*). И это не он, и этот, и тот. Его нет среди них.

Амалия . Как? Вглядитесь получше! Я думала, вы знаете его.

Моор . Знаю, как родного отца! Вот этому недостает мягкой улыбки, отличавшей его среди тысяч... Это не он.

Амалия . Я поражена. Как? Не видеть восемнадцать лет, и все еще...

Моор (*быстро, вспыхнув*). Вот он! (*Стоит как пораженный молнией.*)

Амалия . Прекраснейший человек!

---

⁸⁰ *Барбаросса* («крыжая борода» – *итал.*) – прозвище германского императора Фридриха I (XII в.), совершившего пять грабительских походов в Италию, разрушившего Милан и многие цветущие итальянские города-республики.

Моор (*не отрываясь глядит на портрет*). Отец, отец, прости меня! Да, прекраснейший человек! (*Вытирает глаза.*) Святой человек!

Амалия. Вы, кажется, очень почитали его?

Моор. О, превосходный человек! И его уже нет в живых?

Амалия. Да! Он ушел, как уходят лучшие радости жизни. (*Дотрагивается до его руки.*) Милый граф, счастье не успевает расцвести в подлунном мире!

Моор. Да, правда, правда... Но когда вы успели убедиться в этом? Вам ведь не больше двадцати трех лет.

Амалия. И все-таки я успела. Все живет для того, чтобы умереть в печали. Мы стремимся к счастью и обретаем его, чтобы снова с болью утратить.

Моор. Вы уже утратили что-то?

Амалия. Ничего... Все! Ничего... Не пройти ли нам дальше, граф?

Моор. Вы так спешите? Чей это портрет там, направо? Такое скорбное лицо.

Амалия. Налево портрет его сына, нынешнего владетельного графа... Идемте же! Идемте!

Моор. Но этот портрет направо?

Амалия. Не угодно ли вам пройти в сад?

Моор. Но этот портрет направо? Ты плачешь, Амалия?

Амалия быстро уходит.

Она любит меня! Любит! Все ее существо встрепенулось, предательские слезы полились из глаз. Она любит меня! Несчастный, разве ты это заслужил? Разве я не стою здесь, как преступник перед плахой? Не это ли софа, на которой я утопал в блаженстве, обнимая ее? Не это ли покой отчего дома? (*Растроганный портретом отца.*) Ты, ты! Глаза твои извергают огонь! Проклятье, проклятье! Отреченье! Где я? Ночь перед моими глазами. Кары господни! Я, я убил его! (*Убегает.*)

Франц Моор (*входит погруженный в раздумье*). Прочь этот образ! Жалкий трус! Чего ты робеешь? И перед кем? С тех пор как этот граф в моем замке, мне все мерещится, что какой-то шпион, подосланный адом, по пятам крадется за

мной. Я когда-то видел его! Что-то величественное и знакомое есть в его суровом загорелом лице. Да и Амалия неравнодушна к нему! Она то и дело бросает на этого молодчика тоскующие, томные взгляды, а на них она обычно склонится! Разве я не видел, как ее слеза украдкой скатилась в вино, которое он пил за моей спиной так жадно, точно хотел проглотить и бокал. Да, я видел это в зеркале, видел собственными глазами. Берегись, Франц! За всем этим кроется какое-то чреватое гибелью чудовище! (*Пытливо взглядываетя в портрет Карла.*) Его длинная, гусиная шея, его черные огненные глаза, гм-гм-гм, темные нависшие густые брови. (*Вздрагивая.*) Злорадствующий ад, не ты ли насылаешь на меня это предчувствие? Да, это Карл. Теперь все его черты ожили передо мною. Это он! Он! Личина его не скроет! Это он! Смерть и проклятие! (*В яности ходит большими шагами по сцене.*) Разве для того я бодрствовал по ночам, для того срывал скалы и засыпал пропасти? Разве для того я восстал против всех человеческих инстинктов, чтобы этот беспокойный бродяга обратил в ничто все мои хитросплетения? Спокойствие! Главное – спокойствие! Осталась пустячная работа! Я и без того по уши погряз в смертных грехах. Глупо плыть обратно, когда берег далеко позади. О возвращении нечего и думать. Милосердие пошло бы по миру, отпустив мои грехи, и вечное сострадание стало бы банкротом! Итак, вперед, как подобает мужу! (*Звонит.*) Пусть соединится с духом отца и тогда приходит. Мертвцы мне не страшны. Даниэль! Эй! Даниэль! Бьюсь об заклад, они и его вовлекли в заговор! У старика загадочный вид.

Даниэль входит.

Даниэль. Что прикажете, сударь?

Франц. Ничего. Иди налей вина в этот кубок, да живей поворачивайся!

Даниэль уходит.

Погоди, стариk, я поймаю тебя! Я так посмотрю тебе в глаза, что уличенная совесть заставит тебя побледнеть, и эта бледность будет видна и сквозь маску. Он должен умереть. Разиня тот, кто бросает дело на полдороге и, отойдя в сторону, глазеет; что-то будет дальше?

Даниэль с вином.

Поставь сюда! Смотри мне прямо в глаза! Да у тебя колени трясутся? Как ты дрожишь! Признавайся, стариk! Что ты сделал?

Даниэль . Ничего, ваша милость! Клянусь богом и спасением бедной души моей!

Франц . Выпей это вино! Что? Ты медлишь? Ну, говори, живо! Чего ты подсыпал в кубок?

Даниэль . Господи, спаси и помилуй! Как? Я – в кубок?

Франц . Яду подсыпал ты в вино! Ты бледен как смерть! Признавайся же, признавайся! Кто дал тебе яд? Не правда ли, граф? Граф дал тебе его?

Даниэль . Граф? Пресвятая дева! Граф ничего мне не давал.

Франц (*хватает его*). Я буду душить тебя, покуда ты не посинеешь, седой обманщик! Ничего? А почему вы все время торчите вместе? Он, ты и Амалия? О чем перешептываетесь? Выкладывай! Какие тайны, какие тайны он поверял тебе?

Даниэль . Бог свидетель, он никаких тайн не поверял мне.

Франц . Так ты запираешься? Какие козни вы замышляете, чтобы убрать меня с дороги? А? Собираетесь задушить меня во сне? Зарезать бритвой? Попотчевать отравой в вине или шоколаде? Говори! Говори! Или в тарелке супа поднести мне вечное упокоение? Говори! Мне все известно.

Даниэль . Разрази меня бог, если я не говорю вам чистейшей правды!

Франц . На этот раз я прощу тебя. Но он, наверно, совал деньги тебе в кошелек? Пожимал руку крепче, чем это принято? Как жмут руку старым знакомым?

Даниэль . Никогда, ваша милость.

Франц . Говорил он тебе, к примеру, что знал тебя? Что и ты должен был знать его? Что с твоих глаз когда-нибудь спадет пелена? Что? Как? Он никогда не говорил ничего подобного?

Даниэль . Ни словечка.

Франц . Что известные обстоятельства удерживали его... Что часто приходится надевать личину, чтобы проникнуть к врагу, что он хочет отомстить за себя, жестоко отомстить?

Даниэль . Ни о чем таком он и не заикался.

Франц . Как? Решительно ни о чем? Подумай хорошенъко... Что он близко, очень близко знал старого графа? Что любит его, бесконечно любит, любит, как родной сын?..

Даниэль . Что-то в этом роде я и вправду слыхал от него.

Франц (*бледнея*). Так он говорил это? В самом деле говорил? Но что? Скажи? Говорил, что он брат мне?

Даниэль (*озадаченный*). Что, ваша милость? Нет! Этого он не говорил! Но когда фрейлейн Амалия водила его по галерее, – я как раз вытирая пыль с картин, – он вдруг остановился перед портретом покойного графа как громом пораженный. Фрейлейн Амалия, указав на портрет, сказала: «Прекраснейший человек!» – «Да, да! Прекраснейший человек», – подтвердил и он, утирая слезы.

Франц . Слушай, Даниэль! Ты знаешь, я всегда был тебе добрым господином; я кормил, одевал тебя и неизменно щадил твою старость.

Даниэль . Да вознаградит вас господь! И я всегда служил вам верой и правдой.

Франц . Об этом я и говорю. Ты никогда в жизни не перечил мне, так как отлично знаешь, что обязан исполнять мою волю, что бы я ни приказывал!

Даниэль . От всего сердца, господин граф, если только это не идет против господа и моей совести!

Франц . Вздор, вздор! Как тебе не стыдно? Стариk, а веришь бабьим рассказам. Брось, Даниэль, эти глупости! Ведь я господин, меня покарают бог и совесть, если бог и совесть существуют.

Даниэль (*всплескивая руками*). Боже милосердный!

Франц . Вспомни о долге повиновения! Понимаешь ты это слово? Во имя этого долга я приказываю тебе: уже завтра графа не должно быть среди живых.

Даниэль . Господи, спаси и помилуй! Да за что же?

Франц . Помни о слепом повиновении! Ты мне за все ответишь!

Даниэль . Я? Пресвятая матерь! Спаси и помилуй! Я? В чем я, старик, провинился?

Франц . Здесь некогда раздумывать! Твоя судьба в моих руках. Выбирай – либо томиться всю жизнь в самом глубоком из моих подвалов, где голод заставит тебя

глодать собственные кости, а жгучая жажда лакать собственную воду, либо до конца дней в мире и покое есть хлеб свой.

Даниэль . Как, сударь? Мир, покой – и убийство?

Франц . Отвечай на мой вопрос!

Даниэль . О, мои седины, мои седины!

Франц . Да или нет?

Даниэль . Нет! Боже, смилийся надо мною!

Франц (*делая вид, что уходит*). Ладно! Скоро божья милость тебе пригодится.

Даниэль (*удерживая его, падает перед ним на колени*). Смилийтесь, сударь, смилийтесь!

Франц . Да или нет?

Даниэль . Ваша милость! Мне уже семьдесят второй год. Я всегда почитал своих родителей. Я, сколько помню, ни у кого гроша не взял обманом. Я честно держался своей веры. Я сорок четыре года прослужил в вашем доме и жду теперь спокойной, мирной кончины. Ах, сударь, сударь! (*С жаром обнимает его колени*.) А вы хотите отнять у меня последнее утешение перед смертью. Хотите, чтобы совесть, как червь, подточила мою последнюю молитву и чтоб я заснул навеки, став чудовищем перед богом и людьми. Нет, нет, мой дорогой, мой бесценный, мой любимый граф! Вы этого не хотите! Этого вы не можете хотеть от семидесятилетнего старика!

Франц . Да или нет! Что за болтовня?

Даниэль . Я буду отныне еще усерднее служить вам! Не покладая старых рук буду, как поденщик, работать на вас, буду еще раньше вставать и еще позже ложиться, денно и нощно молить за вас бога, и господь не отринет молитвы старика.

Франц . Повинование лучше жертвы. Статочное ли дело, чтобы палач жеманился перед казнью!

Даниэль . Да, да, верно. Но удавить невинного...

Франц . Может быть, я обязан тебе отчетом? Разве топор спрашивает палача, зачем рубить эту голову, а не другую? Но видишь, как я милостив: я предлагаю тебе награду за то, к чему тебя обязывает служба.

Даниэль . Но я надеялся остаться христианином на вашей службе.

Франц . Хватит болтать! Даю тебе день на размышление. Так взвесь же: счастье или беда? Слышишь? Понял? Величайшее счастье или ужаснейшая беда! Я превзойду себя в пытках!

Даниэль (после некоторого раздумья). Я все сделаю, завтра сделаю. (*Уходит.*)

Франц . Искушение сильно, а старик не рожден мучеником за веру. Что ж!.. На здоровье, любезный граф! Похоже, что нынче вечером состоится ваша последняя трапеза. Все зависит от того, как смотреть на вещи; и дурак тот, кто не блoudet своей выгоды. Отец, быть может выпивший лишнюю бутылку вина, загорается желанием – и в результате возникает человек; а ведь о человеке вряд ли много думают за этой геркулесовой работой. Вот и на меня теперь нашло желание – и человека не станет. И, уж конечно, в этом больше ума и преднамеренности, чем при его зачатии. Бытие большинства людей стоит в прямой зависимости от жаркого июльского полдня, от красивого покрывала на постели, от горизонтального положения задремавшей кухонной грации или от потухшей свечи. Если рождение человека – дело скотской похоти, пустой случайности, то зачем так ужасаться отрицанию его рождения? Будь проклята глупость кормилиц и нянек, пичкающих наше воображение страшными сказками и начиняющих наш слабый мозг мерзостными картинами Страшного суда! Они сажают наш пробудившийся разум на цепь темного суеверия, так что кровь леденеет в жилах и приходит в смятение самая смелая решимость! Убийство! Сонмище фурий вьется вокруг этого слова! Природа позабыла сделать еще одного человека: не перевязали пуповины, отец во время брачной ночи оказался не на высоте – и всей игры теней как не бывало! Было что-то – и не осталось ничего... Разве это не то же самое, что: ничего не было, ничего и не будет! А нет ничего, так и говорить не о чем. Человек возникает из грязи, шлепает некоторое время по грязи, порождает грязь, в грязь превращается, пока наконец грязью не налипнет на подошвы своих правнуков! Вот и вся песня, весь грязный круг человеческого предназначения. Итак, счастливого пути, любезный братец! Пусть совесть, этот желчный подагрический моралист, гонит морщинистых старух из публичных домов и терзает на смертном одре старых ростовщиков! У меня ей никогда не добиться аудиенции! (*Уходит.*)

Сцена третья*Другая комната в замке.*

Разбойник Моор *входит с одной стороны. Даниэль* *с другой.*

Моор *(поспешно).* Где фрейлейн Амалия?

Даниэль . Ваша милость! Дозвольте бедному человеку обратиться к вам с просьбой.

Моор . Говори! Чего тебе надобно?

Даниэль . Немного и всего, очень малого и вместе с тем очень многого. Дозвольте мне поцеловать вашу руку!

Моор . Нет, добрый старик. *(Обнимает его.)* Ты мне годишься в отцы.

Даниэль . Вашу руку, вашу руку! Прошу вас.

Моор . Нет, нет!

Даниэль . Я должен! *(Берет его руку, смотрит на нее и падает перед ним на колени.)* Милый, бесценный Карл!

Моор *(пугается, овладевает собою, сухо).* Что ты говоришь, друг мой? Я тебя не понимаю.

Даниэль . Что ж, отпирайтесь, притворяйтесь! Ладно, ладно! Вы все же мой дорогой, бесценный господин! Боже милостивый! Я, старик, сподобился такой радости. Дурак я, что не сразу... Отец небесный! Вот вы вернулись, а старый-то граф в земле... А вы опять здесь. Что я за слепой осел *(ударяет себя по лбу)*, что не сразу... Господи боже ты мой! Кто бы мог подумать! О чем я слезно молился... Иисусе Христе!.. Вот он стоит собственной персоной в своей прежней комнате!

Моор . Что за странные речи? Да что вы, в белой горячке, что ли? Или хотите на мне испробовать, как вам удается роль в какой-то комедии?

Даниэль . Тьфу ты! Господи, и не грех вам потешаться над старым слугой? Этот шрам... Да помните ли... Великий боже! То-то страху нагнали вы на меня в ту пору! Я вас так любил всегда, а вы... То-то было бы горе!.. Вы сидели у меня на руках... Помните, там, в круглом зале... Бьюсь об заклад, вы, верно, уже позабыли и кукушку, что так любили слушать! Подумать только, кукушка

разбилась вдребезги. Старая Сусанна уронила ее, когда мела комнату... Да, так вот вы сидели у меня на руках да вдруг как закричите: «Но-но!» Я и побежал за вашей лошадкой. Господи Иисусе, и куда только я, старый осел, понесся? Меня как варом обдало, когда я еще в сенях услышал ваш крик. Вбегаю, вы лежите на полу, а кровь так и хлещет. Матерь божья! Меня словно ледяной водой окатили! И всегда ведь так, чуть недоглядишь за ребенком! Боже милосердный, а что, если бы в глазок попало? Ведь и то, как нарочно, в правую руку. До конца дней моих, сказал я себе тогда, не дам ребенку ножа или ножниц или чего другого острого! Так и сказал... Слава богу, еще господин и госпожа были в отъезде. Да, да, это был мне урок на всю жизнь! Иисусе Христе, ведь меня могли со двора согнать! Господи, прости вас, упрямое дитя!.. Но, слава богу, рана зажила, только вот рубец остался.

Моор . Не понимаю ни слова из всего, что ты говоришь!

Даниэль . Будто бы? То-то было времечко! Сколько раз, бывало, потихоньку подсунешь вам пряничек, или бисквит, или лепешку... А помните, что вы мне сулили в конюшне, когда я вас сажал на чалого коня старого графа и пускал кататься по большому лугу? «Даниэль, — бывало, скажете вы, — Даниэль, подожди, я вырасту большой, сделаю тебя управляющим, и ты будешь разъезжать со мной в карете». — «Да, — говорю я и смеюсь, — если пошлет нам бог дней и здоровья и вы не будете стыдиться старика, я у вас попрошу тот домик внизу в деревне, что уж давно стоит пустой, заведу там погребок ведер на двадцать вина, да и стану хозяйствовать на старости лет». Ладно, смейтесь, смеитесь! У вас небось все вылетело из головы! Старика и знать не желаете! Так говорите с ним — холодно, гордо... А все-таки вы мой золотой Карл! Правда, вы всегда были ветренник, не в обиду вам будь сказано! Ну, да вся молодежь такова... А потом, глядишь, все и образуется!

Моор (*бросается ему на шею*). Да, Даниэль, не буду больше запираться. Я твой Карл, твой заблудший Карл. Что моя Амалия?

Даниэль (*плачет*). Это мне-то, старому грешнику, такая радость! Значит, и покойный граф понапрасну проливал слезы! Ну, теперь отыдите с миром, седая голова, дряхлые кости! Мой господин и повелитель жив! Довелось-таки свидеться!

Моор . И он сдержит свое обещание! Возьми это, честный старец, за чалого. (*Сует ему в руки тяжелый кошелек*.) Я не забыл тебя, старина!

Даниэль . Что? Что вы делаете? Куда так много? Вы ошиблись.

Моор . Не ошибся, Даниэль.

Даниэль хочет упасть ему в ноги.

Встань! Скажи, что моя Амалия?

Даниэль . Господь да наградит вас! Боже ты мой! Ваша Амалия? Ох, да она не переживет этого, она умрет от счастья.

Моор (*живо*). Она не позабыла меня?

Даниэль . Позабыла? Что вы такое говорите? Забыть вас? Надо было вам видеть своими глазами, как она убивалась, когда до нас дошел слух, который распустил теперешний господин, будто вы умерли...

Моор . Что ты говоришь? Мой брат...

Даниэль . Да, ваш брат, наш господин, ваш брат... В другой раз, на досуге, я вам расскажу побольше... А как она отгоняла его, когда он каждый божий день приставал к ней с предложением стать его супругой. О, мне надо бежать, сказать ей... (*Хочет уйти.*)

Моор . Постой, постой! Она не должна знать! Никто не должен знать. Мой брат тоже.

Даниэль . Ваш брат? Нет, боже упаси! Он ничего не должен знать! Не должен! Если только он уже не знает больше, чем следует. Ох, поверьте, есть на свете дурные люди, дурные братья, дурные господа... Но я и за все господское золото не стану дурным слугой... Ваш брат считал вас умершим!

Моор . Что ты там бормочешь?

Даниэль (*еще тише*). И правда, когда так непрошено воскресают... Ваш брат был единственным наследником покойного графа...

Моор . Старик! Что ты там бормочешь сквозь зубы, словно чудовищная тайна вертится у тебя на языке и не смеет, не может с него сорваться? Говори яснее!

Даниэль . Нет, лучше я соглашусь гладить собственные кости и пить собственную воду, чем убийством заслужить богатство и благополучие. (*Быстро уходит.*)

Моор (*выходя из ужасного оцепенения*). Обманут! Обманут! Как молнией осенило меня... Злодейские козни! Ад и небо! Не ты, отец! Злодейские козни!.. Убийца, разбойник – и все из-за... черных козней! Он очернил меня! Подделал, перехватил мои письма. Сердце исполнено любви! О, я глупейший из глупцов! Отцовское сердце полно любви... О, подлость, подлость! Мне стоило только упасть к его ногам... одной моей слезы было бы достаточно. О, я слепой, слепой глупец! (*Бьется головой об стену.*) Я мог быть счастлив!.. О, коварство, коварство! Счастье моей жизни разрушено подлыми плутнями! (*В ярости мечется по сцене.*) Убийца, разбойник! Из-за его черных козней! Он даже не сердился на меня! Даже мысль о проклятии не закрадывалась в его сердце!.. О, злодей! Непостижимый, коварный, гнусный злодей.

Входит Косинский.

Косинский . Куда это ты запропастился, атаман? В чем дело? Я вижу, ты не прочно и еще задержаться здесь.

Моор . Быстрее! Седлай коней! Еще до захода солнца мы должны быть за пределами графства!

Косинский . Ты шутишь?

Моор (*повелительно*). Живо! Живо! Не медли ни минуты! Бросай все! Чтоб никто тебя не видел!

Косинский уходит.

Я бегу из этих стен. Малейшее промедление доведет меня до бешенства, а он все же сын моего отца. Брат! Брат! Ты сделал меня несчастнейшим из людей! Я никогда не обижал тебя. Ты поступил не по-братьски. Пожинай спокойно плоды своего злодейства, мое присутствие не отравит твоего счастья!.. Но это не по-братьски! Мрак да покроет твои деяния и смерть да не обличит их!

Косинский возвращается.

Косинский . Кони оседланы. Можете ехать, если угодно.

Моор . Как ты скор! Зачем так поспешно? Значит, никогда не увидеть ее?

Косинский . Расседлаю, если прикажете. Вы же сами велели в минуту обернуться.

Моор . Еще раз! Еще только одно «прости»! Я должен выпить до дна яд этого блаженства и тогда... Повремени, Косинский! Еще десять минут... Жди меня за стенами замка, и мы умчимся!

Сцена четвертая

В саду.

Амалия . «Ты плачешь, Амалия?» – это он сказал таким голосом, таким голосом! Казалось, вся природа помолодела. Былая весна любви вновь забрезжила передо мною! Соловей щелкал, как тогда, цветы благоухали, и я, опьяниенная счастьем, склонилась к нему на грудь. О лживое, вероломное сердце! Ты хочешь приукрасить измену! Нет, нет! Прочь из души моей, святотатственный образ! Я не нарушила клятвы, о мой единственный! Прочь из моей души, коварные, безбожные желания! В сердце, где царил Карл, нет места для смертного. Но почему моя душа все время против воли тянется к этому пришельцу? Он так неразрывно слился с образом моего Карла! Он стал вечным спутником того, единственного! «Ты плачешь, Амалия?» О, я скроюсь, убегу от него! Никогда глаза мои не увидят этого человека!

Разбойник Моор отворяет калитку.

(Вздрогнув.) Чу! Скрипнула калитка? (Завидя Карла, вскакивает.) Он? Куда? Зачем? Я словно приросла к земле и не могу бежать... Отец небесный, не оставляй меня! Нет, ты не вырвешь у меня моего Карла! В моей душе нет места для двух божеств! Я простая смертная девушка! (Вынимает портрет Карла.) Ты, Карл, будь моим ангелом-хранителем! Оборони меня от этого незнакомца, этого похитителя любви! На тебя, на тебя смотреть не отрываясь! Ни одного нечестивого взгляда на того! (Сидит, молча уставившись на портрет.)

Моор . Вы здесь, сударыня? И так печальны? Слезы блестят на этом медальоне!

Амалия не отвечает ему.

Кто тот счастливец, из-за которого слезы серебрятся в глазах ангела? Дозвольте и мне... (Хочет взглянуть на медальон.)

Амалия . Нет! Да!.. Нет!..

Моор (*отпрянув*). О! И он заслуживает такого обожания? Заслуживает? Он?

Амалия . О, если бы вы знали его!

Моор . Я завидовал бы ему.

Амалия . Преклонялись бы, хотели вы сказать.

Моор . Гм!

Амалия . О! Вы бы полюбили его... В нем было так много... В его чертах, в его взоре, в звуке его голоса было так много сходного с вами, того, что я так люблю.

Моор стоит потупившиесь.

Здесь, где вы стоите, тысячи раз стоял и он! А возле него та, что в его близости забывала и небо и землю. Здесь его взор блуждал по цветущей природе. И она, казалось, чувствовала его награждающий взгляд, хорошела от восхищения своего любимого. Здесь, зачарованные небесной музыкой, ему внимали пернатые слушатели. Вот с этого куста он срывал розы, срывал для меня. Здесь, здесь он меня обнимал. Его уста пылали на моих устах, и цветы радостно умирали под ногами влюбленных.

Моор . Его нет больше?

Амалия . Вихри носят его по бурным морям, но любовь Амалии сопутствует ему. Он бродит по далеким песчаным пустыням, но любовь Амалии для него превращает раскаленную почву в зеленеющий луг, заставляет цвести дикий кустарник. Полуденное солнце жжет его непокрытую голову, его ноги леденеют в северных снегах, град хлещет ему в лицо, но любовь Амалии убаюкивает его и в бурях. Моря, горы, целые страны разделяют любящих, но их души, вырвавшись из пыльных темниц, соединяются в райских кущах любви. Вы, кажется, опечалены, граф?

Моор . Слова любви воскрешают и мою любовь.

Амалия (*побледнев*). Что? Вы любите другую?.. Горе мне! Что я сказала?

Моор . Она считала меня мертвым и сохранила верность мнимоумершему. Она услыхала, что я жив, и пожертвовала мне венцом праведницы. Она знает, что я

скитаюсь в пустынях и в горе влачу свою жизнь, — и ее любовь в скитаниях и горестях сопутствует мне. Ее зовут Амалия, как и вас, сударыня.

Амалия. Как я завидую вашей Амалии!

Моор. О, она несчастная девушка! Ее любовь принадлежит погившему человеку и никогда не вознаградится!

Амалия. Нет! Она вознаградится на небе. Ведь есть же, говорят, лучший мир, где печальные возрадуются и любящие соединятся.

Моор. Да! Мир, где спадают завесы и где любящим уготована страшная встреча... Вечностью зовется он... Моя Амалия — несчастная девушка!

Амалия. Несчастная? Но ведь вы любите ее?

Моор. Несчастная, потому что она любит меня! А что, если я убийца? Что бы вы сказали, сударыня, если б на каждый поцелуй вашего возлюбленного приходилось по убийству? Горе моей Амалии! Она несчастная девушка!

Амалия (*весело и быстро поднимаясь*). О! Зато какая же я счастливая! Мой возлюбленный — отблеск божества, а божество — это милосердие и жалость! Он и мухи не обидит! Его душа далека от кровавых помыслов, как полдень от полуночи.

Моор быстро отходит в сторону и неподвижно смотрит вдаль. Амалия берет лютню и играет.

Милый Гектор! Не спеши в сраженье,
Где Ахиллов меч без сожаленья
Тень Патрокла жертвами дарит!
Кто ж малютку твоего наставит
Чтить богов, копье и лук направит,
Если дикий Ксанф тебя умчит?

Моор

(молча берет лютню и играет)

Милый друг, копье и щит скорее!
Там, в кровавой сече, веселее.

(Бросает лютню и убегает.)

Сцена пятая

Лес близ замка Мооров.

Ночь. В середине развалины башни. Разбойники расположились на земле.

Разбойники

(поют)

Резать, грабить, куролесить
Нам уж не учиться стать.
Завтра могут нас повесить,
Нынче будем пировать!

Мы жизнь разгульную ведем,
Жизнь, полную веселья:
Мы ночью спим в лесу густом,
Нам бури, ветер нипочем,
Что ночь – то новоселье.
Меркурий⁸¹, наш веселый бог,
Нас научил всему, как мог.

Мы нынче у попов кутим,
А завтра – в путь-дорогу.
Что нам не надобно самим,
То жертвуем мы богу.

И только сочный виноград
У нас в башках забродит –
Мы поднимаем целый ад,
И нам тогда сам черт не брат
И все вверх дном заходит.

---

⁸¹ Меркурий (рим. миф.) – посланец и глашатай богов, а также бог, доставляющий богатство посредством хитрости и обмана, даже посредством кражи и ложной клятвы, божбы.

И стон зарезанных отцов,
И матерей напрасный зов,
И вой детей, и женщин крики
Для нас приятнее музыки.

О, как они страшно визжат под ножом!
Как кровь у них хлещет из горла ручьем!..
А нас веселят их кривлянья и муки:
В глазах у нас красно, в крови у нас руки.

Когда ж придет мой смертный час –
Палач, кончай скорее!
Друзья! Всех петля вздернет нас:
Кутите ж веселее!

Глоток на дорогу скорее вина!
Ура! Ай-люли! Смерть на людях красна!

Швейцер. Уж ночь, а нашего атамана все нет.

Рацман. А обещал ровно в восемь вернуться!

Швейцер. Если с ним случилась беда, мы все сожжем, ребята! Не пощадим и грудных младенцев!

Шпигельберг (*отводя Рацмана в сторону*). Два слова, Рацман.

Шварц (*Гrimmu*). Не выслать ли нам лазутчиков?

Гrimm. Брось! Он вернется с таким уловом, что мы со стыда сгорим.

Швейцер. Ну, это едва ли, черт тебя подери! Когда он уходил, было непохоже, что он собирается выкинуть какую-нибудь штуку. Помнишь, что он говорил, когда вел нас полем? «Если кто стащит здесь хоть одну репу, не сносить тому головы, не будь я Моором». Здесь нам нельзя разбойничать.

Рацман (*тихо Шпигельбергу*). Куда ты клонишь? Говори яснее!

Шпигельберг. Шш-шш! Не знаю, что у нас с тобой за понятия о свободе! Тянем этот воз, как волы, хотя день и ночь разглагольствуем о вольной жизни. Мне это не по нутру.

Швейцер (*Гrimmu*). Что еще затевает эта продувная бестия?

Рацман (*тихо Шпигельбергу*). Ты говоришь об атамане?

Шпигельберг. Да тише ты! У него везде уши... Атаман, сказал ты? А кто его поставил над нами атаманом? Не присвоил ли он себе титул, по праву принадлежащий мне? Как? Мы ставим свою жизнь на карту, переносим все превратности судьбы за счастье быть его крепостными, когда могли бы жить по-княжески! Клянусь богом, Рацман! Мне это не по нутру!

Швейцер (*обращаясь к другим*). В лягушек камнями бросать – на это ты герой! А стоит ему только чихнуть, как ты давай бог ноги.

Шпигельберг. Я уже годами мечтаю, Рацман, как бы все это изменить. Рацман, если ты тот, за кого я тебя считаю... Рацман! Он не идет, его уже считают погибшим... Рацман! Сдается мне, его час пробил! Как? Ты и бровью не ведешь, когда колокол возвещает тебе свободу? У тебя даже не хватает мужества понять мой смелый намек?

Рацман. Ах, сатана, ты хочешь оплести мою душу?

Шпигельберг. Что, клюнуло? Хорошо! Так следуй же за мной! Я заметил, куда он улизнул. Идем! Два пистолета редко дают осечку, а там мы первыебросимся душить сосунков! (*Хочет увлечь его за собой.*)

Швейцер (*в ярости хватается за нож*). А-а! Скотина! Ты мне кстати напомнил про богемские леса! Не ты ли, трус, первый защелкал зубами, когда крикнули: «Враг повсюду!» О, я тогда же поклялся!.. Умри, подлый убийца! (*Закалывает его.*)

Разбойники (*в смятении*). Убийство! Убийство! Швейцер! Шпигельберг! Разнимите их!

Швейцер (*бросает нож через его голову*). Вот тебе! Подыхай! Спокойствие, друзья! Нечего шуметь по пустякам! Он, изверг, вечно злобствовал на атамана, а на собственной шкуре – ни единого рубца. Да угомонитесь же, говорю вам! Гнусный живодер! Исподтишка вздумал напасть на такого человека! Исподтишка! Хорош! Разве мы затем обливались потом, чтобы подохнуть, как собаки, сволочь ты эдакая? Для того прошли огонь и воду, чтобы околевать, как крысы?

Гrimm. Но, черт возьми, дружище! Что у вас там вышло? Атаман придет в бешенство.

Швейцер. Это уж моя забота. (*Рацману.*) А ты, безбожная твоя душа, ты был с ним заодно! Убирайся с глаз моих! Шуфтерле недалеко от тебя ушел и висит теперь в Швейцарии, как ему предрекал атаман.

Выстрел.

Шварц (*вскакивая*). Слушай! Выстрел.

Снова выстрел.

Еще один! Ура! Атаман!

Гrimm. Погоди! Он должен выстрелить три раза!

Еще один выстрел.

Шварц. Это он, он! Стреляй, Швейцер! Надо ему ответить.

Стреляют.

Моор и Косинский входят.

Швейцер (*идет им навстречу*). Добро пожаловать, атаман!.. Я без тебя немного погорячился. (*Подводит его к трупу Шпигельберга.*) Будь ты судьей между мною и этим. Он хотел из-за угла убить тебя.

Разбойники (*изумленно*). Как? Атамана?

Моор (*погруженный в созерцание, потом горячо*). Непостижимо! Перст карающей Немезиды⁸²! Не он ли первый пропел мне в уши песнь сирены⁸³? Посвяти свой нож мрачной мстительнице! Не ты это сделал, Швейцер!

Швейцер. Клянусь богом, это сделал я. И, черт побери, это не худшее из того, что я сделал в жизни. (*Раздосадованный, уходит.*)

Моор (*в раздумье*). Понимаю, небесный кормчий!.. Понимаю... Листья падают с дерев... Пришла и моя осень. Уберите его!

⁸² Немезида (*греч. миф.*) – богиня мести.

⁸³ Сирены (*греч. миф.*) – морские девы, заманивавшие своим пением плывших мимо их острова мореплавателей и затем убивавшие их.

Труп Шпигельберга уносят.

Гrimm. Приказывай, атаман! Что делать дальше?

Moop. Скоро, скоро свершится все. Подайте мне лютню! Я потерял самого себя, побывав там! Лютнию, говорю я! Пением я восстановлю свои силы... Оставьте меня!

Разбойники. Уж полночь, атаман.

Moop. Все это лишь театральные слезы. Нужна римская песнь, чтобы мой уснувший дух снова встрепенулся. Дайте же лютнию! П полночь, говорите вы?

Шварц. Дело к утру, сон свинцом ложится на наши веки. Тroe суток мы не смыкали глаз.

Moop. Как? Целительный сон смежает и глаза мошенников? Зачем же он бежит меня? Я никогда не был ни трусом, ни подлецом. Ложитесь спать! Завтра чуть свет мы двинемся дальше.

Разбойники. Доброй ночи, атаман! (*Ложатся на землю и засыпают.*)

Глубокая тишина.

Moop (*берет лютню и играет*).

Брут

Привет мой вам, вы, мирные долины!
Последнего примите из римлян!
С Филиппов, где сражались исполины,
Душа взвилась к вам из отверстых ран.
Мой Кассий, где ты? Рим наш погибает!
Мои полки заснули – спят во мгле.
Твой Брут к теням покойников взывает:
Для Брута нет уж места на земле!

Цезарь

Чья это тень с печатью отверженья
Задумчиво блуждает по горам?
О, если мне не изменяет зренье,
Походка римлянина видится мне там.
Давно ль простился Тибра сын с землею?
Стоит иль пал наш семихолмный Рим?

Как часто плакал я над сиротою,
Что больше нет уж Цезаря над ним!

Брут

А! Грозный призрак, ранами покрытый!
Кто потревожил тень твою, мертвец?
Ступай к брегам печального Коцита!
Кто прав из нас – покажет то конец.
На алтаре Филиппов угасает
Святой свободы жертвенная кровь,
Да, Рим над трупом Брута издыхает, –
И Брут его не оживит уж вновь!

Цезарь

И умереть от твоего кинжала!..
И ты – и ты поднять мог руку, Брут?⁸⁴
О сын, то был отец твой! Сын – подпала
Земля бы вся под царский твой трибут!
Ступай! Ты стал великим из великих,
Когда отца кинжалом поразил.
Ступай! И пусть услышат мертвых лики,
Что Брут мой стал великим из великих,
Когда отца кинжалом поражал.
Ступай! И знай, что мне в реке забвенья
От лютой скорби нету исцеленья.
Харон, скорей от этих диких скал!

Брут

Постой, отец! Среди земных творений
Я одного лишь только в мире знал,
Кто с Цезарем бы выдержал сравненье:
Его своим ты сыном называл.
Лишь Цезарь Рим был в силах уничтожить,
Один лишь Брут мог Цезаря столкнуть;
Где Брут живет, там Цезарь жить не может.
Иди, отец! И здесь наш розен путь.

---

⁸⁴ ...и ты...Брут? – В Риме ходили слухи, что Брут был якобы побочным сыном Цезаря. Выражение: «И ты, Брут?» – стало одним из так называемых «крылатых слов» (см. прим. к акту I, сц. 1). (прим. 5 – верстальщик).

(Опускает лютню на землю и задумчиво ходит взад и вперед.) Кто просветит меня?.. Все так сумрачно! Запутанные лабиринты... Нет выхода, нет путеводной звезды. Если б все кончилось вместе с этим последним вздохом! Кончилось, как пошлая игра марионеток... Но к чему эта страстная жажда райского счастья? К чему этот идеал недостижимого совершенства? Откладыванье недовершенных замыслов? Ведь ничтожный нажим на эту ничтожную пружинку (*подносит ко лбу пистолет*) равняет мудреца с дураком, труса с отважным, честного с мошенником! Божественная гармония царит в бездушной природе, – так откуда же этот разлад в разумном существе? Нет! Нет! Тут что-то большее, ведь я еще не был счастлив!

Души, загубленные мною, вы думаете, я содрогнусь? Нет, я не содрогнусь! (*Дрожит, как в лихорадке.*) Ваш дикий предсмертный визг, посинелые лица удавленников, ваши страшные зияющие раны – только звенья единой неразрывной цепи рока. Цепь эту выковали мои досуги, причуды моих мамок и воспитателей, темперамент моего отца, кровь моей матери! (*Содрогаясь от ужаса.*) О, зачем новый Перилл сделал из меня быка,⁸⁵ в пылающем чреве которого сгорает человечество? (*Приставляет пистолет к виску.*)

Время и вечность, слитые в одном мгновении! Страшный ключ! Он запрет за мною темницу жизни и отомкнет обиталище вечной ночи! Скажи, о, скажи: куда, куда ты влечешь меня? В чужую страну, которую не огибал еще ни один корабль? Смотри! При виде ее изнемогает человечество, ослабевают земные силы и фантазия, эта дерзкая обезьяна чувств, морочит странными ужимками наше легковерие. Нет, нет! Мужчина не должен спотыкаться! Чем бы ты ни было, безымянное «там», лишь бы мое «я» не покинуло меня; будь чем угодно, лишь бы оно перешло со мною в тот мир... Все внешнее – только тонкий слой краски на человеке... Я сам свое небо, сам свой ад. А вдруг ты мне там предоставишь лишь испепеленный клочок мироздания, от которого ты давно отвратил свои взоры, и одинокая ночь да вечная пустыня будут всем, что ждет меня за чертою жизни? Я населю тогда немую пустыню своими фантазиями, а вечность даст мне желанный досуг распутать запутанный клубок людских страданий. Или ты хочешь чрез лабиринт вечно новых рождений, чрез вечно новые арены бедствий, ступень за ступенью, привести меня к гибели? Но разве я не смогу разорвать нить существования, сплетенную для меня в потустороннем

⁸⁵ *O, зачем новый Перилл сделал из меня быка, в пылающем чреве которого сгорает человечество?* – Перилл – искусный медник, который, по преданию, предложил тирану Фаларису (VI в. до н. э.) медного быка. В него можно было спрятать человека и заживо сжечь. При этом стоны сжигаемого вследствие особого устройства этого орудия казни походили на мычание быка. Перилл будто бы сам стал первой жертвой своего изобретения.

мире, так же легко, как эту, земную? Ты можешь превратить меня в ничто, – этой свободы тебе у меня не отнять! (*Заряжает пистолет. Внезапно останавливается.*) Так, значит, умереть от страха перед мучительной жизнью? Дать себя победить несчастью? Нет! Я все стерплю. (*Швыряет пистолет в сторону.*) Муки отступят перед моей гордыней! Пройду весь путь.

Сцена постепенно темнеет.

Герман (*пробирается лесом*). Чу, как страшно ухает сова! В деревне пробило полночь. Да, да! Злодейство спит! В этой глухи нет соглядатаев! (*Подходит к башне и стучится.*) Поднимись сюда, злосчастный узник! Вот твой ужин.

Моор (*тихо отступая*). Что это значит?

Голос (*из башни*). Кто там стучит? А? Это ты, Герман, мой ворон?⁸⁶

Герман. Да, я, Герман, твой ворон. Подойди к решетке и ешь.

Ухает сова.

Страшно поют твоиочные товарищи, старик. Что? Вкусно?

Голос, Я очень проголодался. Благодарю тебя, господи, посылающего мне врана в пустыне! А как поживает мой сынок, Герман?

Герман. Тише! Слушай! Какой-то шум, похожий на храп. Слышишь?

Голос. Как? Как? И ты слышишь что-то?

Герман. Это ветер стонет в расселинах башни – ночная музыка, от которой зубы стучат и синеют ногти. Нет, послушай! Мне все чудится храп. Ты здесь не один, старик. Ой-ой-ой!

Голос. Ты видишь что-нибудь?

Герман. Прощай, прощай! Страшные это места. Полезай обратно в яму. Твой мститель там, в небесах. Проклятый сын! (*Хочет бежать.*)

Моор (*объятый ужасом, приближается к нему*). Стой!

Герман (*кричит*). Горе мне!

---

⁸⁶ Это ты, Герман, мой ворон? – В Библии рассказывается, что пророк Илия, спасаясь от преследований, бежал в пустыню и поселился у источника. «И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру и хлеб и мясо повечеру, а из источника он пил».

Моор . Стой, говорят тебе!

Герман . Горе, горе, горе! Все раскрыто!

Моор . Стой! Говори! Кто ты? Что ты делаешь здесь? Отвечай!

Герман . Сжальтесь, сжальтесь, мой грозный повелитель! Выслушайте хоть одно слово, прежде чем прикончить меня!

Моор (*вытаскивает шпагу*). Что я услышу?

Герман . Вы под страхом смерти запретили мне... Я не мог иначе, не смел... Есть господь на небесах! Ваш родной отец – там... Я пожалел его – убейте меня!

Моор . Здесь какая-то тайна. Говори! Не медли! Я должен все узнать.

Голос . Горе! Горе! Это ты, Герман, там разговариваешь? С кем ты разговариваешь, Герман?

Моор . Еще кто-то там, внизу. Что здесь происходит? (*Бежит к башне.*) Здесь узник, отверженный людьми? Я разобью его цепи! Подай голос еще раз! Где дверь?

Герман . Помилосердствуйте, сударь! Не ходите дальше. Из состраданья покиньте это место! (*Заступает ему дорогу.*)

Моор . Четыре замка! Прочь с дороги! Я должен узнать... Теперь впервые зову тебя на помощь, воровское искусство. (*Вынимает отмычки и открывает решетчатую дверь.*)

Из глубины появляется старик, иссохший, как скелет.

Старик Моор . Сжальтесь над несчастным! Сжальтесь!

Моор (*в ужасе отпрянув*). Голос моего отца.

Старик Моор . Благодарю тебя, господи! Настал час избавления.

Моор . Дух старого Моора! Что потревожило тебя в могиле? Или ты сошел в новый мир с грехом на душе, который преграждает тебе путь к вратам рая? Я стану служить обедни, чтобы вернуть блуждающий дух в место вечного упокоения. Или ты зарыл в землю золото вдов и сирот и в этот полночный час с воем бродишь вокруг него? Я вырву подземные сокровища из когтей дракона, даже если он изрыгнет на меня адское пламя и воньется зубами в мою шпагу.

Или ты явился на мой призыв – разгадать мне загадку вечности? Говори! Говори!
Я не из тех, что бледнеют от страха.

Старик Моор . Я не призрак. Дотронься до меня! Я живу... Но какой ужасной, жалкой жизнью!

Моор . Что? Так ты не был похоронен?

Старик Моор . Был. Но в склепе моих предков лежит дохлая собака, а я три месяца как томлюсь в этом мрачном подземелье. Сюда не проник ни один солнечный луч. Ни разу не повеял теплый ветерок. И ни один друг не посетил меня здесь, где только дико каркают вороны да ухают полночные совы.

Моор . Боже праведный! Кто смел это сделать?

Старик Моор . Не проклинай его! Это сделал мой сын – Франц.

Моор . Франц? Франц? О, вечный хаос!

Старик Моор . Если ты человек, мой неведомый избавитель, если у тебя человеческое сердце, так выслушай, какие муки уготовили отцу его сыновья. Уже три месяца кричу я об этом каменным стенам, но лишь глухое эхо вторит моим стенаниям. А потому, если ты человек, если в тебе бьется человеческое сердце...

Моор . На этот призыв и дикие звери вышли бы из своих логовищ.

Старик Моор . Я лежал на одре болезни и едва стал оживать после тяжкого недуга, как ко мне привели человека, объявиившего, что мой первенец погиб на поле битвы. Он передал мне меч, обагренный его кровью, и его последнее прости; сказал, что мое проклятие довело его до отчаяния и погнало в бой, навстречу смерти.

Моор (*резко отворачиваясь от него*). Все раскрылось!

Старик Моор . Слушай дальше! При этой вести я потерял сознание. Меня, верно, сочли мертвым. Когда я очнулся, я лежал в гробу, одетый в саван, как мертвец. Я стал скрести крышку гроба. Ее подняли. Кругом была темная ночь... Мой сын Франц стоял передо мною. «Как, – ужасным голосом вскричал он, – ужели ты будешь жить вечно?» И крышка тотчас же захлопнулась. От этих страшных слов я лишился сознания. Очнувшись снова, я почувствовал, что мой гроб ставят на телегу. Меня везли с полчаса. Наконец гроб открыли. Я стоял у

входа в это подземелье. Мой сын передо мной и человек, передавший мне окровавленный меч Карла. Я обнимал колени сына, молил, заклинал и снова молил. Мольбы отца не тронули его сердца. «В яму это чучело! – загремел он. – Пожил, и хватит». И меня безжалостно столкнули вниз, а мой сын Франц запер дверь темницы.

Моор . Этого не может быть, не может быть! Вы ошиблись.

Старик Моор . Допустим, я ошибся. Слушай дальше, но сдержи свой гнев. Так пролежал я целые сутки; и ни один человек не вспомнил обо мне в моем несчастье. Нога человеческая уже давно не ступала по этим пустынным местам, ибо, по народному поверию, в полночный час тени моих предков бродят в этих развалинах, волоча за собой гремящие цепи и хрипло распевая похоронные песни. Наконец я снова услышал скрип двери; этот человек принес мне хлеба и воды и поведал, что я осужден на голодную смерть и ему может стоить жизни, если откроется, что он носит мне пищу. Эти крохи поддерживали меня довольно долгое время, но непрестанный холод, вонь от моих нечистот, безмерное горе!.. Силы мои подорвались, тело искало. Тысячи раз со слезами молил я смерти у господа бога, но, видно, мера моего наказания не преисполнилась. Или, быть может, еще ждет меня нечаянная радость, раз я чудом уцелел доселе? Но я по заслугам терплю эти мучения. Мой Карл! Мой Карл! И ведь он еще не дожил до седин...

Моор . Довольно! Поднимайтесь! Эй вы, чурбаны, тюфяки, ленивые, бесчувственные сонливцы! Вставайте! Ни один не проснулся? (*Стреляет в воздух из пистолета.*)

Разбойники (всполошившись). Гей, гей! Что там случилось?

Моор . Так этот рассказ не страхнул с вас дремоты? Он мог бы пробудить человека и от вечного сна! Смотрите сюда! Смотрите! Законы вселенной превращены в игральные кости! Связь природы распалась, древняя распра вырвалась на волю! Сын убил своего отца.

Разбойники . О чем ты, атаман?

Моор . Нет, не убил! Это слишком мягко! Сын тысячекратно колесовал отца, жег его на медленном огне, пытал, мучил. Нет, и эти слова слишком человечны! Грех покраснеет от его действий, каннибалы содрогнутся! Мозг дьявола не измыслит подобного! Сын – своего родного отца! О, смотрите, смотрите, люди! Он

лишился чувств. В это подземелье сын заточил отца! Страх, сырье стены, муки голода, жажда! О, смотрите, смотрите! Это мой отец! Я больше не таюсь от вас.

Разбойники (*вскакивают и окружают старика*). Твой отец? Твой отец?

Швейцер (*благоговейно приближается к нему и опускается на колени*). Отец моего атамана, земно кланяюсь тебе! Мой кинжал ждет твоих приказаний.

Моор. Мстить, мстить, мстить за тебя, жестоко оскорбленный, поруганный старец! Я навеки разрываю братские узы! (*Разрывает сверху донизу свою одежду*.) Каждую каплю братской крови проклинаю перед лицом небес! Внемлите мне, месяц и звезды! Внемли, полночное небо, взиравшее на это позорное злодеяние! Внемли мне, трижды грозный бог, царящий в надзвездном мире, казнящий и осуждающий! Ты, что пронзаешь пламенем сумрак ночи! Здесь преклоняю я колена. Здесь простираю десницу в страшный мрак, здесь клянусь я, – и да изрыгнет меня природа из своего царства, как последнюю тварь, если я нарушу эту клятву! – клянусь не встретить дневного света, прежде чем кровь отцеубийцы, пролитая у этого камня, не воздымится к солнцу!

Разбойники. Это сатанинское дело! А говорят, мы негодяи! Нет, черт возьми, такого нам не выдумать!

Моор. Да, клянусь страшным хрипом тех, кто погиб от наших кинжалов, тех, кого пожрал зажженный мною огонь, раздавила взорванная мною башня! Даже мысль об убийстве или грабеже не должна зародиться в вашем мозгу, покуда ваши одежды не станут багряными от крови этого злодея! Вам, верно, и не снилось, что вы станете карающей десницей всевышнего? Запутанный узел рока развязан! Нынче, нынче незримая сила облагородила наше ремесло! Молитесь тому, кто судил вам высокий жребий, кто привел вас быть страшными ангелами его грозного суда! Обнажите головы! Падите ниц, во прах, и встаньте очистившимися от скверны!

Они преклоняют колена.

Швейцер. Приказывай, атаман! Что делать?

Моор. Встань, Швейцер! Коснись этих священных седин! (*Подводит его к своему отцу и дает ему дотронуться до волос старика*.) Помнишь, как ты раскроил череп богемскому драгуну, когда он занес надо мною саблю, а я, едва дыша, измученный жарким боем, упал на колени? Я обещал тогда отблагодарить тебя по-царски, но и посейчас не мог уплатить этот долг.

Швейцер . Да, ты поклялся! Это правда, но дозволь мне считать тебя моим вечным должником!

Моор . Нет, теперь я расплачусь с тобой! Швейцер, ни один смертный еще не сподобился такой чести! Отомсти за моего отца!

Швейцер (*встает*). Великий атаман! Сейчас впервые я почувствовал гордость. Повелевай: где, когда, как мне убить его?

Моор . Каждая минута на счету, ты должен торопиться; выбери достойнейших из шайки и веди их прямо к графскому замку! Вытащи его из постели, если он спит или предается сладострастию, выволоки его из-за стола, если он пьян, оторви от распятия, если он на коленях молится перед ним! Но, говорю тебе, приказываю: доставь мне его живым! Я разорву в ключья и отдам на съедение коршунам тело того, кто нанесет ему хоть царапину, кто даст хоть волосу упасть с его головы! Живьем нужен он мне! И если ты доставишь его целым и невредимым, то получишь в награду миллион. С опасностью для жизни я выкраду его у любого из королей, ты же будешь свободен, как ветер в поле. Понял? Торопись!

Швейцер . Довольно, атаман! Вот моя рука. Ты либо увидишь нас обоих, либо ни одного. Карающие ангелы Швейцера, за мной! (*Уходит с отрядом.*)

Моор . Остальным рассыпаться по лесу. Я остаюсь.

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Анфилада комнат. Темная ночь.

Даниэль (*входит с фонарем и вещами, завязанными в узелок*). Прощай, мой милый, родимый дом! Много насмотрелся я здесь доброго и хорошего, когда был жив покойный граф. Много пролил я слез по нему, давно истлевшему в сырой могиле! Но такого потребовать от старого слуги! Сей дом был приютом сирых, пристанищем скорбящих, а этот сын превратил его в разбойничий вертеп! Прощай и ты, милый пол графских покоев! Как часто подметал тебя старый Даниэль. Прощай, милая печка! Старику не легко расстаться с тобой. Со всем этим я так свыкся! Трудно тебе, старый Елеазар⁸⁷! Но господь в своем

---

⁸⁷ Елеазар – третий сын древнееврейского первосвященника Аарона и тоже первосвященник, сподвижник Моисея и Иисуса Навина; умер в преклонном возрасте.

милосердии избавит меня от лукавого, не введет во искушение. Сир пришел я сюда, сир и уйду. Зато душа моя спасется. (*Хочет уйти.*)

Врывается Франц, одетый в шлафрок.

Господи, спаси и помилуй! Мой господин. (*Задувает фонарь.*)

Франц. Измена! Измена! Духи поднимаются из могил! Царство мертвых восстало от вечного сна и вопиет: «Убийца! Убийца!» Кто там копошится?

Даниэль (*испуганно*). Пресвятая матерь божия, заступись за меня. Это вы, сударь, так страшно кричите на весь замок, что спящие вскакивают с постелей?

Франц. Спящие? А кто велит вам спать? Поди зажги свет!

Даниэль уходит, входит другой слуга.

Никто не должен спать в этот час! Слышите? Пусть все будут на ногах, при оружии. Зарядить карабины. Видел ты, как они неслись по сводчатой галерее?

Слуга. Кто, ваша милость?

Франц. Кто, болван? Кто? Так хладнокровно, так равнодушно ты спрашиваешь: кто? Меня это потрясло до дурноты! Кто? Осел! Кто? Духи и черти! Который час?

Слуга. Сторож прокричал два!

Франц. Что? Эта ночь хочет продлиться до Страшного суда! Ты не слыхал шума вблизи, победных кликов, топота скачущих коней? Где Карл... граф, хочу я сказать?

Слуга. Не знаю, ваша милость.

Франц. Ты не знаешь? Ты тоже в этой шайке? Я вырву у тебя сердце из груди за твоё проклятое «не знаю»! Живо приведи пастора!

Слуга. Ваша милость!

Франц. Ты что-то бормочешь? Ты медлишь?

Слуга поспешино уходит.

Как? Эти нищие тоже в заговоре против меня? Небо, ад, все в заговоре?

Даниэль (*входит со свечой*). Ваша милость...

Франц. Нет, я не дрожу! Это был всего-навсего сон. Мертвые еще не восстали. Кто сказал, что я дрожу и бледнею? Мне так легко, так хорошо...

Даниэль. Вы бледны как смерть. Ваш голос дрожит от испуга.

Франц. У меня лихорадка! Скажи пастору, когда он придет, что у меня лихорадка. Завтра я велю пустить себе кровь. Скажи это пастору.

Даниэль. Не прикажете ли накапать немного бальзаму на сахар?

Франц. Хорошо. Накапай бальзаму! Пастор придет не так скоро. Мой голос дрожит, словно от страха. Дай мне бальзаму на сахаре!

Даниэль. Позвольте мне ключи, я схожу вниз, возьму из шкафа...

Франц. Нет! Нет! Останься! Или мне пойти с тобой? Ты видишь, я не могу быть один! Ты же видишь, я могу лишиться чувств, если останусь один... Погоди! Погоди! Сейчас пройдет. Останься.

Даниэль. О, да вы серьезно больны!

Франц. Ну да, да! В том-то и дело... А болезнь расстраивает мозг, насыщает безумные, нелепые сны. Сны ничего не значат. Правда, Даниэль? Сны – это от желудка; они ничего не значат. Я видел сейчас забавный сон. (*Падает без чувств.*)

Даниэль. Господи Иисусе! Что ж это такое? Георг! Конрад! Бестиан! Мартин! Да откликнитесь же! (*Трясет его.*) Пресвятая дева Мария! Магдалина! Иосиф! Очнитесь! Еще скажут, что я его убил. Боже, смируйся надо мною!

Франц (*в смятении*). Прочь! Прочь! Что ты так трясеешь меня, мерзкий скелет? Мертвые еще не восстали.

Даниэль. Боже милостивый! Он потерял рассудок!

Франц (*с трудом приподнимаясь*). Где я? Ты, Даниэль? Что я тут говорил? Не обращай внимания! Я все вру... Что бы ни сказал, подойди! Помоги мне!.. Это просто головокружение! Оттого... оттого, что я не выспался...

Даниэль. Хоть бы Иоганн пришел! Я сейчас кликну на помошь, позову врачей.

Франц . Стой! Сядь рядом со мной на софу. Так! Ты же смышленый, хороший человек. Я все расскажу тебе.

Даниэль . Не теперь, в другой раз! Я отведу вас в постель, покой вам нужнее.

Франц . Нет, прошу тебя, я все расскажу. А ты хорошенъко высмей меня! Слушай же, мне привиделось, будто я задал царский пир, и на сердце у меня было легко, и я, опьяненный, лежал на траве в нашем саду, как вдруг – это было в полуденный час – вдруг... но смейся, смейся же надо мной!

Даниэль . Что вдруг?

Франц . Вдруг неистовый удар грома поразил мой дремлющий слух... Трепеща от страха, я поднялся на ноги, и вот... мне почудилось, что весь горизонт пылает огнем! Горы, леса и города расплавляются, как воск в печи! И ураган, воя, сметает прочь моря, небо и землю... Тут, точно из медной трубы, загремело: «Земля, отдай своих мертвцевов, отдай мертвцевов своих, море!» И голая степь стала трескаться и выбрасывать черепа и ребра, челюсти и кости. Они срастались в человеческие тела и неслись необозримым потоком – живой ураган! Тогда я поднял взор, и вот – я уже стою у подножья громоносного Синая⁸⁸ и подо мной, и надо мной кишат толпы, а там, на вершине горы, на трех дымящихся престолах, три старца, взгляда которых бежит все живое.

Даниэль . Да ведь это совсем как на Страшном суде!

Франц . Не правда ли, какой дикий вздор? Тут один из них, ликом как звездная ночь, выступил вперед, в руке у него было железное кольцо с печатью; он поднял его между востоком и западом и рек: «Вечно, свято, справедливо, непреложно! Есть только одна истина, только одна добродетель! Горе, горе усомнившемуся черви!» И выступил второй, у него в руке было блестящее зерцало; он поднял его между востоком и западом и рек: «Это зерцало – истина. Лицемерие и притворство не устоят перед ним». Тут я и весь народ затрепетали, ибо увидели морды тигров, леопардов и змей отраженными в этом ужасном зерцале. Но вот выступил третий, у него в руке были железные весы; он поднял их между востоком и западом и рек: «Приблизьтесь, дети Адама! Я взвешиваю ваши помыслы на чаше гнева моего, дела ваши – гилями злобы моей».

Даниэль . Господи помилуй!

---

⁸⁸ Синай – гора в Аравии (неподалеку от Суэца), где, по библейской легенде, бог дал вождю и жрецу евреев Моисею таблицы (скрижали) с десятью заповедями нравственности.

Франц . Белее снега стояли все вокруг, и в ожидании сердце робко билось в каждой груди. И вдруг мне послышалось, словно имя мое было первым произнесено горными вихрями; и мозг закоченел в моих костях, и мои зубы громко застучали. Часто, часто зазвенели весы, загрохотала скала, и часы потекли один за другим вокруг левой чаши весов, и каждый час, один за другим, бросал в эту чашу смертный грех.

Даниэль . Да будет над вами милость господня!

Франц . Ее не было! Чаша выросла с гору, хотя другая, полная крови искупления, еще удерживала ее высоко в воздухе... Но вот появился старик, в три погибели согбенный горестями; он грыз свою руку от лютого голода. При виде его все глаза робко потупились. Я узнал старика. Он отрезал прядь своих седых волос, бросил ее на чашу грехов. И она опустилась... вдруг опустилась до самого ада, а чаша искупления взвилась высоко в поднебесье. И я услышал голос, вещавший из дыма, застлавшего скалу: «Прощение, прощение всем грешникам земли и преисподней! Ты один отвержен!»

Долгая пауза.

Ну? Почему же ты не смеешься?

Даниэль . До смеха ли, когда мороз подирает по коже? Сны ниспосыпаются небом.

Франц . Чур, чур! Не говори так! Назови меня глупцом, суеверным, вздорным глупцом! Сделай это, добрый Даниэль! Прошу тебя, как следует поиздевайся надо мной!

Даниэль . Сны ниспосыпаются небом. Я помолюсь за вас!

Франц . Ты лжешь, говорю я! Иди сейчас же, беги, лети, узнай, куда запропастился пастор, вели ему торопиться! Но повторяю: ты лжешь!

Даниэль (*уходя*). Господь да смилостивится над вами!

Франц . Мудрость черни! Трусость черни! Еще не доказано, что прошедшее не прошло, что в надзвездном мире есть всевидящее око. Гм! Гм! Кто внушил мне это? Мститель там, в небесах? Нет! Нет! Да! Да! Страшный шепот вокруг: «Есть судия на небесах!» И ты предстанешь надзвездному судии еще этой ночью! Нет, говорю вам! Жалкая нора, в которой хочет укрыться твоя трусость!.. Пустынно, безжизненно, глухо там, над звездами! Ну, а если там, за ними, все же есть нечто

большее? Нет, нет, там пустота! Я приказываю!.. Там ничего нет!.. А если? А если?.. Горе, если все тебе зачтется! Зачтется еще этой ночью! Отчего ужас пробегает по моим жилам? Умереть!.. Отчего это слово так леденит меня? Дать отчет надзвездному мстителю... А что, если он судит праведно? Все сироты, вдовы, все угнетенные, замученные мною возопиют к нему! Но если он судит праведно, почему они страдали? Почему я торжествовал над ними?

Пастор Мозер *входит.*

Мозер. Вы посыпали за мной, сударь? Я удивлен. Первый раз в жизни! Угодно вам насмехаться над религией? Или вы начинаете трепетать перед нею?

Франц. Насмехаться или трепетать – смотря по твоим ответам. Слушай, Мозер, я докажу тебе, что ты либо сам дурак, либо дурачишь других. А ты будешь отвечать. Слышишь? Если тебе дорога жизнь, ты будешь мне отвечать.

Мозер. Вы хотите судить всевышнего, и всевышний вам однажды ответит...

Франц. Сейчас я хочу узнать! Сейчас, сию же минуту! Чтоб не натворить постыдных безумств и в страхе не возвратить к идолу черни! За бутылкой бургундского я часто спьяна говорил тебе: «Бога нет». Теперь я говорю серьезно. Я заявляю: его нет! Ты можешь опровергать меня любыми доводами, имеющимися в твоем распоряжении. Они сгинут, стоит мне на них только дунуть.

Мозер. О, если б ты с такою легкостью мог отвести гром, что с непомерной силой грянет над твоей надменной душой! Всемогущему богу, которого ты, глупец и злодей, изгоняешь из его же творения, нет нужды оправдывать себя устами праха. Он так же велик в твоих жестокостях, как и в улыбке всепобеждающей добродетели.

Франц. Хорошо, поп! Отменно! Молодчина!

Мозер. Я служитель высшего владыки и говорю с червем, подобным мне, угодить которому не намерен! Я, конечно, счел бы себя чудотворцем, если бы мне удалось истогнуть раскаяние у тебя, закоренелого злодея. Но если твоя уверенность так непреклонна, то зачем ты послал за мной? Скажи, зачем ты призвал меня среди ночи?

Франц. Потому что мне скучно. Даже шахматы сегодня не веселят меня. Вот мне и вздумалось шутки ради полаяться с попом. Этим вздором меня не

застрашаешь! Я знаю отлично: на вечность уповаёт лишь тот, кому не повезло здесь, на земле. Но он жестоко заблуждается. Мне довелось читать, что вся наша сущность сводится к кровообращению. С последней каплей крови исчезают и дух и мысль. Дух разделяет все слабости тела, так разве он может пережить его, не испариться при его распаде? Если к тебе в мозг проникнет хоть капля воды, твоя жизнь на мгновенье прервется, она будет граничить с небытием, а затем наступит и смерть. Чувства – не более как колебания струн, а разбитый клавесин звучать не может. Если я сравняю с землей семь моих замков, если разобью вон ту Венеру, это будет значить, что нет больше ни симметрии, ни красоты. То же и с вашей бессмертной душой!

Мозер . Такова философия вашего отчаяния. Но от этих доводов ваше собственное сердце пугливо бьется в груди, изобличая вас во лжи. Все хитросплетения подобной философской системы разрывает одна-единственная мысль: «Ты должен умереть!» Что ж, язываю вас, – и да послужит вам это испытанием! – если и в смертный час вы не поколебитесь, если ваши убеждения не предадут вас и тогда – победа за вами. Но если в этот час хоть малый страх посетит вас, тогда – горе вам. Вы обманулись!

Франц (*смущенно*). Если в час смерти меня охватит страх?

Мозер . Немало довелось мне видеть таких несчастных, которые всю жизнь с чудовищной настойчивостью противоборствовали истине, но в час смерти их заблуждения сами собой исчезали. Я буду стоять у вашего смертного одра. Мне даже хочется видеть, как тиран расстается с жизнью... Я не сведу глаз с вашего лица; и когда врач возьмет вашу хладеющую, влажную руку, с трудом различая слабый, чуть слышный пульс, взглянет на вас и, равнодушно пожав плечами, заявит: «Человек тут бессилен», – о, тогда берегитесь! Берегитесь походить на Ричарда или Нерона⁸⁹.

Франц . Нет! Нет!

Мозер . И ваше «нет» в смертный час прозвучит как громогласное «да». Внутренний судья, которого не подкупишь скептическими домыслами, пробудится и начнет вершить свой суд над вами. И это будет как пробуждение

---

⁸⁹ *Берегитесь походить на Ричарда или Нерона.* – *Ричард* . – Здесь имеется в виду Ричард III, король Англии (1483–1485 гг.); он был беспощаден в осуществлении своих политических планов. Шекспир обессмертил его в своей хронике «Король Ричард III», которую Шиллер внимательно изучал. *Нерон* – римский император (I в. н. э.), известный своей жестокостью. Легенда утверждает, что он поджег Рим, чтобы полюбоваться его пожаром. Когда против него начались восстания и сенат низложил его, он покончил с собой.

заживо погребенного во чреве могилы, это будет как возмущение самоубийцы, уже нанесшего себе смертельный удар и раскаивающегося! Это будет как молния, внезапно прорезавшая полночь вашей жизни, как озарение! И если вы и тогда не поколебитесь – победа за вами.

Франц (*в беспокойстве ходит из угла в угол*). Поповские бредни! Поповские бредни!

Мозер. Тогда мечи вечности впервые рассекут мрак вашей души, впервые, – но слишком поздно! Мысль о боге пробуждает страшного соседа, имя ему – судия! Подумайте, Моор, жизнь тысяч людей подчинена одному мановению вашей руки, из каждой тысячи девятьсот девяносто девять вы сделали несчастными. Вам недостает только Римской империи, чтобы стать Нероном, или Перу, чтобы стяжать себе славу Писарро⁹⁰. Неужто, вы думаете, господь дозволит, чтобы один человек неистово хозяйничал в его мире и все переворачивал вверх дном? Неужто вы думаете, что эти девятьсот девяносто девять рождены для гибели, для того, чтобы быть куклами в вашей сатанинской игре? Не думайте так! Он взыщет с вас за каждое мгновение, которое вы укралли у них, за каждую радость, которую вы им отравили, за каждый шаг к совершенству, который вы преградили им. И если вы и тут найдете ответ, то, Моор, – победа за вами.

Франц. Довольно! Ни слова больше! Уж не хочешь ли ты, чтоб я подчинился твоим желчным размышлениям?

Мозер. Помни, что людские судьбы пребывают меж собой в прекрасном и страшном равновесии. Чаша весов, опустившись в этой жизни, возвысится в той; возвысившись в этой, в той опустится до земли. И то, что было здесь преходящим страданием, там станет вечным торжеством, а то, что здесь было преходящим торжеством, там станет вечным, безграничным отчаянием.

Франц (*яростно наступает на него*). Пусть гром поразит тебя немотою, низкий лжец! Я вырву у тебя из глотки твой проклятый язык.

Мозер. А! Так вы уже ощутили бремя истины? А я ведь еще не привел доказательств. Что ж, приступим к ним!

---

⁹⁰ *Писарро* Франсиско (1475–1541) – испанский авантюрист, вскоре после открытия Америки завоевавший древнеиндейское государство инков (Перу), разграбивший его сокровища и истребивший значительную часть его населения. Был убит испанцами, сторонниками казненного им Альмагро (см. прим. к акту II, сц. 3). (прим. 67 – версальщик).

Франц . Молчи, проваливай к черту со своими доказательствами! Душа наша сгниет вместе с телом, говорю тебе! И ты не смеешь мне возражать.

Мозер . Вот почему визжат духи ада и качает головой вездесущий. Ужели вы думаете в пустынном царстве вечного «ничто» ускользнуть от карающей десницы мстителя? Взнесетесь ли вы на небо – он там! Спуститесь ли в преисподнюю – он опять там! Вы крикнете ночи: «Обволоки меня!» – крикнете тьме: «Укрой меня!» И тьма возблещет вокруг вас, и полночь озарит светом отверженного. Нет! Ваш бессмертный дух противится этим словам, побеждает ослепшую мысль!

Франц . Но я не хочу быть бессмертным... Кто хочет, пусть будет им, мое дело сторона. Я заставлю его меня уничтожить! Я доведу его до ярости, чтобы он в ярости уничтожил меня. Назови мне тягчайший грех, который всех больше прогневит его.

Мозер . Мне ведомы только два таких греха. Но не люди их совершают и не люди судят за них.

Франц . Два греха?

Мозер (*очень значительно*). Отцеубийством зовется один, братоубийством другой! Почему вы вдруг так побледнели?

Франц . Как, старик? Ты в заговоре с адом или с небом? Кто тебе это сказал?

Мозер . Горе тому, у кого на душе они оба! Лучше бы ему не родиться! Но успокойтесь! У вас нет больше ни отца, ни брата.

Франц . Как? И страшнее ты грехов не знаешь? Подумай еще: смерть, небо, вечность, проклятие витают на твоих устах. Не знаешь страшнее?

Мозер . Не знаю.

Франц (*падает на стул*). Конец! Конец!

Мозер . Радуйтесь же, радуйтесь! Почитайте себя счастливым! При всех ваших злодеяниях вы праведник по сравнению с отцеубийцей. Проклятие, готовое поразить вас, – песнь любви рядом с проклятием, тяготеющим над его головой... Возмездие...

Франц (*вскакивая*). Тысячу смертей на тебя, ворон! Кто звал тебя сюда? Пошел вон, или я проколю тебя шпагой!

Мозер . Как? Поповские бредни довели до бешенства такого философа? Ведь они сгинут, стоит вам только дунуть на них. (*Уходит.*)

Франц бросается в кресло и мечется в нестерпимом волнении. Глубокое молчание. Вбегает слуга.

Слуга . Амалия бежала! Граф внезапно исчез!

Даниэль (*боязливо входит*). Ваша милость, отряд неистовых всадников скачет к замку. Они кричат: «Смерть, смерть!» Вся деревня в смятении!

Франц . Иди! Вели звонить во все колокола! Всех сгоняй в церковь! Пусть падут на колени!.. Пусть молятся за меня! Отпустить заключенных! Беднякам я все возмешу – вдвое, втрой! Я... Да иди же, зови духовника! Пусть он отпустит мне мои прегрешения! Что ж ты стоишь?

Шум и топот становятся слышнее.

Даниэль . Господи, прости меня и помилуй! Как мне это понять? Ведь вы отовсюду изгоняли религию, швыряли мне в голову Библию и требник, когда заставали меня на молитве...

Франц . Ни слова больше! Смерть! Ты видишь? Смерть! Будет поздно!

Слышино, как неистовствует Швейцер.

Молись же! Молись!

Даниэль . Я всегда говорил вам: вы издеваетесь над святой молитвой, но берегитесь, берегитесь! Когда гром грянет, когда поток захлестнет вас, вы отдадите все сокровища мира за одну христианскую молитву. Вот видите, вы поносили меня! И теперь дождались! Видите!

Франц (*порывисто обнимает его*). Прости, милый, добрый, хороший мой Даниэль! Прости, я озолочу тебя! Но молись же! Я сыщу тебе невесту, я... Молись же, заклинаю тебя, на коленях заклинаю! Во имя дьявола, молись!

Шум на улице, крик, стук.

Швейцер (на улице). На приступ! Бей! Ломай! Я вижу свет, он должен быть там.

Франц (*коленопреклоненно*). Услышь мою молитву, господи! В первый раз!.. Никогда больше не обращусь к тебе! Услышь меня, господи!

Даниэль. Господи Иисусе! Что вы делаете? Это безбожная молитва.

Сбегается народ.

Народ. Воры! Убийцы! Кто поднял такой ужасный шум среди ночи?

Швейцер (*все еще на улице*). Отгоните их, ребята! Это черт явился, чтобы утащить вашего господина! Где Шварц со своими людьми? Окружай замок! Гrimm! Бери приступом стены!

Гrimm. Ташите сюда горящие головни! Либо мы вломимся к нему, либо он спустится вниз! Я подожгу его хоромы!

Франц (*молится*). Я был не простым убийцей, господи!.. Никогда не грешил по пустякам...

Даниэль. Господи! Будь к нам милостив! У него и молитвы-то греховные!

Летят камни и головни, стекла разбиваются. Замок пылает.

Франц. Не могу молиться!.. Здесь, здесь (*бьет себя в грудь и в лоб*) все пусто... Все выжжено! (*Поднимается*.) Нет, я не стану молиться, не доставлю небу этого торжества! Не позволю аду посмеяться надо мною!

Даниэль. Господи! Пресвятая матерь божья! На помощь, спасите! Весь замок в огне!

Франц. Возьми шпагу! Живо! Всади мне ее в живот! Не то эти молодцы надругаются надо мной.

Пожар усиливается.

Даниэль. Увольте! Увольте! Я никого не хочу прежде времени отправлять на небо, тем более... (*Убегает*.)

Франц (*неподвижно смотрит ему вслед; после паузы*) ...в ад, хотел ты сказать! И вправду! Я уже чую его! (*Охваченный безумием*.) Так это вы заливаитесь звонким смехом?.. Я слышу, как шипят гады преисподней!.. Они взбегают по лестнице, осаждают дверь!.. Почему я робею перед этим острием? Дверь трещит, поддается!.. Бежать некуда! Так смируйся ты надо мной!

Срывает золотой шнурок со шляпы и удавливается. Швейцер со своими людьми.

Швейцер. Где ты, каналья? Вы видели, как все разбежались? Не много же у него друзей! Куда он забился, этот негодяй?

Гrimm (спотыкается о труп). Стой! Что здесь лежит на дороге? Посвети мне!..

Шварц. Он нас опередил. Вложите мечи в ножны! Вот он валяется, как дохлая кошка.

Швейцер. Мертв? Как? Не дождавшись меня? Лжете, говорю вам!.. Полюбуйтесь, как он живо вскочит на ноги. (*Толкает его.*) Эй, ты! Представляется случай убить отца!

Гrimm. Не трудись понапрасну: он мертвешенек.

Швейцер (*отходит от трупа*). Да, он не обрадовался этому случаю! Он и вправду подох! Подите скажите атаману: он мертв! Меня Моор больше не увидит. (*Стреляет себе в висок.*)

Сцена вторая

Декорация последней сцены четвертого действия. Старик Моор сидит на камне. Напротив него разбойник Моор. Разбойники шныряют по лесу.

Разбойник Моор. Его все нет! (*Ударяет кинжалом по камню так, что сыплются искры.*)

Старик Моор. Прощение да будет ему карой; удвоенная любовь – моей местью.

Разбойник Моор. Нет! Клянусь злобой души моей! Этого не будет! Я этого не потерплю! Пусть тащит за собой в вечность великий позор своего злодеяния! Иначе зачем бы я стал убивать его?

Старик Моор (разражаясь рыданиями). О, мое дитя!

Разбойник Моор. Что? Ты плачешь о нем?.. Возле этой башни?..

Старик Моор. Помилосердствуй! О, помилосердствуй! (*Страстно ломая руки.*) Сейчас, сейчас вершится суд над моим сыном.

Разбойник Мoop (*испуганно*). Над которым?

Старик Мoop. Что значит твой вопрос?

Разбойник Мoop. Ничего! Ничего!

Старик Мoop. Ты пришел глумиться над моим несчастьем?

Разбойник Мoop. Предательская совесть! Не обращайте внимания на мои слова.

Старик Мoop. Да, я замучил одного сына, и теперь другой мучает меня. Это перст божий!.. О Карл! Карл! Если ты витаешь надо мной в ангельском обличье, прости, прости меня!

Разбойник Мoop (*живо*). Он вас прощает. (*В смущении*.) Если он достоин называться вашим сыном, он должен простить вас.

Старик Мoop. О, он был слишком хорош для меня! Но я поспешу к нему навстречу – с моими слезами, с моей бессонницей, со страшными видениями! Я обниму его колена, громко крича: «Я согрешил перед собою и тобой! Я недостоин называться отцом твоим!»

Разбойник Мoop (*расстроганно*). Он был вам дорог, ваш второй сын?

Старик Мoop. Господь тому свидетель! Зачем я поддался коварству злого сына? Среди смертных не было отца счастливее! Рядом со мной цвели мои дети и тешили меня надеждами. Но, о, горестный час! Злой дух вселился в сердце младшего! Я доверился змею! И потерял обоих детей. (*Закрывает лицо руками*.)

Разбойник Мoop (*отходит от него*). Потерял навеки!

Старик Мoop. О, я всем сердцем чувствую то, что сказала мне Амалия! Дух мщения говорил ее устами: «Напрасно будешь ты простираять холодающие руки к сыну! Напрасно искать теплую руку твоего Карла! Он никогда не будет стоять у твоего смертного одра».

Разбойник Мoop, отворачиваясь, подает ему руку.

О, если б это была рука моего Карла! Но он лежит далеко в тесном дому, спит свинцовым сном и никогда не услышит гласа моего горя. Горе мне! Умереть на чужих руках... Нет больше сына!.. Сына, который бы закрыл мне глаза...

Разбойник Моор (*в сильнейшем волнении*). Теперь пора! Теперь! (*К разбойникам.*) Оставьте меня! И все же... Разве я могу возвратить ему сына? Нет! Возвратить ему сына я не могу!.. Это я не сделаю!..

Старик Моор. Что, друг мой? Что ты там бормочешь?

Разбойник Моор. Твой сын... Да, старик... (*Чуть взяточно.*) Твой сын... Он... навеки потерян.

Старик Моор. Навеки?

Разбойник Моор (*в ужасном смятении обращает взоры к небу*). О, только на этот раз не дай ослабеть моей душе!.. Только на этот раз поддержи меня!

Старик Моор. Навеки, сказал ты?

Разбойник Моор. Не расспрашивай больше! Навеки, сказал я.

Старик Моор. Незнакомец! Незнакомец! Зачем ты освободил меня из этой башни?..

Разбойник Моор. А что, если мне похитить его благословение? Похитить и, как вору, ускользнуть с этой священной добычей... Говорят, отцовское благословение никогда не пропадает...

Старик Моор. И мой Франц тоже погиб?

Разбойник Моор (*падая перед ним на колени*). Я сломал затворы твоей темницы. Благослови меня!

Старик Моор (*с болью*). О, зачем ты хоронишь сына, спаситель отца? Ты видел сам: милосердие господне не оскудевает. А мы, жалкие черви, отходим ко сну, унося с собой свою злобу. (*Кладет руку на голову разбойника.*) Будь столь же счастлив, сколь и милосерден.

Разбойник Моор (*поднимается, растроганный*). О, где ты, мое былое мужество? Мои мускулы ослабели; кинжал валится у меня из рук.

Старик Моор. Хорошо, когда братья льнут друг к другу, как роса гермонских вершин⁹¹ к горе Сиону⁹². Научись понимать эту радость, юноша, и ангелы

---

⁹¹ ...роса гермонских вершин... – Гермон – высочайшая гора Антиливана, горной цепи, идущей параллельно Ливану.

⁹² Сион – гора возле Иерусалима, принадлежащая к той же горной цепи.

господни станут греться в лучах твоей славы. Твоя мудрость да будет мудростью старца. Но сердце... пусть останется сердцем невинного дитяти.

Разбойник Моор. О, предвкушение счастья! Поцелуй меня, святой старец!

Старик Моор (*целует его*). Пусть тебе кажется, что это поцелуй отца, я же буду думать, что целую сына. Как? Ты умеешь плакать?

Разбойник Моор. Мне почудилось, что это поцелуй отца! Горе мне, если они сейчас приведут его.

Появляется траурное шествие. Спутники Швейцера идут, опустив головы и закрыв лица.

Боже! (*Робко отступает, пытаясь скрыться.*)

Они проходят мимо него. Он смотрит в сторону. Долгая пауза. Они останавливаются.

Гrimm (*тихо*). Атаман!

Разбойник Моор не отвечает и отходит еще дальше.

Шварц. Дорогой атаман!

Разбойник Моор отступает еще.

Гrimm. Мы не виновны, атаман!

Разбойник Моор (*не глядя на них*). Кто вы такие?

Гrimm. Ты даже не смотришь на нас! Мы – твои верные слуги.

Разбойник Моор. Горе вам, если вы были мне верны!

Гrimm. Прими последний привет от твоего слуги Швейцера! Никогда не возвратится твой слуга Швейцер.

Разбойник Моор (*вздрагивает*). Так вы не нашли его?

Шварц. Нашли мертвым.

Разбойник Моор (*с радостью*). Благодарю тебя, вседержитель! Обнимите меня, дети мои! Милосердие – отныне наш лозунг! Значит, и это преодолено, все преодолено.

Еще разбойники и Амалия.

Разбойники . Хо, хо! Добыча! Славная добыча!

Амалия (*с развевающимися волосами*). «Мертвые, — кричат они, — встают из гроба на его голос...» Мой дядя жив... Он в этом лесу... Где он? Карл! Дядя! О! (*Бросается в объятия старика.*)

Старик Моор . Амалия! Дочь моя! Амалия! (*Сжимает ее в объятиях.*)

Разбойник Моор (*отпрянув*). Кто воскресил предо мною этот образ?

Амалия (*вырываются из объятий старика Моора, бежит к разбойнику и в упоении обнимает его*). Он опять со мной, о, небо! Опять со мной!

Разбойник Моор (*вырывааясь, разбойникам*). Подымайтесь! Сатана предал меня!

Амалия . Жених мой! Жених мой! Ты обезумел! Или это от счастья? Но почему же я так бесчувственна в этом вихре блаженства? Так холодна?

Старик Моор (*поднимаясь*). Жених? Дочь моя? Дочь! Твой жених?

Амалия . Навеки твоя! Навеки, навеки, навеки мой! О силы небесные! Разрешите меня от этого смертельного блаженства — или я паду под его бременем!

Разбойник Моор . Оторвите ее от меня! Убейте ее! Убейте его! Меня! Себя! Убейте всех! Весь мир да погибнет! (*Порывается бежать.*)

Амалия . Куда? Зачем? Любовь! Вечное, бескрайнее блаженство! А ты бежишь?

Разбойник Моор. Прочь! Прочь! Несчастнейшая из невест! Смотри сам, спрашивай, слушай, несчастнейший из отцов! Боже, дай мне силы навсегда, навеки покинуть их!

Амалия . Поддержите меня! Ради бога, поддержите! Ночь перед моими глазами!.. Он покидает меня!

Разбойник Моор. Слишком поздно! Напрасно!.. Твое проклятие, отец!.. Не спрашивай более! Я... мне... Твое проклятье!.. Твое мнимое проклятье!.. Кто заманил меня сюда? (*Обнажает шпагу и бросается на разбойников.*) Кто из вас заманил меня сюда, исчадия ада? Так погибни же, Амалия!.. Умри, отец! Умри в

третий раз – из-за меня!.. Твои спасители – разбойники и убийцы! А твой Карл – их атаман!

Старик Моор умирает. Амалия стоит неподвижно, как статуя. Вся шайка хранит страшное молчание.

(Ударяясь головой о дуб.) Души тех, кого я придушил во время любовных ласк, кого я поразил во время мирного сна, души тех... Ха-ха-ха! Слышите этот взрыв пороховой башни над постелями рожениц? Видите, как пламя лижет колыбели младенцев? Вот он, твой венчальный факел! Вот она, твоя свадебная музыка! О, господь ничего не забывает, он умеет все связать воедино. А потому прочь от меня, блаженство любви! А потому любовь для меня пытка! Вот оно, возмездие!

Амалия . Это правда! О, господи! Так это правда? Чем я согрешила, безвинная овечка? И его я любила!

Разбойник Моор . Нет! Это выше сил человеческих! Я слышал, как смерть свистела мне навстречу из тысяч ружейных стволов, и ни на шаг не отступил перед ней! Так неужели я буду теперь дрожать, как женщина? Дрожать перед женщиной? Нет, женщине не поколебать моего мужества... Крови, крови! Все это лишь минутная бабья слабость. Я должен упиться кровью... и все пройдет. (Хочет убежать.)

Амалия (*падает в его объятия*). Убийца! Дьявол! Я не отпущу тебя! Ангел!

Разбойник Моор (*отталкивает ее*). Прочь, коварная змея! Ты глумишься над одержимым! Но я померюсь силами с судьбой! Что? Ты плачешь? О вы, злобные, изменчивые звезды! Она притворяется плачущей! Будто хоть одна душа еще может плакать обо мне!

Амалия падает ему на грудь.

Что это?.. Она не плюет мне в лицо? Не отталкивает меня? Или ты забыла? Или не знаешь, кого держишь в объятиях, Амалия?

Амалия . Единственный! Навеки!

Разбойник Моор (*просветлев, в экстатическом упоении*). Она прощает меня! Она меня любит!.. Я чист, как эфир небесный! Она меня любит!.. Слезно благодарю тебя, всемилосердный! (*Падает на колени и рыдает.*) Мир снова воцарился в душе моей! Мука унялась! Нет больше ада! О, посмотри, посмотри! Дети света плачут на груди рыдающих дьяволов. (*Поднимаясь, к разбойникам.*)

Плачьте же и вы! Плачьте, плачьте! И вы сподобились счастья! О Амалия, Амалия! (*Приникает к ее устам; они замирают в молчаливом объятии.*)

Один из разбойников (*злобно выступает вперед*). Остановись, предатель!.. Отними-ка руки! Или я скажу такое словечко, от которого звон пойдет у тебя в ушах и зубы застучат от ужаса. (*Разделяет их мечом.*)

Старый разбойник. Вспомни богемские леса! Слышишь? Ты дрожишь? Вспомни-ка о богемских лесах! Отступник, где твои клятвы? Или так скоро забывают раны? Когда мы для тебя поставили на карту счастье, честь, жизнь, когда мы стеной окружили тебя, как щиты, принимали удары, грозившие твоей жизни... разве ты не поднял тогда руки для нерушимой клятвы, не поклялся никогда не покидать нас, как и мы тебя не покинули? Бесчестный! Клятвопреступник! И ты хочешь уйти от нас? В угоду плачущей шлюхе?

Третий разбойник. Позор клятвопреступнику! Дух принесшего себя в жертву Роллера, которыйты призывал в свидетели из загробного мира, покраснеет за твое малодушие и во всеоружии подымется из гроба, чтобы покарать тебя.

Разбойники (*кричат наперебой и рвут на себе одежды*). Смотри сюда! Смотри! Узнаешь эти рубцы? Ты наш! Мы поработили тебя кровью наших сердец! Ты наш, хотя бы сам архангел Михаил вступил за тебя в единоборство с Молохом! Иди с нами! Жертва за жертву! Амалию за нашу шайку!

Разбойник Моор (*выпускает ее руку*). Все кончено! Я хотел повернуть вспять и пойти по следам отца, но тот, в небесах, судил иначе. (*Сдержанно.*) Слепой глупец, как мог я этого хотеть? Разве великий грешник еще может вернуться на путь истины? Нет, великому грешнику не обратиться. Это мне давно следовало знать. Спокойствие! Слышишь, спокойствие! Так должно быть! Я не откликался, когда господь призывал меня! И вот теперь, когда я ищу его, он отвратился от меня. Что может быть справедливее? Не ищи его! Ты ему не нужен! Разве нет у него великого множества других созданий? Ему легко обойтись без одного из них. И этот один – я. В путь, други!

Амалия (*с силой удерживает его*). Остановись! Остановись! Один удар! Один смертельный удар! Быть снова покинутой! Обнажи свой меч и сжался надо мной!

Разбойник Моор. Жалость полетела ко всем чертям! Я не убью тебя!

Амалия (обнимая его колени). О, ради бога! Ради божественного милосердия! Я ведь больше не прошу любви! Я знаю, там, в вышине, наши созвездия враждебно бегут друг друга... Я прошу лишь смерти! Оставлена, оставлена!.. Пойми весь ужас этого слова! Оставлена! Мне не пережить! Ты же знаешь, ни одной женщине этого не пережить. Смерть – вот вся моя мольба! Взгляни! Мои руки дрожат! У меня нет сил нанести себе удар. Я боюсь этого блестящего острия!.. А тебе это так легко, так легко! Ты ведь мастер убивать! Обнажи свой меч – и я счастлива...

Разбойник Моор. Ты хочешь одна быть счастливой? Прочь! Я не убиваю женщин!

Амалия. Ах, душегуб! Ты умеешь убивать только счастливых! А тех, кто пресытился жизнью, не убиваешь! (*На коленях подползает к разбойникам.*) Так сжальтесь хоть вы надо мною, подручные палача! В ваших взорах столько кровожадного сострадания, что надежда брезжит в сердце несчастной. Ваш повелитель – пустой, малодушный хвастун!

Разбойник Моор. Женщина, что ты говоришь?

Разбойники отворачиваются.

Амалия. Ни одного друга? И среди этих. (*Поднимается.*) Ну, тогда ты, Дидона⁹³, научи меня умереть! (*Хочет уйти.*)

Один из разбойников прицеливается.

Разбойник Моор. Стой! Посмей только!.. Возлюбленная Моора умрет лишь от его руки. (*Закалывает ее.*)

Разбойники. Атаман! Атаман! Что ты сделал? Ты с ума сошел!

Разбойник Моор (*не сводя глаз с трупа*). Она сражена! Еще одно содрогание, и все кончено. Вот – видите?! Чего еще вы потребуете от меня? Вы пожертвовали мне жизнью – жизнью, которая вам уже не принадлежала, жизнью, полной мерзости и позора... Я ради вас убил ангела. Смотрите же сюда! Теперь вы довольны?

---

⁹³ Дидона – богиня – покровительница внутренней крепости города Карфагена (о Карфагене см. прим. к стр. 35. – Ганнибал) (*прим. 18 – верстальщик*). Впоследствии Дидоне были приданы черты якобы действительно существовавшего лица. Сказания превратили ее в финикийскую царевну, основательницу Карфагена. В «Энеиде» Вергилия Дидона кончает жизнь на костре из-за того, что любимый ею Эней покинул ее.

Гrimm . Ты с лихвой заплатил свой долг. Ты совершил то, чего не совершил бы во имя чести ни один человек. Теперь в путь!

Разбойник Моор . Что ты сказал? Согласись, жизнь праведницы за жизнь мошенника – неравная мена. О, говорю вам, если каждый из вас взойдет на кровавую плаху, и ему будут раскаленными щипцами рвать тело кусок за куском, и мученье продлится одиннадцать долгих летних дней, – это не перетянет одной ее слезы! (*С горьким смехом.*) Рубцы! Богемские леса! Да, за это надо платить!

Шварц . Успокойся, атаман! Идем с нами! Тебе нечего здесь делать. Веди нас дальше!

Разбойник Моор . Стой! Еще одно слово, прежде чем двинуться в путь. Запомните, вы, злорадные исполнители моих варварских велений! С этого часа я перестаю быть вашим атаманом. С ужасом и стыдом бросаю я здесь мой кровавый жезл, повинуясь которому вы мнили себя вправе совершать преступления, осквернять божий мир. Идите на все четыре стороны. Одни! Пусть нас ничто больше не связывает.

Разбойники . А, малодушный! Где твои великие планы? Или они – только мыльные пузыри, лопнувшие от одного вздоха женщины?

Разбойник Моор . О, я глупец, мечтавший исправить свет злодеяниями и блести законы беззаконием! Я называл это мщением и правом! Я дерзал, о провидение, стачивать зазубрины твоего меча, сглаживать твои пристрастия! Но... О, жалкое ребячество! Вот я стою у края ужасной бездны и с воем и скрежетом зубовным познаю, что два человека, мне подобных, могли бы разрушить все здание нравственного миропорядка! Умилосердись, умилосердись над мальчишкой, вздумавшим предупредить твой суд! Тебе отмщение, и ты воздашь! Нет нужды тебе в руке человеческой. Правда, я уже не властен воротить прошедшее. Загубленное мною – загублено. Никогда не восстановить поверженного! Но я еще могу умиротворить поруганные законы, уврачевать израненный мир. Ты требуешь жертвы, жертвы, которая всему человечеству покажет нерушимое величие твоей правды. И эта жертва – я! Я сам должен принять смерть за нее.

Разбойники . Отнимите у него кинжал!.. Он заколет себя!

Разбойник Моор . Дурачье, обреченное на вечную слепоту! Уж не думаете ли вы, что смертный грех искупают смертным грехом? Или, по-вашему, гармония

мира выиграет от нового богоопротивного диссонанса? (*С презрением швыряет оружие к их ногам.*) Они получат меня живым! Я сам отдаюсь в руки правосудия!

Разбойники. В оковы его! Он сошел с ума!

Разбойник Моор. Нет! Я не сомневаюсь, рано или поздно правосудие настигнет меня, если так угодно провидению. Но оно может врасплох напасть на меня спящего, настигнуть, когда я обращусь в бегство, силой и мечом вернуть меня в свое лоно. А тогда исчезнет и последняя моя заслуга – по доброй воле умереть во имя правды. Зачем же я, как вор, стану укрывать жизнь, давно отнятую у меня по приговору божьих мстителей?

Разбойники. Пусть идет! Он высокопарный хвастун! Он меняет жизнь на изумление толпы.

Разбойник Моор. Да, я и вправду могу вызвать изумление. (*После короткого раздумья.*) По дороге сюда я, помнится, разговорился с бедняком. Он работает поденщиком и кормит одиннадцать ртов... Тысяча луидоров обещана тому, кто живым доставит знаменитого разбойника. Что ж, бедному человеку они пригодятся! (*Уходит.*)

[Фридрих Шиллер](#), 1781

ПРИМЕЧАНИЯ

Фридрих Шиллер на четырнадцатом году жизни стал проявлять склонность к драматургии, но от его ранних попыток ничего не уцелело. Трагедию «Разбойники» Шиллер начал писать в последние годы пребывания в академии герцога Карла Вюртембергского; работать приходилось украдкой, от случая к случаю. По мере того как пьеса подвигалась вперед, Шиллер читал ее друзьям, товарищам по академии. Один из них рассказывал, что Шиллер смотрел на свою трагедию как на такую действенную, острополитическую и злободневную «книгу, которую палач безусловно должен будет сжечь». Злободневность трагедии подчеркивалась указанием на время действия (середина XVIII в.) и на место действия – Германия. Характерны эпиграфы к пьесе. В первом издании (вышедшем в самом начале мая 1781 г.): «Чего не исцеляют лекарства, исцеляет

железо; чего не исцеляет железо, исцеляет огонь». Эти слова звучали как призыв лечить общественные язвы Германии «железом и огнем». Еще решительнее был эпиграф ко второму изданию. На заглавном листе был изображен лев, готовый совершить прыжок, а под ним – красноречивая подпись по-латыни: «На тиранов!»

Сюжет трагедии сложился под влиянием рассказа тогдашнего прогрессивного поэта и публициста Даниэля Шубарта «К истории человеческого сердца». В чертах своего героя Карла Моора сам Шиллер признавал известное отражение образа «благородного разбойника» Рока Гипарта из «Дон-Кихота» Сервантеса. Много горючего материала давала и жестокая вюртембергская действительность, рассказы о настоящих разбойниках, швабах и баварцах.

Основной мотив «Разбойников» Шиллера – вражда двух братьев – был излюбленным мотивом драматургии «бури и натиска». На склоне своей недолгой жизни Шиллер обратился к нему еще раз в трагедии совсем иного строя и содержания, «Мессинской невесте» (1803), написанной в античном роде.

Премьера («пра премьера») «Разбойников» состоялась 13 января 1782 года в Мангеймском театре. Барон Дальберг, директор (он называл себя «интендант») этого театра, сделал все, что мог, чтобы смягчить социальную и политическую остроту изображаемых конфликтов, – например, лишить пьесу злободневности, хотя бы перенесением времени действия из современности в отдаленную пору истории Германии. Еще более калечили «Разбойников» многочисленные переделки и подделки, принадлежавшие хищникам, пользовавшимся тем, что права авторства не защищались законом. Слава Шиллера разрасталась, его прочили в немецкие Шекспиры, а драматург бедствовал. Ему пригрозили крепостью, пришлось бежать и в неимоверно трудных условиях писать «республиканскую трагедию» «Заговор Фиеско», а затем, в глухой деревушке, где он жил под чужим именем, «мещансскую трагедию» «Луизу Миллер», прославленную под именем «Коварство и любовь».

Электронная библиотека «Оригинал» - Классическая литература на языке оригинала и переводы на иностранные языки <http://originalbook.ru>